

Комитет по науке и высшему образованию администрации
Красноярского края
Сибирский юридический институт МВД России
Красноярский государственный университет
Объединение социологов Сибири
Красноярская краевая организация общества «Знание»
Красноярское отделение Российской социологической ассоциации
Красноярское отделение Российского общества социологов

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Материалы межрегиональной
научно-практической конференции

КРАСНОЯРСК 2004

ВБК 65.0

Региональные социологические школы в начале XXI века: Материалы межрегиональной научно-практической конференции /Отв. ред. В.Г.Немировский, Д.Д.Невирко. – Красноярск, Сибирский юридический институт МВД России, 2004.

Редакционная коллегия:

Круглянина О.Н., кандидат социологических наук (Сибирский юридический институт МВД России);

Москалев Л.Л., кандидат философских наук, профессор (Комитет по науке и высшему образованию администрации Красноярского края);

Павлов А.П., кандидат философских наук, доцент (Красноярский государственный университет);

Шинкевич В.Е., кандидат социологических наук (Сибирский юридический институт МВД России)

В сборник включены материалы докладов и сообщений, прозвучавших 29 марта 2004 г. на межрегиональной научно-практической конференции «Региональные социологические школы в начале XXI века».

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ	7
<i>Немировский В.Г.</i> Постнеклассическая социология как теоретико-методологическая основа изучения смысла жизни	7
<i>Сивиринов Б.С.</i> Нравственность как социальная детерминанта – императив развития современного общества	24
<i>Кукса Л.П.</i> Принципы интегральной социологии	29
<i>Тоненкова М.М.</i> Социологический взгляд на одухотворение социального пространства России	42
<i>Новокрещенов А.В.</i> Местное самоуправление: синергетический подход к пониманию	51
 НОВЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	59
<i>Беленький В.Х.</i> О предмете социологии	59
<i>Павлов А.П., Иванова Т.И.</i> Коммуникативный дискурс в социологии	68
<i>Грицков Ю.В.</i> Осмысление страдания в философии экзистенциализма	79
<i>Шинкевич В.Е.</i> Общество и попытка осмысления места социальной мобилизации в контексте неклассических социологических теорий	87
<i>Тоненкова М.М.</i> Социально-духовные ценности и экология сознания	92
<i>Минкин А.Н.</i> Энергоэнтропийная концепция девиации и элементы социальной среды, влияющие на девиантное поведение личности	100
<i>Авраменко Е.А., Шелковникова Н.Ю.</i> Сущность и возможности применения системного подхода на практике	112
<i>Иванова Р.И.</i> Философия и смертная казнь	118
<i>Стариков П.А.</i> Проблема многоуровневого системного мышления в социально-технологическом подходе	123
<i>Иванова Т.И.</i> Геронтосоциологические теории адаптации	130
<i>Кудрявцева В.И.</i> Космономическое освоение социальной реальности как тенденция развития современной социологии	141

<i>Сорокина Л.Я.</i> Предмет изучения – старение населения	148
--	-----

<i>Грабельных Т.И.</i> «Иркутская социологическая школа»: проблемы и перспективы развития.....	144
<i>Давыдов А.А.</i> COMPUTATIONAL SOCIOLOGY в институте социологии.....	161
<i>Круглянина О.Н.</i> Информационная интерактивность как способ познания социальной реальности.....	175
<i>Нагорный Н.Н.</i> История как объект социально-философского исследования	181
<i>Базаревская А.Е.</i> Возможности принципа дополненности Н.Бора как новой методологической идеи в изучении массового сознания населения Красноярского края за десятилетний период реформ	187

ПРИКЛАДНЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ, ЭКОНОМИЧЕСКОМ И ПОЛИТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ 194

<i>Нескрябина О.Ф.</i> Социальная аналитика и масс-медиа в век информационных технологий	194
<i>Логвинов А.М.</i> О социокультурных и организационно-управленческих процессах и проблемах оптимизации управления трудовыми ресурсами Красноярского края	198
<i>Невирко Д.Д.</i> Социология в исследовании криминогенной обстановки Сибирского федерального округа: поиск выхода из кризиса	206
<i>Комлев Ю.Ю.</i> Превенция молодежного наркотизма: от социологического анализа феномена к обновлению антинаркотического законодательства и социальной практики	212
<i>Бутенко А.В., Никитина О.Н., Лыкова С.Н., Таскина Е.А.</i> Метод «case-study» (кейс-стади) в изучении модели становления государственно-общественного управления образованием (на примере г. Красноярска)	221
<i>Бутенко А.В., Никитина О.Н., Лыкова С.Н., Таскина Е.А.</i> Новое поколение и телевидение: результаты социологического исследования	231
<i>Савочкин Д.В.</i> Проблема занятости на рынке труда закрытого города	238
<i>Клейменов В.Ф., Гольцова Е.В.</i> Информатика в социологии: от учебного процесса до внедрения в практику	241
<i>Горбач Н.А., Гончарова Г.Н., Жарова А.В., Больша-</i>	

<i>кова И.А.</i> Медико-социальные и психологические характеристики студентов: по результатам социопсихологического исследования	246
<i>Гончарова Г.Н., Горбач Н.А.</i> Медико-социальные и психологические характеристики руководителей – организаторов здравоохранения: по материалам социологического и психологического исследований	251
<i>Соколова Е.В.</i> Особенности массового сознания современной молодежи	258
<i>Афанасьева Е.Н.</i> Аксиологическая сторона процесса воздействия рекламы на массовое сознание	265
<i>Лемперт И.Н.</i> Социальная обусловленность штрафа: по материалам социолого-криминологических исследований	273
<i>Зуев Д.Н.</i> Содержание базовых политических символов в массовом сознании студенчества: опыт теоретического и практического исследования	278
<i>Труфанов Д.О.</i> Прикладные, традиционные и спортивные единоборства в современном обществе как фактор изменений ценностных ориентаций молодежи	284

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ КАК ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИЗУЧЕНИЯ СМЫСЛА ЖИЗНИ

Немировский В.Г.,
доктор социологических наук,
профессор
Красноярский государственный
университет
(г.Красноярск)

На рубеже XX-XXI веков социологическая наука вступила в постнеклассический этап своего развития. Это связано, в первую очередь, с кризисом как научного рационализма, так и традиционной позитивистской модели познания, которые лежали в фундаменте предшествующей социологии. Основанная на современной научной картине мира постнеклассическая социология имеет следующие особенности:

- развитие междисциплинарного и комплексного подходов к анализу социальной реальности;
- синтез социогуманитарного и естественно-научного знания;
- использование полипарадигмальных подходов;
- включение современных направлений системного анализа (синергетика, диатропика, фрактальный подход и др.) в спектр методологических основ социологии;
- опора на традиционную восточную философию и русский антропокосмизм;
- расширение представлений о предмете социологии и стирание междисциплинарных различий с иными социогуманитарными науками.

Эти характеристики непосредственно выражены в **универсумной парадигме**, развиваемой нами с начала 90-х годов прошлого века.¹

На наш взгляд, чтобы понять смысл жизни, надо ответить на два вопроса:

¹ Немировский В.Г. Введение в теоретическую социологию: Учебное пособие. – Красноярск, 1991; Немировский В.Г. Современная социология: Курс лекций. – Красноярск, 2002; Немировский В.Г. Современная теоретическая социология: Учебное пособие. – Красноярск, 2003; Немировский В.Г. Общая социология: Учебное пособие. – Ростов-на-Дону, 2004.

– во-первых, что такое смысл жизни?

– во-вторых, в чём он заключается?

В научной литературе этот термин используется неоднозначно: смысл жизни как результат, итог жизни; смысл жизни как нечто объективно должное (задачи, функции, приписываемые человеку извне); смысл жизни как феномен сознания.¹

Мы рассмотрим смысл жизни с двух позиций:

а) *со стороны требований, которые предъявляет общество к человеку;*

б) *с точки зрения его индивидуальных устремлений.*

Что же касается смысла жизни как феномена сознания, то под ним обычно понимают индивидуальную жизненную задачу. Однако такой подход страдает существенным недостатком. В самом деле, если задать вопрос о смысле жизни людям на улице, большинство из них «с ходу» не смогут на него ответить. Даже после некоторого размышления найти на него ответ для многих будет неразрешимой задачей. На первый взгляд напрашивается вывод, что феномен под названием «смысл жизни» в их сознании отсутствует. Значит ли это, что их жизнь лишена смысла? Безусловно, нет.

Дело в том, что традиционные философские, экономические, социологические и даже – страшно сказать – психологические модели человека (особенно те, которые используются в системе общего и профессионального образования) носят **рационалистический характер**. А это значит, что упускаются два важных момента: во-первых, наличие у человека сферы неосознанных побуждений; во-вторых, существование эмоций и чувств.

Итак, смысл жизни может быть не только сформулирован рационально. Нередко он проявляется в эмоциональных формах и имеет разную степень осознанности: от неясных колебаний настроения до чётких жизненных принципов и программ. Поэтому (с точки зрения современной социологии) смысл жизни можно определить как устойчивую преобладающую направленность группового или индивидуального сознания, непосредственно проявляющуюся в социальной жизни человека или общественной группы. При этом смысл жизни имеет ту или иную социальную ценность.²

¹ Шилов В.Н. К проблеме смысла жизни // Философские науки. – 1985. – №2.

² Немировский В.Г. Смысл жизни: поиски и проблемы. – Киев,

Было бы неверным рассматривать смысл жизни человека лишь как нечто «эфемерно-духовное». Мы живём в обществе, и все его структуры и их отношения «преломляют» представления о смысле жизни в соответствии с тем местом, которое занимает в них конкретный индивид. В сознании людей существует система стереотипов, отражающих (нередко весьма искажённо) смысл жизни представителей различных социально-профессиональных групп. В этих стереотипах воплощаются, прежде всего, представления о *целях и стиле жизни* людей разного пола и возраста, места жительства и национальности, имеющих ту или иную профессию и занимающих определённую должность. Иными словами, представления *для чего и как* должен жить человек в той или иной общественной группе. Именно в этом и заключается внешняя, *социальная сторона* смысла жизни. Она есть значение жизни отдельного индивида для общества. Но поскольку наше общество крайне неоднородно, в нём существуют разнородные, подчас противоречивые и хаотичные представления о том, как, для чего должен жить человек, в чём ценность и значение его жизни.

Но внешняя, объективная обусловленность смысла жизни человека отнюдь не является фатальной, а допускает известную свободу выбора. Отсюда, кстати, вытекает специфика *универсального* подхода к анализу смысла жизни. Она предполагает изучение его в единстве духовной и социальной сторон.

Духовная сторона смысла жизни проявляется в ценностных ориентациях личности, в её эмоциях и чувствах. Прежде всего – в стремлении человека выйти за пределы своего повседневного бытия, в его отношении к трансцендентному.

Смысл жизни как феномен личности проявляется в разного рода *смысложизненных ориентациях*, которые и образуют смысложизненную структуру личности. Последняя включает в себя, по крайней мере, четыре вида смысложизненных ориентаций:

- смысложизненные переживания;
- смысложизненные чувства;
- смысложизненные представления;
- смысложизненные принципы.

Таким образом, смысл жизни выступает интегральным (обобщённым) показателем системы ценностных ориентаций личности, наиболее ярким выражением её направленности.

Остановимся подробнее на смысло-жизненных переживаниях и чувствах как малоизученных в социологии.

Красной нитью через историю развития гуманитарных наук, в том числе социологии, проходит борьба между представителями «рационалистического» и «иррационалистического» подходов. Представители первого утверждают, что человек – существо сугубо рациональное, полностью осознает свои поступки и всегда имеет более или менее четко сформулированные цели своих действий. Сторонники второго считают, что человек далеко не всегда отдаёт себе отчет о действительных мотивах своих поступков, причины которых лежат в обширной сфере подсознания (или неосознанного). К последней относятся и эмоции. Подобный подход в западной социологии выражен, прежде всего, работами представителей фрейдизма, неопрейдизма, постфрейдизма.

Еще в начале XX в. знаменитый русский историк и социолог, почетный член Академии наук СССР Н.И.Кареев призывал: *«Социология должна раз и навсегда отказаться от чистого интеллектуализма психологии. В создании общественных явлений едва ли не более важную роль играет эмоциональная и волевая сторона жизни индивида»*¹. Эти слова актуальны и сегодня. Несмотря на критику «буржуазного иррационализма» в советской научной печати, ещё в 70-80-е годы были опубликованы несколько интересных, глубоких работ, освещающих как теоретические, так и эмпирические аспекты социологического анализа эмоциональной сферы личности.²

В девяностые годы прошлого века и в начале нынешнего в отечественной социологии ярким продолжением тенденции анализа эмоциональной сферы выступил цикл фундаментальных работ профессора Ж.Т.Тощенко, посвящённых «социальному настроению».³

¹ Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. – СПб., 1907. – С.37.

² Напр., разностороннему анализу такого эмоционально насыщенного феномена, как представления человека о самом себе, была посвящена работа И.С.Кона «Открытие Я». – М., 1978. В.Е.Хмелько исследовал воздействие социальных последствий НТР на формирование духовного мира советских рабочих, в частности на эмоционально-мотивационную значимость для них различных аспектов жизненной ситуации (Хмелько В.Е. НТР и формирование духовного облика советского рабочего. – Киев, 1982. – С.60-144) и др.

³ Тощенко Ж.Т. Социальное настроение – феномен современной социологической теории и практики // Социол. исследования. – 1998. – №1. – С.32.

И все же, говоря об изучении эмоций в социологии и стремясь при этом избежать впадения в «грех психологизации», мы должны четко ограничить предмет исследования. Соответственно специфике социологического подхода к нему следует отнести, с одной стороны, социальные факторы, влияющие на формирование эмоционально-чувственной сферы личности, и ее воздействие на социальную деятельность человека – с другой.

С точки зрения социологии особое место в эмоциональной сфере занимают **социальные чувства личности**. Их объективная сторона заключается в четко выраженной предметности. Поэтому содержание социальных чувств определяется представлением о некоем социальном объекте, который может быть как абстрактным, так и конкретным (например, чувство любви к Родине или к определенному человеку). Содержание социальных чувств зависит также и от потребности, на которую направлено внешнее воздействие: с альтруистической потребностью связаны альтруистические чувства, с потребностью в общении – коммуникативные и т.д.

Социальные чувства личности образуют сложную иерархическую систему. Как показали исследования, проведенные нами среди представителей различных социально-профессиональных групп, ее верхние «этажи» неизменно составляют чувства, обусловленные высшими социальными и духовными потребностями – в смысле жизни, в труде, в познании, в общении, а нижний – чувства, связанные с потребностями в комфорте, отдыхе, в пище, одежде.

Социальные чувства личности наряду с мировоззренческими принципами играют важную роль в регуляции ее социальной деятельности. Таким образом, социальные чувства личности тесно связаны с мировоззренческой направленностью и представляют собой особый класс феноменов по сравнению с фундаментальными эмоциями. Этот элемент направленности личности мы назовем **эмоциональной направленностью личности**.

В своё время в психологии проблема **эмоциональной направленности** была подробно разработана Б.И.Додоновым.¹ Согласно его выводу у людей наряду с целевыми установками формируются также установки на определенные комплексы

¹ Додонов Б.И. Эмоция как ценность. – М., 1978; Додонов Б.И. Гармоническое развитие и типологическое своеобразие личности // Психология формирования и развития личности. – М., 1981.

эмоций. Первоначально чисто функциональная потребность человека в эмоциональном насыщении преобразуется в его стремление к определенным переживаниям своих отношений к действительности. Ценностные ориентации, создаваемые потребностями в отношении, Б.И.Додонов называет проникающими ориентациями, поскольку одна и та же ориентация этого вида может выражать себя, проникая в различные сферы деятельности. Именно проникающие ориентации и лежат в основе эмоциональной направленности личности. Нами этот феномен впервые был изучен с социологических позиций, а позднее использовано понятие *«ценные переживания»*.¹

Ориентации на эмоциональные ценности опираются на определенные потребности, поэтому их индикатором может служить описание состояния удовлетворения этой потребности. Соответственно, специфика ценных переживаний во многом зависит от того, какая из потребностей человека лежит в их основе. Любая потребность предполагает нужду в предмете. Причём он не обязательно должен быть каким-либо физическим объектом, например пища – соответственно потребности в пище, одежда – соответственно потребности в одежде и т.п. Предметом потребности могут выступать и духовные образования (допустим, знания, в которых человек испытывает потребность), и определённые отношения к действительности, как, например, сочувствие, любовь к окружающим людям, стремление оказывать им помощь, поддержку – предмет так называемой альтруистической потребности.

Как известно, потребности выступают основой поведения человека. Мы попытаемся описать состояния переживания потребности. Естественно, что приведённые усреднённые описания могут несколько отличаться от индивидуальных ощущений. Сразу подчеркнём, что эти описания были «испытаны» уже более чем на десяти тысячах человек разного пола, возраста и профессий (школьниках и студентах, рабочих и инженерах, сельских жителях и горожанах) и опубликованы в научной литературе. Итак, чем больше человеку нравится испытывать то или иное переживание, тем сильнее развита у него соответствующая потребность.

Радостное возбуждение, подъём, когда работа идёт хорошо, когда видишь, что добиваешься успешных результатов,

¹ Немировский В.Г. Социология личности. Теория и опыт исследования. – Красноярск, 1989; Немировский В.Г. Смысл жизни: проблемы и поиски. – Киев, 1990.

свидетельствуют о наличии у человека **потребности в деятельности**; чувство необычайного, таинственного, неизведанного, появляющееся в незнакомой местности или обстановке, – потребности в **романтике**. Приятное чувство, радостное возбуждение, возникающее, когда находишься рядом с человеком, которого любишь, или когда думаешь о нём, говорят о потребности в **любви**. Радостное волнение, нетерпение при приобретении вещей, предметов коллекционирования, удовольствие от мысли, что их станет больше, – это чувства, связанные с потребностью в **приобретении вещей**; веселье, беззаботность, хорошее физическое самочувствие, наслаждение вкусной едой, отдыхом, безмятежностью жизни – с потребностью в **комфорте**.

Радость и гордость, когда находишься в центре внимания, когда тобой искренне восхищаются, свидетельствуют о потребности в **престиже, славе**, а своеобразное сладостное ощущение, когда какой-либо человек находится в твоей власти, полностью зависит от тебя, свидетельствует о потребности в **превосходстве над окружающими**. Приятное спокойное чувство, когда знаешь, что рядом с тобой есть человек, который всё за тебя решит, когда только надо следовать его указаниям, говорит о потребности в **покровителе**. Чувство радости и удовлетворения, когда удаётся сделать что-либо хорошее для дорогих тебе людей, свойственно человеку, испытывающему потребность в **содействии окружающим людям**. Своеобразное приятное чувство, возникающее порой, когда кто-либо обидит, унижит вас, сделает вам больно, духовно или физически, свидетельствует о потребности в **отрицательных эмоциях**. Горячий интерес, чувство риска, упоение ими, азарт, острые ощущения в минуту борьбы, опасности вызывают потребность в **опасности, риске**. Радость, хорошее настроение, чувство симпатии к людям, с которыми общаешься, взаимопонимание возникают при переживании потребности в **общении**. Своеобразное сладостное и красивое чувство, возникающее при восприятии природы или музыки, стихов и других произведений искусства, связано с **эстетической** потребностью. Приятное ощущение, когда ты полностью свободен, тебя никто не ограничивает и можно делать, что хочешь, говорит о потребности в **свободе, самостоятельности**. Горячий интерес в процессе познания нового при знакомстве с поразительными научными фактами свойствен человеку с потребностью в **знаниях**. Приятное ощущение безопасности, уверенности, когда знаешь, что никто и ничто тебе не угрожает, связано с

потребностью **в безопасности**, наконец, *чувство удовлетворения, когда видишь перед собой большую цель и понимаешь, что живёшь не напрасно*, – с потребностью **в смысле жизни**.

Подобные переживания могут быть разной степени интенсивности: от слабого колебания настроения, неясного томления чувств до всепоглощающего экстаза. Соответственно и степень взаимодействия человека с Универсумом бывает неодинаковой: от легкого прикосновения к границе Иного, мимолетного проблеска чего-то несравненно большего, чем наша повседневность, до полного слияния с Универсумом, когда теряется ощущение собственной личности. Даже возникая нечасто, такие переживания – в первую очередь максимальной интенсивности – дают нам ощущение остроты и наполненности жизни, ее осмысленности и ненапрасности.

В обычном состоянии мы воспринимаем окружающий мир как чередование прошлого и будущего, дня и ночи, обособляем свое «Я» от окружающего мира. В моменты же, когда переживания (будь то мистическая практика или творческая деятельность) достигают особой яркости и глубины (в психологии такие состояния принято называть «сверхценными» переживаниями), восприятие окружающего и ощущение самого себя поразительно изменяются, например при сверхценных переживаниях исчезает деление на прошлое и будущее. Все кажется существующим одновременно, сейчас. Может изменяться и восприятие пространства; в таком состоянии исчезает дуалистичность мира, на смену дискретному состоянию приходит восприятие цельное. Сознание оказывается лишенным разного рода бинарных оппозиций: субъект – объект, прошлое – будущее, день – ночь и пр.

Эйфорическое чувство материально-телесного и пространственно-временного единства, яркость и острота восприятия, ощущение счастья, свойственные сверхценным переживаниям, не что иное как «прорыв» сознания через многослойную оболочку социально-культурных стереотипов, правил логического мышления к естественному мировосприятию.

Понятие «сверхценные переживания» во многом близки к термину «трансперсональные», то есть такие переживания, в которых чувство самотождественности выходит за пределы индивидуальной, или личной, самости, охватывая человечество в целом, жизнь, дух и космос. При этом нельзя не согласиться с мнением В.В.Козлова и В.В.Майкова, что значение термина «трансперсональное», «духовное» следует чётко отличать от значения термина «религиозное». Религиозные переживания

относятся, прежде всего, к системе верований, хотя и содержат некоторые трансперсональные элементы. Духовное же относится к области человеческого духа, к той части человеческого опыта, которая не ограничена телесным переживанием. Трансперсональные переживания, выходящие за пределы уровня эго, включают духовные переживания, но также вбирают в себя воплощённое человеческое переживание высших уровней.¹

Именно такие сверхценные переживания, в противоположность «будничному сознанию», образуют своеобразные узловые пункты нашей биографии. Благодаря им человек испытывает удовлетворенность жизнью, ощущает ее полноценность, наполненность смыслом.

На основании многочисленных эмпирических исследований, проведённых нами в 1980-х – 1990-х годах прошлого века, четко выделяются две **группы сверхценных переживаний: «светлые» и «темные»**. Если первые взаимосвязаны только с эмоциями радости, интереса и удивления, то есть оптимистическим мироощущением, то вторые характерны для людей, склонных к эмоциям стыда, страха, вины (трагическому мироощущению), а также печали, гнева, презрения, отвращения (ожесточенному мироощущению).

«Светлые» и «темные» переживания мотивируют деятельность людей, наполняют их жизнь смыслом. Как считали философы Всеединства, проблема бытия человека прямо связана с конечностью его земного существования. Он постоянно ощущает собственное несовершенство и осознает незавершенность своего бытия, которое неизбежно прерывается смертью.² Противоречие между конечностью бытия конкретного человека и бесконечностью бытия всего сущего не позволяет человеку обрести психологическую устойчивость, обесценивает его жизнь. Необходимость выразить себя в том, что его превосходит, становится для человека стремлением соотнести свою жизнь с бесконечными предельными основами бытия, стремлением представить сущее цельным, всеединным, а себя – составляющей этой тотальности. Выражением этой направленности является влечение к **«светлым»** переживаниям и соответствующим им нравственным ценностям.

¹ Козлов В.В., Майков В.В. Основы трансперсональной психологии. – М., 2000. – С.8-9.

² Акулинин В.Н. Философия всеединства. От В.С.Соловьева к П.А.Флоренскому. – Новосибирск, 1990. – С.78-79.

В противном случае сосредоточение на ограниченности и конечности человеческого существования непременно ведет к отождествлению факта жизни человека с другими условными, ограниченными фактами и явлениями, не имеющими в своей самодостаточности ни смысла, ни цели. В данном случае самоценным становится конечное существование человека, но духовное при этом вытесняется биологическим, стабилизация и повышение материального благосостояния (как основа организменного уровня жизни) возводятся в ранг абсолютной истины. Проявление такой ориентации – тяга к **«темным»** переживаниям и соответствующим им ценностям. Е.Н.Трубецкой писал: «Одно из величайших препятствий, задерживающих духовный подъем, заключается в том призрачном наполнении жизни, которое дает житейское благополучие. Комфорт, удобство, сытость и весь обман исчезающей, смертной красоты – вот те элементы, из которых рождается пленительный мираж, усыпляющий и парализующий силы духовные»¹.

Значительно позднее эти два вида направленности человеческой жизни подробно изучил психоаналитик Э.Фромм, весьма удачно определив их как ***ориентацию на бытие и ориентацию на обладание***. Доминирование той или другой ориентации определяет различия в индивидуальных характерах людей и типах социального характера. Отнюдь не случайно «светлые» переживания сопровождают людей, живущих по принципу бытия, а «темные» – обладания. Чувства радости, красоты, удивления и гармонии, сопровождающие человека, живущего по принципу бытия, носят космический, божественный характер.

Два эмпирических модуса человеческого бытия выделяет и С.Гроф. Первый из этих модусов можно назвать **хилотропическим** сознанием (от греческого «материя» и «двигаться в направлении к чему-либо»), что означает «ориентированный на материю». Подобное сознание подразумевает знание о себе как о вещественном физическом существе с четкими границами, очерченными сенсорным диапазоном, которое живет в трехмерном пространстве в мире материальных объектов. Переживания этого модуса систематически поддерживают некоторое число базовых предположений: материя вещественна, два объекта не могут занимать одно и то же пространство одновременно, прошлые события безвозвратно утеряны, будущие события эмпирически

¹ Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. – Берлин, 1922. – С.65.

недоступны, невозможно одновременно находиться в двух и более местах, можно существовать только в единственной временной системе и т.п.

Второй эмпирический модус получил название **холотропического** сознания (от греческого «целый» и «двигаться в направлении к чему-либо»), что означает «направленный к целостности, к тотальности». Он подразумевает поле сознания без определенных границ, имеющее неограниченный опытный доступ к различным аспектам реальности без посредства органов чувств. Переживания в *холотропическом* сознании поддерживаются набором предположений, диаметрально противоположных тем, что характерны для *хилотропического* плана:

- вещественность и непрерывность материи является иллюзией, которая порождена частной трактовкой событий в сознании;
- время и пространство в высшей степени произвольны;
- одно и то же пространство может быть занято многими объектами;
- прошлое и будущее можно эмпирически перенести в настоящий момент;
- можно иметь опыт пребывания в нескольких местах одновременно;
- можно переживать несколько временных систем одновременно;
- можно быть частью и одновременно целым и т.д.

Носители *хилотропического* сознания смотрят на жизнь с точки зрения ограниченных приоритетов: я, моя семья, моя фирма, моя религия, моя страна, моя раса. Такой человек мало способен получать удовольствие от обычной, повседневной деятельности и вынужден прибегать к сложным схемам, связанным с планами на будущее. К числу его дополнительных характеристик относится и глубоко скрытый страх смерти.

Спроектированный на социальную ситуацию этот модус переживания фокусирует внимание **на внешних показателях и на объективных параметрах как на индексах уровня жизни и благополучия**. Причем качество жизни измеряется объемом материального производства, а не характером жизненного опыта и субъективным ощущением удовлетворения.

Таким образом, высшее, духовное начало в человеке побуждает его к достижению слияния с Универсумом в процессе творчества как мирского, так и сакрального (религиозная практика); в этом выражается его стремление к бытию, к «светлым» переживаниям. Напротив, низшее,

инфернальное в человеке толкает его прочь от «мира горнего», замыкая в узком кругу «темных», земных страстей. В этом проявляется вождение к обладанию.

Наши исследования свидетельствуют, что от характера ценных переживаний во многом зависят мотивы и успешность учебы и трудовой деятельности, темпы должностного продвижения человека, его взаимоотношения с товарищами по работе и учебе, интересы и увлечения в свободное время, критерии в выборе друзей и даже супруги или супруга, отношение к своим детям. *Говоря в целом, виды деятельности и ситуации, вызывающие те или иные приятные для человека переживания, он воспринимает как собственный смысл жизни. Беда лишь в том, что далеко не каждый в своем духовном развитии возвышается от ощущения осмысленности жизни, удовлетворяющей его на уровне ценных переживаний, до формулировки четких жизненных целей и принципов.*

Как показали наши исследования, стремления к тем или иным приятным переживаниям в сознании людей образуют определенные комплексы. Так, с помощью математических методов (факторного, кластерного анализа) установлено, что имеют место пять подобных блоков.

Первый (назовём его условно «*созидание*») включает в себя стремления к переживаниям, в основе которых лежат потребности в труде, в смысле жизни, в общении, в любви, альтруистическая и эстетическая потребности.

Второй (условное название «*властвование*») охватывает стремление к переживаниям, которые базируются на потребностях в самоутверждении, в престиже, славе, свободе, самостоятельности, в доминировании.

Третий («*потребление*») характеризуется ориентациями на переживание потребностей в приобретении вещей, в славе.

Четвёртый («*игра*») связан с ориентациями на переживание потребностей в романтике и в опасности, риске.

Пятый («*конформизм*») проявляется в переживаниях потребности в поиске покровителя и потребности в отрицательных эмоциях.

Подобные комплексы можно обнаружить у представителей различных социальных групп. Правда, у каждой имеется своя специфика. В частности, в различных социальных группах **базовые ориентации – на бытие и на обладание** – представлены неодинаково.

Смысл жизни выражает те или иные способы отношения человека к миру. Поэтому поиск ответа на вопрос, в чём

заключается смысл жизни?, лежит на пути выделения основных форм этого отношения.

Для этого обратимся к известному философскому положению о *деятельном* отношении человека к миру. Сама по себе человеческая деятельность обладает сложной структурой, которая содержит такие элементы, как цель, средства, процесс и результат.

Опираясь на принцип минимального универсума (последний представляет собой матрицу, которая описывает развитие любых материальных систем), в человеческой деятельности можно выделить три уровня.¹

Нижний – вещественно-энергетический – включает в себя две формы деятельности – **созидание** (инструментальный элемент) и **потребление** (экспрессивный) элемент. Созидание направлено на развитие человека, на утверждение его как ценности, как «меры всех вещей». Человек при этом рассматривается как индивидуальность, наделённая самосознанием и свободой воли. Потребление связано с использованием человека в качестве средства достижения каких-либо целей. Диапазон этих целей может быть весьма широк: от чьих-то эгоистических побуждений до некой идеи. При этом человек воспринимается как вещь, обезличенный объект, составляющий «трудовые ресурсы», «народные массы» и т.п.

Средний уровень – функционально-организационный – отражает функции и место человека в организации социальной жизни. В наиболее общем виде это властвование (инструментальный элемент) или подчинение (экспрессивный).

Высший уровень – информационный – характеризует формы деятельности, направленные на её процесс: сакральную (инструментальный элемент) или мирскую (экспрессивный). Мирская деятельность, направленная на свой процесс, – не что иное, как игра. Сакральная деятельность – различные формы религиозной жизни, цели которой – служение Божеству и спасение души – лежат в потустороннем, непроявленном мире. Субъективное же удовлетворение человек получает от самой деятельности.

Таким образом, выделились шесть смыслообразующих доминант: созидание, потребление, властвование, подчинение, сакральное, мирское.

¹ Немировский В.Г. Классические и постнеклассические подходы к анализу социальной реальности: Учебное пособие / В.Г.Немировский, Д.Д.Невирко, Д.Д.Гришаев. – М., 2003.

Они образуют целый ряд концепций жизни. В том или ином обществе, в конкретной культуре на первый план выходят определённые концепции смысла жизни. Остановимся подробнее на тех, которые распространены сегодня в российском обществе. Но прежде отметим, что для ответа на вопрос, в чём заключается смысл жизни, этого ещё недостаточно. Жажда жизни, присущая всем людям, хотя и не всегда осознаваемая ими, проявляется в представлениях о бессмертии, которые лежат в основе каждой концепции смысла жизни.

Теологический, или религиозный, смысл жизни означает служение Богу в той или иной форме. В соответствии с конкретной религиозной доктриной может содержать различные представления о бессмертии: бессмертие души, воскресение человека, перевоплощение души и т.п.

Духовно-нравственный – заключается в стремлении человека к духовному развитию и нравственному самосовершенствованию. Довольно часто бывает тесно связан с теологическим смыслом жизни, однако отнюдь ему не тождествен.

Созидательно-альтруистический – бескорыстная забота об общем благе и связанная с ней готовность поступиться во имя блага общества и других людей собственными интересами.

Социально-творческий – состоит в том, что человек стремится к созданию духовных и материальных ценностей и надеется жить в результатах своей деятельности. Очень активно эта концепция смысла жизни культивировалась властями при социализме.

Социально-демографический заключается в рождении и воспитании детей и внуков и, соответственно, в надежде «продолжить жизнь» в своих непосредственных потомках. Как известно, в сочетании с созидательно-альтруистическим и социально-творческим в своё время он составлял марксистскую концепцию социального бессмертия.

Игровые концепции смысла жизни включают различные варианты игровой деятельности:

- ориентированную преимущественно на культурное и интеллектуальное развитие личности (игра в шахматы, ролевые театрализованные игры, разного рода любительское творчество, чтение «высоко художественных» произведений, посещение театров, выставок, концертов «серьёзной музыки» и т.п.);

- направленную, прежде всего, на физическое развитие индивида (имеется в виду, в первую очередь, спорт);

- нацеленную на формирование не только физических, но и нравственных качеств человека, например, некоторые виды спорта;

– пассивное «убивание» времени с помощью домино, карт, спортивного «боления» и т.п.

Игра преодолевает отчуждённость и тяжеловесную серьёзность утилитарно-практической деятельности, выполняемой «за деньги». Игровой элемент зачастую присутствует и в трудовой деятельности, совершаемой во внерабочее время. Однако игра за плату – это уже не игра, а работа.

Важно подчеркнуть: притягательность игры в том, что она даёт глубокое психологическое ощущение насыщенности, «интересности» жизни. Но нередко это лишь иллюзия реализации смысла жизни. С завершением игры исчезает её цель и теряется смысл жизни. Поэтому те, кто реализует свой смысл жизни только в игровой деятельности, часто «скатываются» к патологическим способам удовлетворения потребности в смысле жизни, прежде всего алкоголю и наркотикам.

Престижный смысл жизни – это совокупность разных способов повышения своего социального статуса, своей значимости в глазах окружающих: от профессиональной карьеры до погони за богатством. Долговечность и даже принципиальная неразрушимость своего социального статуса, своего благополучия подсознательно воспринимается таким человеком как продолжение собственного «Я», что даёт ему иллюзию личного бессмертия.

Властвование тесно связано с престижным смыслом жизни. Оно выражается в стремлении к власти над людьми в любых формах, причём известность и слава, которые приносят власть, воспринимаются как залог обретения бессмертия в памяти людей.

Гедонистический смысл жизни присущ людям, которые стремятся к разного рода удовольствиям, наслаждениям. Их отношение к жизни можно выразить одним принципом: «После нас хоть потоп». Иллюзия бессмертия обретается ими за счёт вновь и вновь повторяемых попыток переживания чувственной радости, достижения состояния экстаза, во время которого как бы теряется ощущение взаимосвязи «Я» со своим телом, что субъективно подчас воспринимается как «пребывание по ту сторону смерти». В социально-патологических случаях гедонистическая направленность принимает форму алкоголизма, наркомании, сексуальной распущенности и прочих девиаций (отклонений).

Конформистский смысл жизни характеризуется стремлением «жить как все», ничем не выделяясь. Такому человеку безразлично, каковы ценности и жизненные принципы окружающих его людей: он приспосабливается к любым.

Растворение в человеческой массе, самоотождествление себя с неким сообществом дают конформисту ощущение личного бессмертия.

В соответствии с принципом минимального универсума концепции смысла жизни в массовом сознании составляют семиуровневую иерархию, расположенную по вертикали «материальное-духовное».

0. Пассивное убивание времени, «прожигание жизни», в основе которого лежит стремление к смерти.

1. Игровые концепции смысла жизни, направленные на физическое развитие человека.

2. Гедонистические концепции смысла жизни, выражающиеся в стремлении человека к удовольствию и разнообразным наслаждениям.

3. Социально-демографические концепции смысла жизни, а также конформистские концепции.

4. Престижные концепции смысла жизни, выражающиеся в стремлении к повышению своего социального статуса и власти над окружающими.

5. Социально-творческий смысл жизни.

6. Созидательно-альтруистический смысл жизни.

7. Духовно-нравственный.

В современной постнеклассической социологии исключительно важное внимание уделяется роли архетипов как регуляторов социального поведения человека.¹ В частности, архетипы, существующие в массовом сознании, служат моделями реализации концепций смысла жизни.

Архетипы, в соответствии с принципом минимального универсума, образуют ряд уровней:

0. Архетипы бактерий, вирусов и прочих микроскопических паразитических существ.

1. Архетипы растений (архетипы сосны, дуба, травы, ряски и др.).

2. Архетипы насекомых (архетипы паука, муравья, бабочки и пр.).

3. Архетипы животных, в том числе птиц и пресмыкающихся (архетипы обезьяны, волка, шакала, орла, соловья, змеи, жабы и т.п.).

¹ Василькова В.В. Синергетика и архетипические коды социальной самоорганизации // Синергетическая парадигма. – М., 2002. – С.247-263 и др.

4. Социальные архетипы (например, воина, учителя, целителя, видящего, синтетический архетип – Э.Эрриен¹, неудачника, середняка, победителя – Э.Берн).

5-7. Духовные архетипы, например, холистический архетип.

Подобные смысложизненные архетипы широко встречаются в обыденной речи. Например, о человеке говорят, что он «живёт, как плесень», «как трава», или «как растение», его могут назвать «дубом», «волком», «орлом», «зайцем» и т.п.

В каждой культуре смерть – логичное продолжение жизни, а образ смерти – искажённое отражение облика жизни. Мир потусторонний выступает превратным повторением мира реального. Как верно отмечает П.Гуревич, представления о потустороннем – неотъемлемый элемент «образа мира», который лежит в основе культуры той или иной эпохи. Такие представления могут разрастаться в необычайно богатую картину и могут быть «нулевыми», когда небо пустеет и по ту сторону жизни находится небытие. В любом случае оба мира – жизни и смерти – присутствуют в сознании культуры и определяют её существенные черты.²

Какие же **образы смерти** существуют у жителей современной России? В процессе исследований нами были выделены *шесть основных представлений о смерти и бессмертии, присущих сегодня россиянам.*³

Социально-творческое – «после смерти человек продолжает жить в своих делах, пока его помнят люди».

Социально-демографическое – «после смерти человек продолжает жить в своих детях и внуках».

Христианское – «после смерти человека его душа попадает в ад или рай в зависимости от того, как он прожил земную жизнь».

Буддистское – «через определённое время после смерти душа человека вновь появляется в этом мире, но уже в ином телесном облике».

Нигилистическое – «после смерти человек исчезает, поэтому любые его дела и стремления напрасны».

Потребительское – «после смерти ничего не будет, поэтому надо взять от жизни всё, что возможно».

¹ Эрриен Э. Путь четырёх дорог. – М., 2003.

² Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. – М., 1981. – С.176.

³ Григорьев С.И., Немировский В.Г. В поисках смысла жизни и справедливости: студенчество России на пороге XXI в. – Барнаул-Красноярск, 1995.

Таким образом, с позиций постнеклассической (универсумной) социологии смысл жизни личности анализируется в единстве его рациональных и эмоциональных аспектов, сознательных и бессознательных интенций человека, его отношений к жизни и к смерти, мирского и сакрального. Безусловно, названными чертами отнюдь не исчерпываются особенности универсумного подхода к изучению смысла жизни. Ограниченный объём статьи оставляет за рамками рассмотрения большой эмпирический материал, полученный в результате многолетних исследований смысложизненных ориентаций различных групп населения России.

ПРАВСТВЕННОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАНТА-ИМПЕРАТИВ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Сивиринов Б.С.,
кандидат философских наук, доцент
Сибирская академия государственной
службы
(г.Новосибирск)

Нравственность является одним из основных детерминант-императивов, непосредственно связанных с **активным вмешательством** общества и человека в собственное развитие и могущих обеспечить управляемость и устойчивость общества, его выживание, а также оказать весьма существенное влияние на социальные изменения, роль и место человека в цивилизации будущего.¹

В социологии существовала и до сих пор существует точка зрения, что развитие социальных отношений по пути рациональности должно все больше и больше редуцировать мораль как регулятор общества. Т.Лукман приводит мысль Т.Гайгера, что «это представляет собой необходимое условие для эволюции современного функционально дифференцированного, рационально организованного, гармонично-комплексного общества»².

¹ За последние десятилетия стало ясно, что ориентация только на экономико-потребительские ценности, в сущности своей основанные на эгоистическом ресурсопотреблении, заводит человечество в тупик.

² Лукман Т. О социологическом видении нравственности и нравственной коммуникации // Социология на пороге XXI века: новые

Более того, Никлас Луман вообще считает мораль обстоятельством, «отягощающим разрешение конфликтов». С этим можно согласиться, если принять во внимание всегда существующий конвенциональный, оценочный, а поэтому не свободный от субъективных интерпретаций элемент моральных систем. Можно сказать, что есть мораль Зла и есть мораль Добра при всей сложности человеческой оценки: что есть Добро и что есть Зло. Очевидно, что область морали и этики по сегодняшний день так и остается пограничной (между знанием и незнанием) областью социальной **науки**. И также, как в пограничных областях естественных наук, она отдает значительное пространство мыслительных спекуляций философии. Но что же должен означать социологический подход к морали и моральным проблемам общества?

«Социологическая теория морали, – пишет Н.Луман, – не выступает на место этики, но она заменяет те теории морали, которые трактуют как природное свойство человека стремление к уважению и к тому, чтобы избежать неуважения»¹.

Вероятно, для социологии как науки важно признание и анализ наличия социального порядка как следствия единой моральной функции в ее двух интерпретациях: социальной – как генерализованный результат, обеспечивающий общество в целом, и как «интерперсональной», обеспечивающей межличностные коммуникации и взаимное уважение.²

«Собственно социологический интерес, – отмечает Н.Луман, – был бы применим в исследовании того, как варьируются семантическое оснащение моралей с типикой социальных систем и, прежде всего, с социокультурной эволюцией».

Следовательно, для социологии должно быть небезразлично выяснение не столько природы, сколько **функциональной значимости** морали для общества. При этом следует обратить внимание на то, что прямое противопоставление (противостояние) социальной рациональности и нравственности отражает в социологии хотя и важный, но лишь внешний эмпирический слой

направления исследований / Под ред. С.И.Григорьева (Россия), Ж.Коэнен-Хуттера (Швейцария). – М., 1998. – С.59.

¹ Luhmann N. Soziale Systeme. Grundriss einer allgemeinen Theorie. Frankfurt a/M. 1993, S.320.

² Luhmann N. Soziale Systeme. S.319-320. Луман Н. О социологическом видении нравственности и нравственной коммуникации // Социология на пороге XXI века: новые направления исследований / Под ред. С.И.Григорьева (Россия), Ж.Коэнен-Хуттера (Швейцария). – М., 1998. – С.55.

социальных отношений. Действительно, мы вправе говорить о явных тенденциях деморализации всего человеческого общества. Кстати, это происходит не только под влиянием крайних проявлений капиталистического рынка, но и под влиянием просто политической и бытовой развращенности приходящего поколения, «переступившего» (по Достоевскому) многие нужные и ненужные, архаические моральные запреты, т. е. вкусившего опыт такого «рационального» поведения, которое функционально действительно противостоит нравственности как **перспективному** механизму и общему **стратегическому** принципу социального поведения. Об этой деструктивной рациональности пишет Ж.Т.Тощенко: «В наше время происходит **атрофия требований нравственности, замещаемых критериями рациональности**»¹.

Однако в социологии имеется опыт «вскрытия» более глубокого уровня взаимодействия разума и нравственности, когда разум, рациональность представляют собой неотделимый компонент именно нравственного поведения, когда **осознается и признается** необходимость, а следовательно, ценность того или иного поведения. «В конечном счете, – пишет К.Поппер, – рационализм обуславливает признание необходимости социальных институтов, защищающих свободу критики, свободу мысли и, следовательно, свободу человека. К тому же он устанавливает нечто вроде морального обязательства поддерживать такие институты»². Это единство разума и нравственности прослеживается, например, в императиве экологического поведения, требующего **осознания необходимости беречь природу** и возводящего все это в ранг нравственного поведения.

Разум – безусловно важный элемент социальной регуляции, т.к. **осознание** человеком соотношения между поставленными целями и возможными последствиями их реализации приводит к феномену **ответственности**. Таким образом, разум не противостоит функционально морали. По своей функции он предполагает **осознание** как необходимый элемент этических нормативов в социальном поведении.

В большинстве случаев человеческий разум нуждается и в поддержке со стороны нравственных механизмов, имеющих не просто иррациональную природу, но природу трансцендентного характера. **Человек, с его ограничениями разума никогда не сможет стать рациональным в той степени, которая позволила бы ему «отказаться» от морали.** Ведь мораль имеет ту

¹ Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. – С. 241.

² Поппер К. Указ. соч. – С.275-276.

трансцендентную силу своего действия, которая, в принципе, **абсолютна** и заставляла Канта удивляться этому моральному закону, «который внутри нас». Именно поэтому «Мораль всегда была независимой, в том числе ранее – в face-to-face – в интеракции членов общества. Даже в том случае, если комплексные моральные конфигурации значимости были интегрированы в учрежденческие нормы общества и даже получили собственный базис в морально-религиозных или специфически моральных, нравственных учреждениях, то это, наверняка, не означает исчезновение морали»¹.

Следует заметить, что все существовавшие и существующие системы моральных норм и принципов эффективно функционируют в масштабах всего общества только тогда, когда они имеют трансцендентную базу, т.е. **освящены** и продолжают **свято** восприниматься обществом. В этом смысле религиозная мораль является ярким примером достаточно эффективно действующих норм и принципов на протяжении тысячелетий истории. Нам могут возразить, что существуют системы морали «не религиозного происхождения», например конфуцианская. Однако очевидно, что и она стала эффективно функционировать лишь будучи освященной, как это прослеживается в Китае, Японии, Корее, т.е. там, где эта мораль получила распространение. «Вне зависимости от того, – отмечает Э.Гидденс, – фигурирует ли бог в религиозных верованиях, в них практически всегда присутствуют существа или объекты, вызывающие чувства трепета и благоговения»².

Никлас Луман, говоря о нравственном содержании устойчивых отношений взаимности между людьми, подчеркивал, что «она тесно связана с магически-религиозными представлениями, являющимися по сути функциональным эквивалентом предвидения»³.

Всемирно известен опыт Советского Союза, пытавшегося внедрить в жизнь «моральные принципы строителей коммунизма», но они, будучи не освященными, не получившими трансцендентную духовную поддержку, так и остались списком неосуществленных моральных норм.

«Старые субъекты морального действия (например церковь) находятся в кризисе...», – утверждает Т.Лукман. И все же

¹ Лукман Т. Указ. соч. – С.59.

² Гидденс Э. Социология. – С. 423-424.

³ Луман Н. Формы помощи в процессе изменения общественных условий // Социологический журнал. – 2000. – № 1-2. – С. 19.

хотелось бы уточнить. Кризис церкви как социального и организационного института – вполне возможное явление, сопровождающее либо ее трансформацию, либо функциональное банкротство. Но этот кризис преодолим, если жива Вера. Более опасен для общества кризис Веры, Совести, Чести. Если же общество на макросоциальном уровне утрачивает Веру как **всеобщее внутреннее личностное** состояние «трепета и благоговения», то это немедленно вызывает кризис **веры и доверия** на обыденном уровне. Ф.Фукуяма в своей новой книге пишет: «Национальное благосостояние, так же как конкурентноспособность, обусловлено такой единой всеохватывающей характеристикой, как уровень доверия, присущий обществу.¹ Ведь **внешняя** религиозность, так часто наблюдаемая в США и России, пока не позволяет делать оптимистические выводы. Данные социологов о религиозности в России свидетельствуют пока лишь о вербальной, внешне ритуальной форме религиозности, не- или мало затрагивающей внутреннюю духовно-нравственную составляющую личности.²

Реально наблюдается ситуация, когда каждая личность руководствуется **собственной** системой моральных ценностей, безусловно имеющей некоторые общие социокультурные черты. Поэтому в ситуациях социальной интеракции, делового, политического и т.д. общения теряется **всеобщий** нравственный ориентир, на базе которого строится доверие человека к человеку, человека к государству и его институтам. При таком положении дел каждый имеет основания сомневаться в доверии к другому. Сможет ли наше общество разрешить парадоксы нравственности, преодолеть кризис доверия на макро-, мезо- и микросоциальном уровнях.³

Нам представляется, что шанс регенерации морально-нравственного поля лежит все-таки в сфере религиозной веры (при всех прочих необходимых условиях общества). Именно она (не будем уточнять, в какой форме) как **всеобщий социально**

¹ Francis Fukuyama. Trust: the social virtues and the creation of prosperity. London: Hamish Hamilton, 1995. P. 7. Цит. по: Бусова Н.А. Культурные корни социального капитала // Социол. исследования. – 1999. – №8. – С. 144.

² Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. – С. 268-282.

³ Автор не исключает возможность существования такой индивидуальной нравственности, которая в отношении к миру и к людям очень близка механизму религиозной нравственности, но, на наш взгляд, это встречается весьма редко.

трансцендентный феномен способна возродить этику и дух социума в мире и в России.

ПРИНЦИПЫ ИНТЕГРАЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ

Кукса Л.П.,
доктор философских наук, профессор
Новосибирский государственный
архитектурно-строительный
университет
(г.Новосибирск)

Время, в котором живет современное мировое сообщество, определяется как эпоха глобализма. Эта эпоха как бы снимает крайности недавнего прошлого, именуемого капитализмом и социализмом. А так как о социализме упоминать теперь уже не принято, то глобализм соотносится ещё с таким определением, как посткапитализм. Вот так, в один миг распада СССР и мировой системы социализма, мировое сообщество вошло в новую эпоху, не отягощённую ни прошлым, ни возможностью будущего. Когда прошлое остаётся где-то позади, это как бы само собой разумеется, но когда ничего не светит впереди, в будущем, то человека, «отягощённого» по природе своей способностью мыслить и задавать вопросы, устремлять свой взор в будущее, не удовлетворяют мрак и холод, веющие из его глубины. Искушение глобализмом как некой новой современной «идеологией» определённой части населения планеты, причём владеющий властью и собственностью, заставляет искать антитезу ему. Пугающая статистика и различные пророчества о бедах и катастрофах человеческих – настоящих и будущих – в силу всё той же диалектики ставят перед необходимостью за субъективной стороной происходящих процессов, касающихся культурных, нравственных и политических устоев современной цивилизации, искать объективные факторы и скрытые в них обнадеживающие перспективы.

К объективности необходимо отнести законы Природы, той высшей материнской системы, частью которой являются люди. И как бы кто из социологов ни пытался понятием «социальное» отговориться от этих законов, утверждая, что социальное хотя и относительно, но всё-таки самостоятельный по отношению к природе способ бытия *Homo Sapiens*, именно эта относительность обнадеживает.

Её учёт помогает понять, что время, связанное с политическими реалиями глобализма, являет собой поверхностный слой более глубинных процессов, обусловленных абсолютностью законов природы. Проблема в том и состоит, чтобы людям, привыкшим не замечать эту абсолютность, её осознать и принять в свой самостоятельный, а сегодня всего лишь крайне субъективистский аспект социального бытия.

Факторов действия законов Природы в обществе много. По законам диалектики каждая грань субъективности несёт в себе объективное начало. Это значит, что и глобализму как идеологии противостоит в качестве объективного механизма природно-социальный процесс, который может быть понят на основе филогенеза* – природного феномена, скрытого в процессе формирования человечества как целостного организма.

Механизм филогенеза присущ не только органическому миру, но и природе в целом. Всё в ней движется по принципу распада исходного целого на два и более дочерних образования посредством естественного отбора, прогрессивного развития с повышением уровня жизнедеятельности или попаданием в эволюционные тупики, он включает периоды плавного развития или скачкообразные переходы в новое качество. Этому общему механизму подчиняется род человеческий. Специфика его действия в человеческих коллективах, обществах, социуме в целом обусловлена качеством идеальных, мыслительных конструкторов, влияющих на направления развития, приспособления. Идеальные, мыслительные конструкторы людей также подчиняются действию законов Природы, в результате чего человечество пережило распад исходного идеального образования, каковым является, например, мифология, достигнув предела в многообразии предметных областей науки, философии и религии.

В процессе дифференциации мыслительной деятельности и её результатов, взаимодействия различных духовных систем Востока и Запада, идеальное – социальная мысль как совокупность всех знаний человечества прошла своё прогрессивное развитие, сконцентрировав эту прогрессию в совокупности основных истин, позволивших понять, что за художественно-образной картиной мира, данной в мифологии, сокрыта логическая структура движения этого мира, которая затерялась в многопредметности

* Термин «филогенез» введён в 1866 году Э.Геккелем для обозначения процесса становления органического мира в целом (см. Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. – С.725).

современного знания. И эта потеря дорого стоит. Прогрессивное развитие обернулось регрессом, попаданием в эволюционный тупик. Всё многообразие знания как руководство к действию, согласованному с природой и её законами, затемнилось плюрализмом идеологий, оказывающих негативное воздействие на состояние общественного сознания.

Выход из тупика связан с синтезом распавшейся социальной мысли, который мог бы обеспечить скачкообразный переход феномена общественного сознания на высшую ступень развития социального сознания, которая несла бы в себе как принцип жизни *Homo Sapiens* не «борьбу» и «противоречие», а гармонию природы и скрытые в ней возможности социальной организации. Эта высшая ступень может быть связана с возвратом человека разумного в эволюционный процесс на факторе «прогрессивного развития с повышением уровня жизнедеятельности». И самый главный вопрос, который возникает при этом, заключается в том, чтобы понять, какое знание может лечь в основание этого синтеза.

Учитывая, что реально идущие процессы глобализации стремительно рушат национальные перегородки и превращают социальные образования, т.е. общества в рамках национальных границ, в структуры и элементы единого всеглобального человечества, основанием для синтеза должна стать социология. И это несмотря на то, что сама она не представляет собой исключение из правила, являясь продуктом своего времени.

Надежды на социологию возлагаются не первый раз. Вспомним знаменитую «Систему социологии» Питирима Сорокина, написанную в 19-20 годах XX века. Оценивая состояние этой науки на тот момент, он подчёркивал ее противоречивость. Социология того времени, с одной стороны, как бы и заняла своё место в ряду других наук и оказывала сильнейшее влияние на все общественные и гуманитарные дисциплины и не зависела ни от капризов власти, ни от предрассудков тех или иных учёных, с другой – продолжала быть в состоянии «становления». К тому времени она не успела ещё «застыть» в определённые шаблоны; по-разному понимались её предмет и задачи, по-разному очерчивались и контуры всего социологического знания. «В этом отношении, – писал П.Сорокин восемьдесят с лишним лет назад, – социология делит участь всех социальных обобщающих дисциплин: подобно тому, как правоведы до сих пор ищут определение права, как политико-экономы продолжают искать определения экономики и хозяйства, психологи – понятия психики и сознания, так и социологи не вполне ещё столковались относительно предмета социологии и основных проблем её

изучения»¹. Всё то же самое можно сказать о социологии и сегодня. И складывается впечатление, что время остановилось, а потому можно, в силу этого, ничего, например, не менять в тех руководящих принципах, которые П.Сорокин положил в основание своей «Системы социологии»². Но именно обращение к этим принципам с позиции современности и с учётом времени лет, разделяющих его социологию первой четверти XX столетия от её же состояния в начале третьего тысячелетия, показывает те качественные изменения, которые произошли не только в общественной жизни, но и в науке о ней.

Самые главные изменения в общественной жизни XX столетия связаны с Великой октябрьской социалистической революцией 1917 года, образованием на 1/6 части суши Земли СССР, со второй мировой войной и, наконец, «реформами» России 90-х годов. Так случилось, что именно 1/6 суши стала стержнем всех событий XX века, и их правильное понимание и оценка лежат в основании понимания путей выхода из тупика, в котором современное человечество оказалось. Для этого необходимо признать, что всё многообразие политических, идеологических, научных, а также массовых и индивидуально-личностных оценок этого периода можно свести к одному: состоялся прорыв человечества из общества, в смысле мирового сообщества, основание которого составлял индивидуализм к обществу, основанному на коллективизме. Вторая мировая война явилась фактором, упрочившим основательность новой тенденции, суть которой ещё предстоит понять. А потому события, связанные с распадом СССР, вовсе не обусловлены его поражением в так называемой холодной войне, а всего лишь объективной необходимостью возврата России на арену всемирной истории как общественного образования, призванного играть свою роль в тенденции пробивающейся через крайности социального движения. Происходящие за последние 15-20 лет события по реформированию России, как бы внешне пагубны и печальны они ни были, – всего лишь обстоятельства, снимающие исторические ограничения вульгарного коллективизма (в смысле исключаящего значимость индивидуальности), с одной стороны, и с другой – высвечивающие тот «человеческий» фактор, который не может войти в будущее в силу своего несоответствия установившейся

¹ Сорокин П.А. Система социологии: В 2 т. – М., 1993. – Т.1. Социальная аналитика: учение о строении простейшего социального явления. – С.48.

² Там же. – С.50-53

тенденции так называемого срединного пути, в рамках которого индивидуальное и коллективное в общественной жизни должны сосуществовать по принципу взаимодополнительности и гармонии. Отсюда такой резкий всплеск всех негативных проявлений человеческого поведения и тотальное господство социального насилия, что подтверждает крылатое выражение «перед рассветом тьма сгущается». Сегодня тьма «сгущается» не только в России. Она «сгустилась» по всему миру в устремлении отдельных стран к мировому господству, в терроризме, в нарастании межличностного и общественного насилия, многообразных преступлениях, техногенных и социальных катастрофах.

Однако в России действие этих факторов являет собой наиболее глубокие негативные последствия как демографического, психологического, идейно-организационного, так и экономического порядка именно в силу её срединного положения, которое традиционно принято называть евразийством. Более того, самые главные изменения в идеальных и мыслительных конструкторах этого периода связаны с СССР, с его философией, поднявшейся до материального единства мира и пытавшейся общественную жизнь оценить, наконец-то, с принципиально иных методологических позиций – понимания, природы и общества от достигнутого целого. Возникновение этих изменений в советский период было столь же необходимо, сколь необходимо их «отступление в тень» в 90-е годы как условие преодоления исторической ограниченности социальной организации на основе только коллективизма и синтетического мышления только на основе монизма и материализма, исключаяющего влияние духовных факторов в окружающем человека мире.

Из этого следует вывод, что оценка социологии, данная П.Сорокиным в 20-е годы XX столетия, указывает всего лишь на чисто внешние проявления исключительно разных процессов. Социология в России 20-х годов XX века по сути своей ориентирована на европейскую социологию того периода, о чём свидетельствует сам П.Сорокин.¹ Эта линия получила своё дальнейшее развитие, в том числе и с участием самого П.Сорокина, с его отъездом из СССР в 1922 году, и практически мало что прибавила к социологическим теориям XIX века, явившим «золотой век» европейской социологии. Другая линия, сформировавшаяся сначала на предметности общественно-экономической формации, а затем естественно-исторического

¹ Сорокин П.А. Система социологии.– С.50.

процесса и деятельности, природы и общества, вышла за пределы эмпирической европейской теории, на базе которой социология в России развивалась начиная с 70-х годов XIX века, и устремилась к «кодам более широкой применимости», возникшим на основе обобщения диалектическим материализмом данных естественных наук. И это явилось фактом естественного роста познавательных способностей людей и заложенных в них природой возможностей к умственному развитию на основе логического постижения. Это означает не только «первый» выход за пределы непосредственного опыта, т.е. «чувственных данных, приводящих к оценке воспринятого объекта как представителя некоторой категории, способности к группировке на основе общего признака». Открывшийся на основе этого второй выход потребовал в психологическом плане усвоения избыточной информации, полученной наукой первой четверти XX века, основанный на знании вероятностей сочетания различных черт окружающей среды», создания кодов более широкой применяемости.¹ Диамат и истмат явились ответом на вызов своего времени. Дальнейшее движение по «лестнице» умственного развития предполагало не разрушение этого «кода», а преодоление его «узости» опять же за счёт сознания кода ещё более широкой применимости. Однако этого не случилось. А совпадение оценок социологии прошлого века и современности говорит о том, что именно в силу изъята по идеологическим мотивам «целого пролёта» в истории своего становления она потеряла сегодня инициативу и возможность объединить в себе все глобальные проблемы в одну единственную, связанную с пониманием общественной сути и поиском путей её воссоздания в сознании людей, а значит, и практике. Сегодня эта потеря также дорогого стоит. Современная социология пристроилась в «хвост» стремительно уходящему времени, и эта ситуация грозит тем, что она так и останется в «младенческом возрасте», будучи не в состоянии ответить на вызовы времени, а спекуляции социологией, особенно в политической сфере, окончательно лишат её авторитета как серьёзной теории, а общество и его социальная мысль лишатся объединяющей «линзы».

То, что сравнительные характеристики современной, в том числе и российской социологии только внешне совпадают с характеристиками, данными ей в 20-е годы XX века, становится ясно при внимательном рассмотрении руководящих принципов, о которых писал в своё время П.Сорокин. Каковы же эти принципы?

¹ Брунер Дж. Психология познания. – М., 1977. – С.211-236.

П.Сорокин считал, что социология как наука может и должна строиться по типу естественных наук. Различны объекты изучения тех и других дисциплин, но методы изучения этих объектов одни и те же. Ни о каком противополжении «наук о природе» и «наук о культуре» не может быть и речи. Социология может и должна быть наукой теоретической, изучающей мир людей таким, каков он есть. Всякий нормативизм, считал он, из социологии как науки должен быть изгнан. Истина должна быть разъединена от Добра, Справедливости и т.п. принципов. Они несоизмеримы и гетерогенны. Далее, он считал, что социология должна быть объективной дисциплиной – объективной не только в смысле отсутствия оценочных норм и в смысле методов изучения явлений, но и в более специальном значении этого термина. Она должна уйти от «психических реальностей» к явлениям предметного характера, доступным наблюдению, а именно явлению взаимодействия людей. Социология должна прекратить философствование, уйти от натурфилософии и социальной философии. Хорошо продуманная статистическая диаграмма, по мнению П.Сорокина, стоит любого «социально-философского тракта». И, наконец, социология должна прийти к разрыву с несчастной идеей монизма – незаконным детищем незаконного брака с философией. «Последовательный социологический плюрализм – такова её основная позиция, которая должна быть последовательно проверена во всех её основных разделах»¹.

Надо сказать, что социология, отринувшая общую социологическую теорию советского периода, которой является исторический материализм в неразрывном единстве с диалектическим материализмом как его философской, методологической основой, до сих пор «руководствуется» этими принципами. Но с необходимостью, с которой действует закон, пробивает себе дорогу интегральная социология. Она устремляется к объединению накопленного знания в рамках эмпирических социологических теорий Запада, в структуру которых включается российская социология до- и постсоветского периода. Она сознаёт всю конкретно-историческую значимость исторического материализма как науки, вышедшей за пределы эмпирических теорий европейской социологии, но не достигшей более широкой всеглобальной применимости в силу односторонности материализма, с одной стороны, и заидеологизированности мирового сообщества XX столетия – с другой. Это устремление к интегративности требует корректных

¹ Сорокин П.А. Система социологии. – С.50-55.

изменений в руководящих принципах разработки социологии первой четверти XX века, следствием чего может стать осознание глубинных процессов современности, её вызовов и адекватных ответов на них в аспекте новой субъективности, способной стать фактором «прогрессивного развития с повышением уровня жизнедеятельности», кодом более широкой применимости.

И с этих позиций теперь уже интегральная социология не может и не должна строиться только по типу естественных наук, ибо это есть тип классического периода познания, в рамках которого принципы естествознания влияли на общественные науки, давая им как бы свой масштаб и способствуя их превращению в точную науку, благодаря методам изучения – наблюдения, эксперимента, описания и классификации, т.е. всего того, что составляет эмпирическое познание. И в этом смысл: социологические теории, в частности, XIX века, могут быть признаны точными, т.е. естественными науками. Снобизм естествоиспытателей по отношению к гуманитарным, в том числе общественным наукам держится на другом. А именно на том, что исследования первых находили подтверждение в практике, в частности, в технике и технологии в коротком интервале времени, а результаты и выводы гуманитариев, в том числе и социологов, как правило, в этом интервале времени практикой опровергались. Наиболее яркий пример тому, как это кажется многим, являет не оправдавшая себя общественная теория марксизма. Разрушение СССР, взявшегося за осуществление идеи коммунизма на практике, казалось бы, выбило последние опоры из-под общественных и гуманитарных наук, хотя именно марксизм через «материалистический историзм» окончательно обосновал и заключил идею естественного закона в общественной, в том числе в политической жизни. И только техногенные катастрофы XX века практически подвели и естественные науки к той же ситуации, которая однозначно обнаружилась в тотальном экологическом кризисе, ставшем моментом истины.

И здесь сразу возникла проблема мировоззренческого порядка. Её можно выразить на основе ограниченности понимания сути естественного закона и вывода о том, что каждая область внешнего мира, каждый особый круг его явлений подчиняются своим специфическим законам, и что законы природы существенно отличаются от законов общественной жизни.

Здесь многообразие законов соответствует качественному многообразию самих явлений, которые исследуют различные науки, открывающие законы каждая в своей области эмпирически

воспринимаемой реальности. Однако факт совпадения негативных результатов эмпирического познания – будь то естествознание или обществознание, социология – обращает внимание на то, что многообразие законов разных сфер мира, доступных человеческому познанию, соответствует единство, целостность этих сфер и наличие, очевидно, единого закона. Нарушение этого последнего и обусловило совпадение результатов различных наук и возникновение на этой основе эволюционного тупика.

Отсюда следует, что Интегральная социология должна быть естественной наукой, но не по аналогии с современным естествознанием, а по усмотрению действия в обществе, человечестве единого природного закона, которому подчиняются все виды деятельности, в том числе и умственная. И это независимо от того, что является её предметом – аспекты природы или общества. Более того, речь идёт об интеграции самого субъекта познания, каковым является *Homo Sapiens*. Деление, дифференциация и взаимодействие происходят уже внутри этого единого субъекта, его совокупной деятельности, исследуемого единой, т.е. интегральной социологией.

Подобные выводы ещё раз подчёркивают исключительную важность и историческую обусловленность материалистического историзма, ибо в рамках именно общей социологической теории советского периода был осуществлен переход к пониманию единства естественных и общественных наук, но не на основе методов классического познания, а на основе движения от эмпирии к теории, предметом которой являются всеобщие закономерности, методом диалектики, диалектической логики как условием перехода к разумному мышлению, предметом которого являются все результаты эмпирического познания, в особенности так называемого классического периода. Обрушение материалистического историзма не оправдало надежд. Так и не обнаружилось признаков появления новой социологической парадигмы. Установилось безвременное межсезонье в мировой социологии.¹ И здесь нечему удивляться. Субъективное вмешательство в логику естественно-исторического процесса, в том числе и логику развития знания об обществе, должно было привести к подобному результату. Материалистический историзм должен был занять своё место в «лестнице» восхождения человечества в познании своей общественной жизни. А

¹ Покровский Н.Е. Дискуссионные проблемы социологического конгресса. К итогам XV Всемирного социологического конгресса // Социс. – 2003. – № 2. – С.3.

дальнейшее движение могло осуществляться на основе «снятия» его ориентированности на изживший себя основной вопрос философии, историческую ограниченность классовой предопределённости и принципа партийности.

И в этом смысле интегральная социология должна стать теоретической наукой, изучающей мир таким, каков он есть, причём усматривая в нём именно нормативные, т.е. природные факторы, обуславливающие единство многообразия, и присутствием этого последнего, в том числе и в общественной жизни. Именно нарушение этого природного фактора, включающего не только материальность, но и одухотворённость этого мира, присутствие которой в общественной жизни составляет его нормативность, поставило диаматовское «единство мира в его материальности» и истматовское «общественное бытие определяет общественное сознание» в позицию однобокой конструкции, которая должна была упасть. Однако отказ от этих последних в силу идеологических или идеалистических пристрастий привёл к господству все тех же однобоких идеальных конструктов, являющих собой коды узкой применимости, которые с точки зрения психологии познания Дж. Брунера требуют постоянного расширения до всё более и более широкой применимости на основе синтеза устремляющегося к единству многообразия и объяснению противоречия между ними как средству теоретического познания. И здесь вряд ли истина должна быть разъединена с Добром и Справедливостью и т.п. принципами. Устремление к целому, единому закону, которому подчиняется всё и который и есть Истина и Справедливость, снимает с этих понятий их несоизмеримость и гетерогенность и даёт важнейший критерий для понимания и объяснения современного «процесса познания», установления такой классификации его, результатов в которой ничто не будет умалено, а найдёт своё место в соответствии с приближением к Истине, Добру и Справедливости. Эти результаты не могут противостоять друг другу, если они содержательно отвечают этим высшим понятиям¹, а значит, соотносятся единым законом по

¹ Позднее П.Сорокин полностью отказался от идеи несовместимости Истины, Добра и Справедливости. В одной из своих поздних работ он писал: «Подобно христианской Троице Отца, Сына и Св. Духа Любовь, Истина и Красота являются величайшими ценностями и энергиями – неразделимыми, но отличными друг от друга. По этой причине подлинная истина всегда добра и прекрасна, подлинная красота неизменно истинна и добра, а подлинная любовь всегда истинна и прекрасна. Потенциально каждая из них содержит две

принципу дополнительности. Совпадение Истины, Добра и Справедливости с единым законом наконец-то освободит человечество от того, чтобы каждому искать мерил только в самом себе или в себе противных, причем, как правило, без учёта историчности и относительности результата познания.

Признание единства многообразия и совпадения по своему содержанию в силу этого Истины, Добра и Справедливости даёт основание для объективности, в частности интегральной социологии, в части, например, признания фактора психической реальности как неотъемлемого момента целостности, единства многообразия окружающего человека мира, а значит, и взаимодействия людей. Сосредоточение внимания только на «внешних двигательных реакциях индивида, живущего в среде себе подобных», привело социологию в лоно механистической картины мира, а человека поставило в начало ряда роботов. Поэтому, чтобы вернуть в интегральную социологию человека как высшее проявление природы, необходимо вернуть философию, психологию и социологию друг другу. Без этого «хорошо проведённая статистическая диаграмма» являет всего лишь констатацию кризиса и тупика, не предлагая решения проблемы. И в этих условиях интегральной социологии предстоит одновременно стать и натурфилософией, и космической антропологией, и психологией, а также естественной и одновременно технологической, т.е. точной, наукой.

Предстоит преодолеть сложившееся в марксизме негативное отношение к натурфилософии как умозрительному истолкованию природы, рассматриваемой в её целостности, ибо многие открытия естествознания в XX веке оправдывают это умозрение как выход за пределы информации, основанной на чувственных данных в пределы такой, которая «основана на знании вероятностей сочетания различных черт окружающей среды». Именно благодаря этой особенности психологии познания наиболее значительную роль натурфилософия играла в древности. Фактически она являлась первой исторической формой философии. Древнегреческие натурфилософы выдвинули ряд гипотез, сыгравших значительную роль в истории науки, например, атомистическую гипотезу. Новый этап натурфилософии связан сегодня с философским осмыслением достижений современного естествознания и оправданием метафизики как способности к эволюционному постижению мира, основанному на единой

другие». (Сорокин П.А. Тайнственная энергия любви // Социол. исследования. – 1991. – №8. – С.123.)

диалектике и постоянном выходе за пределы непосредственной информации посредством восхождения от конкретного к абстрактному и от этого последнего к конкретному, синтеза объяснения и понимания как важнейших инструментов историко-логического или теоретического познания. Речь идет, в том числе, и о восстановлении герменевтики, но с учётом значимости для неё проблемы единства многообразия, целостности, а не просто суммарности естественных и социальных законов, но и присутствия единого закона, обеспечивающего поддержание окружающего человека мира, Космоса в рамках этого единства. Именно этим последним в конечном счете обусловлено понимание природы Космоса как целого и скрытой здесь возможностью выхода на новый более широкий «код» описания окружающей человека среды в качестве универсальной методологии. Что касается социальной философии, то она, очевидно, должна уступить место более точному названию – Космической антропологии, в рамках которой с опорой на имеющиеся сегодня привычные, но так и не уточнённые «общественное» и «социальное» включаются в философию природы как философию Космоса на совершенно определённых основаниях – «общественное» как единство индивидуального и коллективного, «социальное» как отчуждённое от природы Космоса и противостоящее ей крайностями, то господствующего эгоцентризма, подменившего индивидуальность и отказавшегося от коллективного, общинного, то вульгарного коллективизма, посягнувшего на индивидуальность. Исключительно важно и преодоление характеристик «социального» как отчуждённого от природы и признающего только плюрализм и демократию, исключаящих дуализм одухотворенного материализма как основу самодвижения целого, а также монизм, единство, иерархию как основу гармонии, позволит, наконец-то, обнаружить в рамках Интегральной социологии факторы прогрессивного развития с постоянным повышением уровня жизнедеятельности, а вместе с тем и основания для того, чтобы стать естественной наукой, и обусловит переход от социальной технологии к технологии естественной.

Таким образом, всякая попытка историческую ограниченность познавательных процессов возвести в абсолют и служит основанием для эволюционного тупика. Особенно он даёт о себе знать на «стыке» эпох. Это значит, что время, которое человечество Земли сегодня переживает, и есть такой «стык». Интегральный социолог в качестве своего предмета выбирает этот «стык», ставит задачу понять сложившуюся ситуацию, найти пути

её преодоления. Она выстраивается на совершенно иных руководящих принципах, чем, например, это, возможно, было в первой четверти XX века. Это не должно быть понято как укор или как критика знаменитого российско-американского социолога. Он дал ответы на вопросы своего времени, вычленив во взаимодействии людей исходную «клеточку» анализа общественной жизни, тем самым завершив эмпирический период европейско-российской социологии*. Это укор себе и своим современникам, которые так легко и просто позволили выбросить целый «пролёт» в познавательном процессе, связанный с философией и общей социологической теорией советского периода, и являли собой ступень нового подъёма на пути логического постижения мира и себя в этом мире.

Надо полагать, что со временем из синтеза подходов эмпирических, теоретико-логических и метафизических сложатся принципы эволюционного познания, исключающие всякую возможность идеологического или какого-либо иного вмешательства в познавательный процесс, выбрасывание звеньев этого процесса по произволу, как это неоднократно случалось в прошлом, вопреки постоянной необходимости искать возможности синтетического устремления к Единой Истине и Единому Закону посредством разработки познавательных «кодов» всё более широкой и, возможно, всеохватывающей применимости как ответа на вызов очередного конкретно-исторического времени. Ибо ничто не может быть понято в отрыве от своего времени без специальной проработки с точки зрения преобразённой

* Более того, уже в американский период жизни П.Сорокин критиковал господствующую в США эмпирическую тенденцию и развивал учение об «интегральной» социологии, охватывающей все социологические аспекты широко понятой культуры. Социальная действительность рассматривалась П.Сорокиным в духе социального реализма, постулировавшего существование сверхиндивидуальной социокультурной реальности, не сводимой к материальной реальности и наделённой системой значений. Характеризуемая бесконечным многообразием, превосходящим любое отдельное её проявление, социокультурная реальность охватывает истины чувств, рационального интеллекта и сверхрациональной интуиции. Все эти способы познания должны быть исследованы при систематическом исследовании социокультурных феноменов, однако высшим методом познания П.Сорокин считал интуицию высокоодарённой личности, каковой он был сам, при помощи которой были, по его мнению, совершены все великие открытия.

диалектики и историко-логического анализа. Сегодня как всегда «нельзя войти в одну реку дважды».

На фоне этой проработы в рамках интегральной социологии разворачиваются обобщённая картина современного состояния социальной мысли и заложенные в ней возможности прогрессирования идеальных конструкторов в новую универсальную методологию и выхода человечества на новый виток развития, но уже не только на основе интеграции социологических аспектов «широко понятой культуры», т.е. установления отношения к ближайшим явлениям жизни, но и отношения ко всему бесконечному по времени и пространству миру, понимая его как одно целое.¹ В общей сложности они, с одной стороны, связаны с натурфилософией, с другой – сосредоточены на поисках природного фактора в общественной жизни как критерия для решения сложнейших проблем нашего времени.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ОДУХОТВОРЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ

Тоненкова М.М.,
доктор философии, кандидат
педагогических наук, академик
МАИСУ

Нижегородская региональная общественно-просветительская организация
«Млечный Путь»
(г.Нижний Новгород)

Современное политическое, экономическое, морально-нравственное и духовно-творческое лицо России вызывает отчетливое желание передовых сил страны направить её развитие к улучшению всех характеристик бытия нашего государства и его граждан. В числе первых забот выдвигаются проблемы сохранения и упрочения социально-духовных ценностей, экологии сознания людей и одухотворения социального пространства, без чего, по мнению многих ведущих ученых, ныне становится невозможным осуществление роста экономического и политического потенциала.

Под социальным пространством современные социологи подразумевают некую человеческую Вселенную, состоящую из

¹ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т.35. – М., 1980. – С.165.

населения Земли. Оно отличается от геометрического пространства уже тем, что даже близко расположенные друг к другу люди могут резко отличаться по своему социальному статусу, мировоззрению, энерго-информационному состоянию, способам бытия и др. Можно говорить о социальных пространствах различных стран, в том числе России.

Но нас в первую очередь интересует не просто социальное пространство, а **социоэкологическое пространство**, то есть такое социальное пространство, в котором люди создают условия экологического бытия и развития, ведущего к организации высокоразвитого социокультурного пространства. Важной чертой социоэкологического пространства является наличие духовно-творческого устремления многих людей, способных удерживать и улучшать достигнутое более высокое состояние социального пространства.

К способам бытия, на наш взгляд, можно отнести ориентированное существование человека в социальном пространстве и социальном времени. Говоря о формах бытия индивида и человеческих общностей, лучше, пожалуй, говорить именно о **социоэкологическом** пространстве, в котором человек может жить в различных ипостасях, существуя в некотором конкретном промежутке социального времени.

Рассмотрение ипостасей человека необходимо проводить в связи с концепцией человека как существа **космопланетарного**, обладающего энерго-информационными свойствами и подчиняющегося в своем бытии космическим законам.

Понимание этого факта присуще человечеству с древнейших времен, со времени образования первых цивилизаций. Однако именно эта ипостась человека и требует в новом тысячелетии внимания социологов, философов, других ученых, так как начинается новый космический цикл для Вселенной, Солнечной системы. Известно, что даже наше летоисчисление проводится в соответствии с космическими циклами Вселенского Бытия.

Современная наука должна учитывать, что социоэкологическое пространство жизни организуется не только человеком, но и **космическими энерго-информационными потоками**. Вспомним хотя бы «магнитные дни» в зависимости от Солнца. А ведь это лишь простейшие параметры для измерения подобного влияния. Очень многие и гораздо более мощные влияния Космоса человек просто не может учесть ввиду своего незнания или недостаточного понимания глобальных космических процессов. Но именно эти мощнейшие космические энерго-информационные потоки определяют условия элементарного

физического бытия человека, его эмоционально-чувственных проявлений, интеллектуальной силы индивида, человеческих сообществ и планетного социума в целом.

Однако колоссальную роль человеческого влияния на состояние социоэкологического пространства нельзя переоценить. Прежде всего, это влияние характеризуется состоянием и качеством **человеческих отношений**. Отношения между людьми создают определенные структуры и энергетические эгрегоры. Например, люди, находящиеся в отношении искренней любви к другим людям, создают особый эгрегор тончайших энергий любви, благотворное действие которого на состояние социоэкологического пространства является наиболее сильным.¹ Попробуем рассмотреть возможности одухотворения социального пространства как с социологической, так и с информационной точек зрения. Одухотворение состоит в накоплении тончайших духовных энергий в различных эгрегорах. Результатом такого накопления будет преобладание духовных энергий в эгрегоре **социоэниосистемы** в целом, а также его положительное обратное влияние на социум. При этом под социоэниосистемой будем подразумевать совокупность всех энергосостояний социальных групп и общественных институтов социума и связей между ними, существующих в социуме в каждый момент времени и возникающих в результате всеобщего энерго-информационного обмена внутри социума и в его взаимоотношениях с природой.

Само накопление духовных энергий может происходить через деятельность индивидов и различных социальных групп людей, их взаимодействие и внесение в их деятельность духовно-творческого начала. Например, учить кого-то в этом случае – означает учить с любовью к обучаемым, с полным профессионализмом, с отдачей знаний и качеств души при максимально возможном коэффициенте полезного действия и использовании знания в гуманных целях. Только в этом случае процесс обучения будет работать на одухотворение социального пространства. Аналогично можно подойти к осуществлению и любой другой деятельности в социуме.

Однако опыт одухотворения социального пространства через деятельность и гармонизацию отношений между людьми сопряжен с известным противостоянием этому направлению жизни со стороны людей, видящих свою цель в достижении благ через

¹ Тоненкова М.М. Социология духовной жизни будущей России: новый социологический вектор: Монография. – М., 2001 (см. главу о социоэнергетике и социоэгрегорах).

поглощение энергий и результатов деятельности других людей и социальных групп. Так сталкиваются два начала – созидательное и разрушительное.

Отсюда мы имеем выход к информационной борьбе, происходящей в информационной среде того и другого начала. Информационную среду (сферу) можно понимать как совокупность информационных ресурсов, систем информирования, распространения и использования информации, информационной инфраструктуры, как пишет В.Ф.Прокофьев.¹

На уровне современного состояния человеческого сознания и знания всё это выводит социум на изобретение и использование тайного информационного оружия в противостоящих политических системах, то есть на информационные войны. А это, в свою очередь, резко ухудшает состояние социоз экологического пространства и препятствует его одухотворению.

С точки зрения науки информатиологии сознание человека и его память являются формами, состояниями и проявлениями информации, а Вселенная есть аналог большого мозга с бесконечно большим по информационной емкости банком данных. Этот банк можно считать ноосферным банком информации живого вещества. С этой точки зрения такие болезни, как рак, СПИД, вирусные инфекции, – это, прежде всего, информационные процессы, а сохранение здоровья и лечение – это использование информационно-кодовых процессов и механизмов.² Поэтому и возникла первостепенная задача – сохранение сознания и самосознания человека, здоровой психики и укрепление социоз экологического пространства.

Создано психотронное оружие, которое может всё это уничтожить. Встала насущная задача обеспечения информационной безопасности России. Об этом писали еще И.Винокуров и Г.Гуртовой в книге «Психотронная война»³, на которую я ссылаюсь в своей книге «Услышь мой зов» в параграфе о психотронных генераторах (1996 г.). Ныне опубликованы для всеобщего ознакомления серьезные работы специалистов по психотронному оружию, например, В.Д.Цыганкова и В.Н.Лопатина, которые предупреждают о возможном информационном коллапсе цивилизации. Нарушение

¹ Прокофьев В.Ф. Тайное оружие информационной войны. – М., 1999. – С.15.

² Цыганков В.Д., Лопатин В.Н. Психотронное оружие и безопасность России. – М., 1999.

³ Винокуров И., Гуртовой Г. Психотронная война. – М., 1993.

социологического пространства, в том числе России, приводит к массовому вымиранию людей.¹

Существуют самые различные формы манипуляции сознанием людей – от неприкрытой лжи, подмены понятий до откровенного подавления сознания, о чем блестяще написал известный ученый профессор С.Г.Кара-Мурза.² Обсуждая вопрос о развале Союза, он писал, что «поражение СССР было нанесено именно в духовной сфере, в общественном сознании». Этой же проблеме посвящена документальная книга В.А.Лисичкина и Л.А.Шелепина.³

Но ведь надо же противостоять этому разрушительному влиянию, чтобы не погибли русский народ и его душа, русская нация. И жизнь показывает, что возникает движение за **информационную и духовную безопасность России**. Задача всех творческих людей планеты совершенно противоположна информационному воздействию разрушительного характера, поэтому возникает естественное противостояние этому воздействию. Чем же можно не только противостоять информационному и психотронному воздействию, но и содействовать одухотворению социального пространства?

Во-первых, этому может противостоять сила человеческого интеллекта созидательного как антипод интеллекту разрушительному. И это касается всех аспектов и сфер информационной деятельности – психического, компьютерного и др. Об этом автор писала в книге «Услышь мой зов» (гл. III), это же подтверждает информაციолог С.Н.Гриняев.⁴

Во-вторых, замечательным орудием противостояния всем видам разрушительного психического и информационного воздействия является сумма положительных морально-нравственных качеств человека, проявляемая им в жизни как в деятельности, так и в отношениях с людьми, животными и всей природой. Это известно людям с давних времен, во всех цивилизациях и народах, из всех сказок и былин, из духовных заповедей Библии, Корана, Вед, Авесты и т.д. Искренне соблюдая в качестве жизненного кредо нравственный кодекс, данный нам во

¹ Гундаров И.А. Пробуждение: пути преодоления демографической катастрофы в России. – М., 2001.

² Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М., 2000. – С.303.

³ Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Третья мировая информационно-психологическая война. – 2-е изд. – М., 2000.

⁴ Гриняев С.Н. Интеллектуальное противодействие информационному оружию. – М., 1999.

всех великих учениях, человек восходит к вершинам духовности, делая благополучным и само государство.

В-третьих, имея духовные устремления, живя в согласии с миром и душой, человек одухотворяет окружающее социальное пространство («измени себя, и ты изменишь мир»), а одухотворенное пространство жизни гораздо труднее нарушить любыми воздействиями. Именно **духовное развитие народа является базой обеспечения всех видов безопасности страны**. Социальное пространство можно одухотворять как индивидуально, так и в групповой социальной работе по оказанию духовной социальной помощи (беседы, несение духовно-нравственных знаний в массы, организация духовно-творческих видов деятельности и разносторонней помощи людям и природе и др.).

В 1999 г. в России созданы два уникальных журнала: «Безопасность Евразии» и «Национальная безопасность и геополитика России».

Первый из них – журнал высоких гуманитарных технологий – является журналом Личной, Национальной и Коллективной Безопасности. Кредо этого журнала – «содействие осмыслению и проведению в жизнь Национальной цели и Социального Идеала – достижению Благополучия каждым Человеком, каждым Россиянином, каждой Семьей, процветанию Отечества»¹.

Редакционный совет этого журнала, возглавляемый известным ученым-социологом Р.Г.Яновским, взял на себя огромную ответственность и грандиозную задачу «способствовать созданию и реализации программы совместных действий, направленной на решение проблем безопасности Человека, Общества, Народа и Государства, призванной помочь в обустройстве России и обеспечении безопасности, а также соседей, Евразии в целом, самой цивилизации»², что и успешно осуществляет уже три года.

Второй журнал – «Национальная безопасность и геополитика России» – встал на защиту всех видов безопасности нашей страны. Огромную роль он отводит сохранению и укреплению духовной и информационной безопасности России. В самом деле, «кризис духа есть внутренняя угроза национальной безопасности» России, а современное состояние России есть «разорванность», как пишет

¹ Безопасность Евразии. – 2000. – №1. – С.5.

² Там же.

в одном из номеров этого журнала В.И.Мурашов – главный редактор журнала «Школа духовности».¹

Действительно, разорванность сейчас пронизывает всю нашу жизнь: семью, гражданское общество и государство. «Глубинный корень дезинтеграции общественной жизни – *саморазорванный дух*: нецелостный способ мышления, грубоматериалистическое мировоззрение, духовно не просветленное чувство, морально слабая, эгоистически направленная воля, изолированность от Высших Сил Единой Жизни – словом, *бездуховность* (курсив – М.Тоненкова)»².

Негативное информационное воздействие имеет продолжение в виде различных дополнительных форм разрушения психики, например, чудовищных размеров наполнение нашей повседневной жизни шумовым хаотическим воздействием.³

По всем этим направлениям проводятся социологические исследования социального самочувствия граждан России. Так, например, по данным исследования ИСПИ РАН, проведенного в 1994 г., преобладающее большинство граждан России не ощущают себя защищенными и свободными, в настроениях преобладают растерянность и страх, пессимизм, неуверенность в завтрашнем дне. 75% опрошенных москвичей отвечали, что государство не обеспечивает их конституционные права. Аналогично отвечали жители многих других городов России.⁴

Отсюда ясно, что для возрождения России во всех сферах жизнедеятельности требуется **единение** людей в возрождении национальной культуры, постановке образования на новые позиции воспитания **целостного** человека. Требуется направленность науки на возрождение разрушенного общества. Как считают буддисты, «наука не имеет никакой ценности, если

¹ Мурашов В.И. Кризис духа как внутренняя угроза национальной безопасности и роль интегрального образования в его преодолении // Национальная безопасность и геополитика России. – 1999. – №5. – С.25-36.

² Там же.

³ Tonenkova M.M. Information Ecology of Sound Effect on People and Nature // International Conference «Instrumentation in Ecology and Human Safety'96», proceedings St. Petersburg, 30 October – 2 November. – St. Petersburg, 1996, p. 155-160.

⁴ Ивашов Л.Г. Духовно-нравственная безопасность России // Национальная безопасность и геополитика России. – 1999. – №2. – С.25-27.

она не сопровождается заботой об обществе»¹. В движении новой России мы испытываем за нашу страну и гордость, и боль.²

Как необходимая посылка возрождения нашей Великой Родины выступает тезис одухотворения всего нашего социального пространства. Можно констатировать, что в России появились ростки новой жизни: возникли новые школы воспитания целостного человека, например, уникальная школа М.П.Щетинина, которую он формировал тридцать лет. Как ни странно, но именно эту школу православная церковь причислила к сектам (!) на проводившейся 23-25 апреля 2001 г. в Нижнем Новгороде Конференции «Тоталитарные секты – угроза XXI века», организованной Нижегородской епархией и администрацией Нижнего Новгорода. В 2003 году враги духовной России вообще сожгли построенное детьми здание этой школы.

Однако поиски новых форм духовно-творческого образования не стоят на месте. Открываются удивительные центры развития для детей и родителей. Например, в Нижнем Новгороде уже давно работают центры родительской культуры «Лада» и «Исток», возглавляемые беззаветно преданными идее духовности и нравственности педагогами – Н.Н.Белик и М.В.Коркиной. Аналогичных центров – школьных, детсадовских появилось много в разных городах. Значит, жива Россия! Несмотря на пессимизм многих (например, известного геополитика России А.Г.Дугина³), кто не верит в силы России, она живёт, и дух народа не сломен.

Новые горизонты духа открывают наука, медицина, искусство, культура. Именно новые направления развития общества, основанные на парадигмах духовно-творческого возрождения России, при участии людей новых духовных возможностей дают нашей стране путь в новый век.

Но не будем забывать и о своей, казалось бы, маленькой, но на самом деле очень большой роли в гармонизации и одухотворении пространства. Не надо ждать, что кто-то одухотворит наше пространство и принесёт нам радость и счастье.

¹ Капра Ф. Уроки мудрости. Разговоры с замечательными людьми. М.-Киев, 1996.

² Тоненкова М.М. Гордость и боль за Россию // ЭНДИСИ. Аналитический журнал Института стратегических исследований. – 2000. – №5. – С.141-153.

³ Дугин А.Г. Русская вещь. Очерки национальной философии. В 2 т. – М., 2001.

Нам надо самим создавать это состояние, умея радоваться даже просто лучу солнышка, улыбке встречного человека.

Радость одухотворяет пространство так же, как и любовь. Но радость образуется там, где есть соответствие наше с Вселенским Нравственным Законом. Радость надо уметь не только принимать, но и создавать и наполнять социальное пространство своей высшей радостью не только от материальных обретений, но, главным образом, от духовных. Тем самым наше человеческое пространство мы будем трансформировать в социоэкологическое. Новые нестандартные подходы формируются и в общественных науках – социологии, социальной философии – известными учеными страны С.И.Григорьевым (Барнаул), В.Г.Немировским (Красноярск), А.И.Субетто (СПб), В.В.Васильковой (СПб), Ю.А.Крючковым (Москва) и другими. Они способствуют одухотворению социального пространства России.

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ: СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ

Новокрещенов А.В.,
доктор социологических наук
Сибирская академия государственной
службы
(г.Новосибирск)

Важнейшая особенность развития самоорганизующихся систем состоит в чередовании периодов упорядоченности и беспорядка, или хаоса. Порядок в данном случае означает определенное устойчивое состояние системы, в котором ее элементы соединены между собой сложившимися в ходе предыдущей эволюции связями. Беспорядок, или хаос, напротив, характеризуется разрушением этих связей, неустойчивостью, разбалансированностью всей системы, значительными колебаниями и перепадами ее состояния.

Чередование этапов организации и дезорганизации имеет пульсирующий, волновой характер. Периоды доминирующей стохастичности, сильной неравновесности, неустойчивости, возникающие, как правило, в результате усиления разного рода внешних воздействий, сменяются периодами создания новой, более жесткой социальной структуры, большей упорядоченности, новым вариантом взаимодействия элементов. Такие периоды самоорганизации общества и есть объективная основа периодичности, цикличности и симметрии процесса в развитии управляемых структур – централизации и децентрализации.

Постоянную смену периодов беспорядка и упорядочения можно найти в жизни практически любого сообщества. Сам процесс упорядочения осуществляется в результате взаимодействия различных видов регуляций. Ярким примером такого взаимодействия является синусоидальный процесс местного управления в России на протяжении длительного исторического периода.

Самоуправление в России как стихийный самоорганизующийся процесс существовало всегда, на всем протяжении ее истории, ибо всегда были местные дела, всегда были особые интересы территориальных общностей, далеко не во всем совпадающие с интересами государства, а следовательно, всегда существовала и существует потребность в управлении местными делами и в реализации местных интересов. При этом немаловажным обстоятельством является то, что, как и в

настоящее время, государство сознательно шло на развитие самоуправления в периоды своих кризисов, вызванное необходимостью проведения реформ. Вместе с тем история России свидетельствует, что попытки решить эту задачу с помощью централизованной структуры власти и управления без учета естественной самоорганизации обречены на провал.

Наглядной иллюстрацией волевого подхода является десятилетие так называемого переходного периода в нашей стране. Оно, это десятилетие, не принесло сколько-нибудь значительных результатов в части изначально поставленной задачи преодоления отчуждения населения от власти, а власти от населения. Причиной тому, по мнению многих авторов, являются слабость и некомпетентность руководящих органов, неразработанность теории социального управления. С этим, пожалуй, можно согласиться, но аргументы, которые выдвигают авторы в подтверждение своих выводов, часто страдают однобокостью и находятся в лоне рационалистического подхода.

Показательной в этом отношении является статья В.А.Ядова «Россия как трансформирующееся общество: резюме многолетней дискуссии социологов»¹. Он пишет: «...человеческая история перестает быть естественно-историческим и становится социально-историческим процессом. Это означает, что в наше время решающую роль приобретают факторы субъектные, то есть способность социальных субъектов (от рядовых граждан до национальных правительств и международных акторов современной истории) реагировать на внутренние (в рамках данных обществ) и внешние (со стороны миросистемы) вызовы, упреждать или сдерживать нежелательные и опасные тенденции природных, социальных, экономических или политических сдвигов и содействовать желательным». То есть автор усматривает исключительную социально-субъективную регуляцию и фактически отрицает роль социально-объективной. Но здесь же оговаривается, обращая внимание на то, что эти действия часто «приводят к неожиданным незапланированным последствиям». Такие неожиданные последствия, по нашему мнению, неизбежны, если действия акторов противоречат процессам социальной самоорганизации.

В качестве примера, якобы подтверждающего его точку зрения, автор приводит многие страны и регионы, в частности

¹ Ядов В.А. Россия как трансформирующееся общество: резюме многолетней дискуссии социологов. <http://sociology.extrim.ru/yadov-transf.htm>.

Японию и Китай, которые «осуществляют модернизацию вовсе не тем путем, как это «предписывает» идеальная европейско-американская модель», и добиваются успеха. Но не об обратном ли говорит этот пример? Не является ли этот пример подтверждением тому, что успех возможен лишь в том случае, если действия социальных акторов находятся в форватере социально-объективной регуляции. Ни Япония, ни Китай, ни многие другие страны, «осуществляя модернизацию, не брали в готовом виде образцы ни в Европе, ни в той же Америке, а шли своим путем, на основе собственных природно-климатических, исторических, этнических, культурных и т.д. особенностей и традиций».

Иначе пошло развитие в России. Здесь вновь, как и прежде, возобладала, говоря словами Ф.Хайека, «преступная самонадеянность», воля политических акторов, направивших развитие как раз по пути, который «предписывает» идеальная европейско-американская модель. В соответствии с этой моделью вводится и институт местного самоуправления.

Но социальные институты не создаются посредством декретирования. Они возникают сами из потребности в них со стороны общества. Местное самоуправление в России, в нынешней его форме, было введено законодательно без учета потребности в нем населения сел и городов. Причина его срочного введения была проста и понятна. Среди атрибутов демократии, таких как рыночная экономика, многопартийность, альтернативные выборы органов власти, местное самоуправление занимает одно из почетных мест. А коль скоро мы заявили о себе как о стране, вставшей на путь демократии и стремящейся в общеевропейский дом, то надо было предъявить как входной билет весь набор демократических атрибутов. Этот набор, как известно, в нашем законодательстве уже полностью представлен.

В том, что касается местного самоуправления, то уже около 300 законодательных актов, принятых органами государственной власти, составляют его нормативную базу. В октябре прошлого года принят новый Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Этот Закон больше соответствует реальности, чем ныне пока еще действующий. Но и он не избежал искусственных заимствований из чужой социально-политической практики.

Несмотря на обилие нормативных документов, сделать вывод о том, что «местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно, а его органы не входят в систему органов

государственной власти»¹, и что это «самостоятельная и под свою ответственность деятельность населения по решению непосредственно или через органы местного самоуправления вопросов местного значения, исходя из интересов населения, его исторических и иных местных традиций»², очевидно, нельзя.

Была ли потребность у общества в местном самоуправлении в такой постановке? Результаты нашего исследования свидетельствуют однозначно: такой потребности не было и нет до сих пор. Более того, население городов и сел, в своем большинстве, практически ничего о местном самоуправлении не знает, законодательство не изучает и участвовать в управленческой деятельности не желает. Это данные многократных исследований в различных городах и весях Сибирского региона. Не считаться с этим фактом нельзя.

Была ли потребность в местном самоуправлении в указанной формулировке у региональных органов государственной власти? Тоже следует сказать «нет», ибо самостоятельность местных органов власти, определенная Конституцией РФ, при их финансово-экономической несостоятельности приводит к сложности и запутанности взаимоотношений как по вертикали – с органами государственной власти субъекта Федерации, так и по горизонтали – с предприятиями, организациями, расположенными на территории муниципального образования. Таким образом, местное самоуправление в том виде, в каком оно представлено в Конституции РФ и Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», очень напоминающее соответствующее положение Европейской Хартии местного самоуправления, есть чужеродное тело, имплантированное из иной политической культуры и, естественно, отторгаемое живым социальным организмом.

Вместе с тем демократическое развитие действительно немыслимо без местного самоуправления. Ждать, когда население востребует его или само организует какие-то формы власти, неразумно и нереально. Исторический опыт показывает, что население быстро самоорганизуется, когда центральная власть проявляет несостоятельность. Причем эта самоорганизация, как правило, бывает направленной против центральной власти. Примеров, начиная от Смутного времени и до событий 1917 г., гражданской войны, в истории России предостаточно. Все эти

¹ Конституция Российской Федерации. – М., 1996. – С.7. – Ст.12.

² Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон. – М., 1995. – Ст.2.

события заканчивались установлением жесткой государственной власти, неукоснительным подчинением периферии центру.

Здесь нам бы хотелось еще раз возразить В.А.Ядову. По его мнению, общество современного типа Gesellschaft (по Теннису) полностью утратило черты, свойственные Gemeinschaft (общине). Причем среди утраченных свойств общинного устройства называются: «человечность непосредственных взаимоотношений, вера в идеалы, локальность и т.д.». Здесь просматривается явная идеализация общинного устройства. Изучение жизни русской крестьянской общины позволяет однозначно сказать, что отношения в ней строились не столько на «человечности» и «вере в идеалы», сколько на объективной необходимости членов общины друг в друге для выживания. Это типичная механическая солидарность (по Дюркгейму), основанная на сходстве членов сообщества. Потребность друг в друге приводит к выработке правил совместного проживания, устойчивых стереотипов и норм поведения.

Согласно учению Ф.Тенниса, различия между общиной и обществом определяются типами воли. Тип воли в свою очередь определяет тип связи: сущностная воля (Wesenwill) связана с эмоциональными, аффективными, полуинстинктивными влечениями и побуждениями, как бы толкает человека к действиям, направляя его изнутри, например, материнская любовь. Избирательная или рассудочная воля предстает в формах «умышленности», то есть деятельности, которая благодаря мышлению предстает как цель действий, например, торговля как вид деятельности. На базе естественной воли существует община, на базе рассудочной - общество. С этим выводом нельзя не согласиться, но лишь как с идеальной моделью. Реальность всегда иная. Невозможно представить, чтобы в общине люди руководствовались только эмоциями, а в обществе только рассудком. Всегда есть и то, и другое при доминировании одного из типов воли. Если согласиться с тем, что общинный тип отношений окончательно ушел в прошлое, то тогда надо признать, что человек полностью переродился, превратился в бездушного робота и на его поведение не действуют никакие эмоции. Но это не так. Территориальная общность как раз и сильна соседством, всей совокупностью социальных связей, всем тем, что мы называем социокультурной регуляцией. Общинный характер отношений внутри местного сообщества, особенно это касается России и сибирской ее части, никогда не исчезал, менялись лишь формы, обуславливаемые внешней средой.

Что касается внешней среды (имеется в виду государственная сфера), то она в течение последних столетий принципиально не изменилась. Огромность территории России, компактное проживание различных этносов, ее населяющих, требовали установления жесткой вертикали власти. Даже в советский период, несмотря на провозглашенное федеративное устройство, фактически Россия была унитарным государством. Все вопросы: и общегосударственные, и местные решались в центре или с разрешения центра. Народ традиционно уповал либо на царя, либо на генерального секретаря, как уповает сейчас на президента.

Менталитет народа, сложившийся в течение столетий, быстро не меняется. Это та доминантная сила, которая определяет характер социальных отношений и всю структуру государственного устройства. Несмотря на различия в толковании понятия «менталитет», все авторы сходятся в том, что в его основе лежат архетипическое своеобразие народа, а также то, что Ф.Теннис называл *Wesenwill* (естественная инстинктивная воля).

Та или иная форма власти, особенно на местном уровне, может быть устойчивой только в том случае, если она воспринимается населением. Если же искусственно навязанная форма местным сообществом не воспринимается, то она постепенно преобразуется в соответствии с требованиями объективной реальности. Так было с земством. Известно, что земство как институт местной власти создавалось на базе так называемой общественной теории местного самоуправления, а к концу своего существования оно уже отвечало всем условиям государственной теории. Советы, воспринявшие эту форму преобразованного земства, юридически и фактически были нижним звеном вертикали государственной власти. Надо признаться, что именно такая форма воспринималась народом. Напомним мысль С.М.Соловьева, который утверждал, что всякая новая эпоха получает своё питание от эпохи, только что перед ней выработавшейся. То есть при всём желании центра отречься от советской власти, её суть ещё долго будет проявляться в реальной практике.

Еще недавно местные проблемы поручалось решать местным советам. Но поскольку они не имели для этого достаточной ресурсной базы, партийные органы побуждали предприятия и организации, находящиеся на территории совета, выделять необходимые средства для благоустройства, а также брать под свою ответственность строительство и эксплуатацию учреждений соцкультбыта, оказывать шефскую помощь школам, детским домам и т.д. То есть, хотя местные советы и не имели так называемой муниципальной собственности, материальные

ресурсы, находящиеся в распоряжении предприятий, учреждений и организаций, использовались на благо проживающего здесь населения. Реальная власть, как известно, находится в руках тех, кто имеет реальные рычаги власти – материальные, финансовые и другие ресурсы. Этими ресурсами обладали крупные, особенно так называемые градообразующие, предприятия. Местные советы обладали властью фиктивно.

Новое законодательство, казалось бы, привело все в порядок. Местное самоуправление определено в качестве полноправного носителя власти, осуществляющего её от имени населения на территории муниципального образования. Но эта власть сейчас, как и прежде, не имеет реальных рычагов власти — достаточных материальных и финансовых средств, чтобы исполнять возложенные на нее полномочия. Следовательно, она, как прежде, попадает в зависимость и от предприятий и организаций, расположенных на территории муниципального образования, и от органов государственной власти субъекта Федерации. Это еще одна реальность, с _____ которой нельзя не считаться. Прорекларированная независимость местного самоуправления – не более чем фикция.

Существует, как известно, еще с XIX в. общепризнанная государственная теория местного самоуправления, которая сохраняет местные органы власти в структуре государственных органов. Фактически в нашей стране это так и есть, но юридически местное самоуправление самостоятельное. Реально сегодня возможны два варианта развития. Первый, предполагающий самостоятельность местного самоуправления, требует обеспечения самодостаточности муниципальных образований. Это означает, что местное сообщество должно иметь возможность решать все свои проблемы внутри своей территории. Но это далеко не всегда возможно.

Районы создавались без учета экономической самодостаточности. При единой государственной собственности в этом не было нужды. Сейчас такая нужда появилась. Следовательно, необходимо принципиально изменить ныне существующую территориальную основу муниципалитетов. Предлагаемая новым проектом Закона двухуровневая структура вряд ли решит эту проблему, обеспечит самодостаточность. Главное здесь – руководствоваться не волей политических акторов, а естественной таксономией, сложившейся системой социокультурных связей.

Другой путь связан с возвратом к государственной теории местного самоуправления. Идти по этому пути – значит внести соответствующую поправку в Конституцию Российской Федерации, касающуюся ст.12, а вслед за этим откорректировать

все законодательство на местном уровне, сделать его соответствующим реальности.

Процесс становления и развития местного самоуправления будет занимать достаточно большой исторический период и должен пройти все необходимые этапы. Здесь хотелось бы еще раз напомнить слова Г.Спенсера о том, что процессы роста и развития могут быть остановлены или расстроены, но не могут быть ускорены искусственным путем.¹

¹ Спенсер Г. Грехи законодателей // Социс. – 1992. – №2. – С.129-137.

НОВЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

О ПРЕДМЕТЕ СОЦИОЛОГИИ

Беленький В.Х.,
доктор философских наук, профессор
Красноярская государственная
академия цветных металлов и золота
(г.Красноярск)

Объект науки – фрагмент действительности, который дан ученому объективно. Тем не менее объекта науки без ученых нет. То есть действительность и ее фрагменты существуют вне ученого и помимо его воли, но как объект науки они существуют лишь при наличии науки, ученых. Следовательно, уже при определении объекта науки проявляется диалектика объективного и субъективного. Еще большее значение она приобретает в процессе определения предмета науки. Определить предмет науки – значит выбрать ту часть или тот аспект объекта, который мы непосредственно будем исследовать. Стало быть, здесь имеет место процедура сознательного выбора ученым той проблематики, которой он намерен заниматься. Этот выбор зависит от изменяющейся комбинации множества обстоятельств, включая и особенности личности ученых (мировоззрение, культура, образ жизни и т.д.). Отсюда вытекают два вывода: 1) воззрения на предмет социологии менялись исторически; 2) в каждый данный момент эти воззрения также различны. То и другое в известной степени показывает Н.И.Лапин.¹

Основоположники социологии не сомневались в том, что социология имеет своим объектом общество. Однако ныне в этом очень многие сомневаются. Причин для сомнений несколько. Среди них – обострившееся противостояние социологического номинализма и реализма, а также то обстоятельство, что общество изучают все общественные науки, особенно социальная философия.²

¹ Лапин Н.И. Предмет и методология социологии // Социол. исследования. – 2002. – №8.

² Это не устраивает сторонников позитивизма и тех, кто пытаются уйти от четких методологических, особенно диалектико-материалистических позиций. Нередко подчеркивают необходимость

Не случайно, что вопрос о предмете социологии в последнее время нередко связывается с вопросом о социологическом номинализме и реализме (Н.И.Лапин, Ж.Т.Тощенко и др.). Однако нельзя не обратить внимание на то, что трактовка номинализма и реализма и самый подход к использованию результатов их анализа далеко не одинаковы, а нередко и не совсем адекватны. Видимо, это связано с господствующей тенденцией ухода от

радикальной демаркации социологии и философии. Ссылаются на болгарских социологов, разграничивавших социальную философию и социологию. Действительно, Стоян Михайлов писал, например: «Марксистско-ленинская социология есть прежде всего нефилософская наука. Как известно, философия раскрывает объективный характер всякой действительности (включая и общество), обосновывая ее материальность, и изучает наиболее общие законы ее развития... Социология занимается более частными проблемами, которые относятся только к общественному развитию. В силу этого социология берет в готовом виде из философии и, более конкретно, из исторического материализма решение вопроса о материальной сущности общественной действительности, использует философские разработки теории познания и отсюда продолжает далее свои исследования. Она использует также учение философии о диалектических законах, которые действуют и в общественном развитии. Именно поэтому марксистско-ленинская философия, точнее, исторический материализм, есть та наиболее существенная часть методологической основы социологии, без которой последняя не может быть истинной наукой» (Михайлов С. Эмпирическое социологическое исследование. – М., 1975. – С.33-34). Но когда Михайлов начинает перечислять изучаемые социологией проблемы, то оказывается, что очень многие из них относятся к социальной философии. Получается нечто схожее с современными переделами собственности. Подобные подходы лишены всякого оправдания. Социология и социальная философия и различны, и тождественны. Они тождественны, поскольку у них общий объект – общество, и поскольку, как верно подчеркивает К.Х.Момджян, теоретическое познание общества носит бинарный, философско-социологический характер (Момджян К.Х. Введение в социологию. – М., 1997. – С.111). Они различны, поскольку социология сосредоточена главным образом на изучении современности, в ее структуре несравненно большее значение имеют эмпирические знания. Я бы сказал так: социальная философия, как и философия вообще, опирается на теоретический и эмпирический материалы, поставляемые всей современной наукой, а социология, используя философию как методологическую основу, сама организует эмпирические исследования. Принцип единства теоретических и эмпирических исследований имеет для социологии стратегическое значение.

марксизма. Дело, разумеется, не в том, чтобы марксистскую концепцию социологии считать единственно верной и научной. Но игнорировать ее, отказываться от ее важнейших положений нерационально.

Чтобы показать все это, я намерен конспективно воспроизвести некоторые идеи Т.Джонсона, К.Дандекера и К.Эшуорта¹. По мнению британских социологов, всякое социологическое теоретизирование сталкивается с двумя обязательными вопросами: какова природа социальной реальности и каков наилучший способ получения знаний о ней? На первый вопрос отвечают с материалистических или идеалистических позиций, на второй – с номиналистических или реалистических.

С точки зрения **номинализма** понятия, используемые для описания и объяснения мира (религия, бюрократия, социальный класс), – всего лишь удобные имена, созданные для обобщения отдельных явлений, образующих социальный мир. Реальность социального мира (материален он или идеален) – в том, что он состоит из уникальных отдельных событий и явлений. Ошибочно принимать обобщающие термины (имена) за саму реальность. Она остается только совокупностью отдельных событий, явлений, прежде всего, **людей**. Наделение общих понятий реальностью есть ошибка овеществления. Поэтому социальные классы у номиналиста Вебера не имеют интересов, отличных от интересов рабочих, и не могут действовать. Приватизация в России осуществлена с номиналистических позиций в том смысле, что трудовые коллективы и их интересы были объявлены мифом.

Реализм – альтернативная номинализму система взглядов. Значение научных понятий заключается в том, что они обнаруживают социальную реальность, непосредственно не доступную наблюдению. Эта реальность выражает **сущность** отдельных явлений, фактов, событий. Маркс писал, что если бы социальные структуры были даны в опыте, наука была бы не нужна. Пример реалистической социологии находим у Дюркгейма, для которого общество несводимо к сумме индивидов.

Из этих исходных позиций выводятся четыре стратегии социологического теоретизирования:

1) **эмпиризм**. Сочетает материалистическое и номиналистическое решения. Человеческая деятельность –

¹ Джонсон Т. Теоретическая социология: условия фрагментации и единства / Т.Джонсон, К.Дандекер, К.Эшуорт // Thesis: Альманах. – 1993. – Т.1. – Вып.1.

наблюдаемое поведение в наблюдаемых материальных условиях. Источник знаний – человеческий опыт, трактуемый как факты, чувственные данные, впечатления, эксперименты. Такое знание облекается в форму вероятностных обобщений по поводу отношений между наблюдаемыми явлениями. Эмпиризм не способен дать целостную картину общества и социальных явлений. Например, забастовка рассматривается сама по себе и в ее возможных отношениях;

2) **субъективизм.** Сочетание идеалистического и номиналистического решений. Социальный мир – продукт интерпретационной деятельности индивидуальных субъектов. Забастовка – не нечто независимое от интерпретаций. Она – сами эти интерпретации;

3) **субстанционализм.** Сочетание материалистического и реалистического решений. Социальный мир – материальная структура отношений, недоступных непосредственному наблюдению. То, что *можно* наблюдать, должно быть объяснено через основополагающую структуру материальных отношений. Например, забастовка может быть познана через анализ капиталистического способа производства.

4) **рационализм.** Сочетание идеалистического и реалистического решений. Общество – объективная и ограничительная структура идей. Но эти идеи и смыслы не являются достоянием индивидов. Забастовка – следствие противоречивых моральных кодов, определяющих поведение различных профессиональных групп. Эти коды наблюдать нельзя, их надо выявить с помощью теоретических понятий.

Смысл этих стратегий – не в прямом применении, а в их комбинировании. Конечно, предпочтение может отдаваться одной стратегии, но обычно не игнорируются и другие. Все стратегии имеют сильные стороны, ни одной нельзя пренебрегать. Социологи, обращаясь к проблемам, которые ставятся в разных стратегиях, конструируют *проекты*. Проект нельзя свести к стратегии, с которой он связан. Степень его значимости характеризуется новизной и эффективностью предлагаемых им конкретных решений.

В британской социологии Маркса считают одним из трех крупнейших социологов (наряду с Дюркгеймом и Вебером). Вот что пишут о его социологических воззрениях Джонсон, Дандекер и Эшуорт:

«Маркс...отвергал гегельянскую социологическую теорию в силу ее идеализма, исходя из субстанционалистской точки зрения. Вместе с тем он не воспроизводил механический материализм

предшествующих субстанционалистов, таких как Фейербах. Маркс отвергал «пассивный» материализм Фейербаха...и в то же время стремился интегрировать в «собственный» материализм «активную» сторону идеализма, соглашаясь с положением, что люди сами активно создают свою историю. Принимая «активную» сторону идеализма, Маркс отвергал гегельянский взгляд на общество *как на субъект*, способный действовать. При этом он опирался на эмпиризм, заявляя, что историю творят «реальные конкретные люди», а не Идея. Субстанционалистская стратегия Маркса заключалась в воззрении, что эти «реальные люди» включены в структуры материальных отношений..., динамика развития которых определяла условия, в которых люди могли или не могли создать историю. В результате материализм Маркса был совершенно не похож на версии других материалистических воззрений. Его проект разрешения стратегических проблем был и уникальным, и новаторским»¹.

Авторы исходят из того, что интересы развития социологической теории требуют воздать должное каждой из указанных стратегий. Сами авторы, и я вместе с ними, склоняются к субстанционалистской стратегии. Это объясняет скепсис, который вызывает у меня социология жизни. Мне в известной степени понятны мотивы, вызвавшие к жизни эту социологическую парадигму. Очевидно, что некоторым ее сторонникам в России не чужд марксизм. Однако в силу различных обстоятельств они стараются не занимать жесткой теоретико-методологической позиции. Но объективно социология жизни есть такой проект социологической науки, который толкает ее в сторону эмпиризма, субъективизма и рационализма. Номиналистическая тенденция в этом проекте побуждает едва ли не отказаться от таких категорий, как социальная структура, классы и т.д. Между тем отказаться от них ни один серьезный социолог не может. Социология не может игнорировать философское содержание понятия «структура». Она тем более не может игнорировать реалии современного общества. То, что его состояние не такое, как раньше, ясно всем. Но каково оно в качественном плане? Утрачен ли на Западе капиталистический характер общества? Несомненно, не утрачен. Британским социологам, к примеру, это гораздо яснее, чем российским, так

¹ Некоторые философы, стремящиеся сблизить философию с теологией, воспринимают проект Маркса как нечто эклектическое. Это как раз тот случай, когда уместно вспомнить древних: *Barbam video, sed philosophum non video* (Бороду я вижу, а философа не вижу).

как буржуазный характер формируемого в России общества по возможности камуфлируется. Однако эти возможности не беспредельны. По итогам переписи 2003 г. счет капиталистов пошел на миллионы. При том уровне индустрии, который присущ России, это означает, что рабочих насчитываются десятки миллионов. Разумеется, соотношение категорий «рабочий класс», «класс крестьян» и понятий «рабочий», «крестьянин» приобрело во многом иной характер, чем в советском обществе. Но, во-первых, это соотношение еще формируется. Во-вторых, изменение характера соотношения требует более тщательного и глубокого его анализа с использованием и старого понятийного аппарата, и современных его интерпретаций, и совершенно новых подходов. Например, представляется в высшей степени важным следующее положение Маркса: «...Так как отдельный индивид не может сбросить с себя своей личной определенности, но может преодолеть внешние отношения и подчинить их себе, то *кажется*, будто во втором случае он пользуется большей свободой. Однако ближайшее исследование этих отношений, этих условий показывает, что индивиды известного класса и т.д. не могут преодолеть эти условия *en masse* (в целом – В.Б.), не уничтожив их. Отдельное лицо может случайно с ними справиться, но не масса закабаленных ими людей, ибо само существование такой массы выражает подчинение, и притом неизбежное подчинение индивидов этим отношениям...»¹.

Объектом социологии жизни объявляется **гражданское общество**. Поскольку гражданское общество трактуется при этом не политологически, а по Марксу, т.е. как социально-экономический строй капитализма, постольку в таком подходе есть сильная сторона. Но в нем есть и слабые моменты. Прежде всего, он инициирован для того, чтобы надежней разгородить социологию и социальную философию; между тем, я полагаю, что в этом вопросе излишнее усердие нерационально. Далее, если трактовать гражданское общество по Гегелю и Марксу, то нелогично вводить в структуру социологии проблемы государственной власти, правовые проблемы и т.п. Однако это делается. Наконец, понятие «гражданское общество» (при условии адекватной его трактовки) значимо для понимания истоков целостности общества, начиная с эпохи капитализма, но уступает понятию «общество», когда речь идет о носителях целостности.

Помимо всего этого, существует проблема выделения из объекта социологии ее предмета. В качестве последнего

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т.46. – Ч.1. – С.107.

социологией жизни предлагается единство реального сознания, поведения людей и среды их жизнедеятельности. В обоснование такого подхода широко используются мысли и высказывания Маркса. Но Маркс был реалистом, материалистом и субстанционалистом, а социология жизни базируется на идеях номинализма.

Дело представляется таким образом, что в социологии доминируют две основные парадигмы – социологический реализм (предмет исследования – общество, социальная структура, социальные институты) и социологический номинализм (предмет исследования – индивид, личность, человек). В процессе «обмена любезностями» между сторонниками этих парадигм возникает немало соблазнов и рисков. Сторонники номинализма походя приписывают реализму не свойственные ему качества, например, трактовку объекта и предмета социологии только на уровне категории «общество». При этом они сами рискуют оказаться в роли теоретиков, трактующих объект и предмет социологии только на уровне категории «личность». Дабы избежать этого и в качестве контрацепции против субъективизма в предмет социологии вводится **среда**, но на фоне материалистического понимания истории это придает социологическому познанию уровень эпохи Просвещения. Кроме того, разрывать и противопоставлять анализ общества и анализ личности – непростая и даже нерешаемая задача. Отсюда стремление соединить две сопоставляемые позиции. Однако стремление к соединению нередко преобразуется в стремление к подчинению. Например, пишут о подходе, «который восходит к М.Веберу, Дж.Хомансу, Дж.Миду и обращается к человеку, к личности, ориентируется на то, что решающая роль в реальной жизни принадлежит процессам взаимодействия личностей, процессам их интеграции и дифференциации. Эта позиция представлена в современной отечественной социологии. Сторонники этой парадигмы в центр своего анализа ставят личность, считая ее основным понятием социологии... В этой ситуации мы сталкиваемся с процессом восхождения от абстрактного к конкретному с последующей корректировкой наших представлений об абстрактном»¹.

Кстати, соединить номиналистическую и реалистическую парадигмы стремился и П.А.Сорокин. Об этом рассказывает в упомянутой статье Н.И.Лапин. Но Сорокин пытался решить задачу

¹ Тощенко Ж.Т. О понятийном аппарате социологии // Социол. исследования. – 2002. – № 9. – С.12.

на основе элементарного силлогизма. Не думаю, что это правильный путь. Считаю также, что сама постановка вопроса о номиналистической и реалистической парадигмах во многом неточна, сбивчива. Если стоять на субстанционалистских позициях, то мы должны сказать, что и человек, и общество материальны, не могут существовать друг без друга, причем их сущность совпадает, ее образует совокупность общественных отношений. Но тождество человека, личности (личность – индивидуальное бытие общественных отношений) и общества сугубо относительно и реализуется только в процессе взаимодействия между ними. Так почему же мы должны балансировать между личностью и обществом, почему мы обходим фундаментальный социальный факт взаимодействия человека и общества? **Объектом социологии является общество, предметом – взаимодействие человека и общества.**

С точки зрения обыденного сознания человек и общество – величины несоизмеримые. Соизмерить их непросто и с теоретических позиций. Решение этой задачи – главная загадка социологии, ее суверенная проблема. Основные усилия социологии концентрируются в области конкретизации взаимодействия между людьми и обществом. Поэтому естественно, что социологи огромное значение придают **социальным** явлениям и отношениям.

Уже Дюркгейм считал, что социология – это наука о социальном. Понятие «социальное» употребляется в широком и узком смысле. Социальное в широком смысле идентично общественному.¹ В узком же смысле слова социальное образует особую сферу общественной жизни (наряду с экономической, политической, духовной сферами). Это сфера жизнеобеспечения, которая включает в себя репродукцию населения, образование, здравоохранение, социальное обеспечение, социальное обслуживание и т.д. Реализация потребностей не может не затрагивать интересов, причем в первую очередь ближайших интересов индивидуумов и тех групп, к которым эти индивидуумы относятся. Поэтому социальная сфера включает в себя не только процессы удовлетворения потребностей, но и связанные с ними сложные отношения. Формулы этих, социальных, отношений: человек ↔ человек, человек ↔ группа, группа ↔ группа, группа

¹ Правда, эта идентичность относительна. Два понятия тождественны, поскольку *отражают принадлежность явления к обществу, его общественный характер*. Но социальному присущи и специфические характеристики, например, синтез материального и идеального (идеологического).

↔ общество, человек ↔ общество. Как наука о социальном в узком смысле слова социология есть частная наука. Как науке, в поле зрения которой в известной степени находится общество как целостная система, социологии присущи черты общей науки об обществе.

Таким образом, предметом социологии является взаимодействие между человеком и обществом. Предлагаю следующую дефиницию: **социология – наука о гармонизации взаимодействия человека и общества как социетальной системы.**

В чем преимущество этого подхода?

1. Он действительно соединяет две широко распространенные в современной социологии парадигмы (на человека и на общество), оставляя при этом широкий простор для разных трактовок их синтеза и его результатов.

2. Он создает предпосылки для построения системы категорий и понятий социологии, которая (система) зиждется одновременно на логических и онтологических основаниях. Онтологические основания: человек ↔ опосредующие взаимосвязь человека и общества многообразные общественные структуры, их функции и соответствующие им общности, явления и процессы ↔ общество в целом и основные его характеристики. Логической основой этой системы является диалектика единичного, особенного и общего.

3. Он ориентирует на единство теоретической и эмпирической социологии.

4. Он обеспечивает актуальность социологии, ее преимущественную обращенность к настоящему на основе анализа прошлого и с выходом в будущее.

5. Он придает социологии совершенно специфический статус, известное сочетание свойств общей и частной науки об обществе, и в то же время демаркирует социологию от общих и частных наук об обществе.

6. Он позволяет сохранить и использовать всё историко-социологическое наследие.

7. Он создает неограниченные возможности для корректировки содержания, структуры, проблематики социологии в соответствии с потребностями теории и практики.

8. Он продолжает основанную еще О.Контом традицию, предписывающую социологии активную практическую позицию, стремление способствовать совершенствованию общества.

КОММУНИКАТИВНЫЙ ДИСКУРС В СОЦИОЛОГИИ

Павлов А.П.,
кандидат философских наук, доцент
Красноярский государственный
университет
(г.Красноярск)

Иванова Т.И.,
кандидат социологических наук, доцент
Красноярский филиал Московского
государственного социального
университета
(г.Красноярск)

В последнее время многие современные социологи все большее внимание обращают на коммуникационную природу общества. В частности, можно назвать труды таких видных социологов, как Ю.Хабермас, Н.Луман, М.Фуко. Какова роль социальной коммуникации в жизни общества? На наш взгляд, можно выделить два взгляда на данную проблему: «онтологический» и «интеракционистский».

Первый связан с работами немецкого социолога Н.Лумана. Он полагал, что общество есть самодостаточная, саморазвивающаяся система, которая постоянно взаимодействует с внешней средой. Эта среда более «комплексна», коммуникационно насыщена, нежели сама социальная система. Это и понятно, поскольку окружающая среда включает в себя многообразие как социальных, так и несоциальных систем: индивиды, природные объекты, техника и т. д.

Названные системы непрерывно взаимодействуют между собой, порождая новые коммуникационные ситуации и, следовательно, коммуникационную избыточность и неопределенность. Социальной системе, чтобы не раствориться в окружающей среде, необходимо наблюдать самое себя, фиксировать и отслеживать то, что происходит между системой и средой, а также внутри самой системы.

Коммуникация в связи с этим выступает в двух качествах: с одной стороны, как совокупность процессов самонаблюдения и самоописания системы, с другой – как порядок действий, направленный на упрощение системой самой себя перед угрозой энтропии во внешней среде.

Главная функция социальной коммуникации, по мнению Н.Лумана, в том, чтобы поддерживать и воспроизводить смысловые границы системы. Такие системы должны быть «оперативно закрытыми». Таким образом, коммуникация ограничивает, дозирует контакты системы с внешней средой, создает внутренние помехи для таких контактов (цензура, запреты).

Как происходит реагирование системы на внешние воздействия? Социальная коммуникация осуществляет работу с поступающей извне и изнутри информацией. Эта информация не просто отбирается, она в значительной мере конструируется внутри самой коммуникацией. Иными словами, социальная система выступает как самодостаточная коммуникативная целостность, которая реагирует на внешнюю среду на основе тех коммуникативных ресурсов, которыми она располагает, и той структурной организации, которую она постоянно воспроизводит. Система коммуникации является, по мнению Н.Лумана, полностью закрытой системой. Она сама производит компоненты, из которых состоит. Система коммуникации формирует собственные структуры и подсистемы и устанавливает между ними такие связи, которые обеспечивают ей более эффективное и оптимальное взаимодействие со своей средой. Закрытость коммуникативной системы проявляется в том, что она определяет и формирует собственные границы. Что находится внутри, а что вне системы обусловлено ее самоорганизацией.

Системы, обладающие этой способностью, Н.Луман называет самореферентными, или аутопоэтическими (*autopoiesis* на русский язык переводится как «самовоспроизведение»). Разумеется, следует учитывать, что «внешняя среда» – это такие же системы, которые наделены аутопоэтическими качествами (самоограничение, самонаблюдение). Каждая конкретная система сталкивается с проблемой реагирования на возрастающую сложность, гетерогенность внешней среды. Возникает угроза коммуникационной энтропии, поскольку у системы ограничен ресурс отслеживания собственных состояний в условиях тотального воздействия внешней среды.

Таким образом, социальная коммуникация трактуется предельно широко. По существу, общество, или, точнее говоря, социум, с точки зрения Н.Лумана, и есть социальная коммуникация. Социум развивается на основе того уровня знаний о себе самом, которым он располагает.

Однако концепция Лумана холистична. Поскольку коммуникативная система (то есть общество) сама себя

воспроизводит, в ней нет места для индивидов, их поступкам, межличностному общению. Это делает данную концепцию умозрительной, абстрактной.

Другой подход («интеракционистский») связан с такими направлениями социологии, как символический интеракционизм, социология повседневности, этнометодология. Основная идея интеракционистского подхода состоит в том, что общественный порядок конституируется в процессе символического «закрепления» повседневных практик взаимодействия индивидов. Коммуникация – это одновременно сам процесс взаимодействия индивидов и его результат.

Задача данного исследования – попытаться синтезировать концепты социальной коммуникации, делающие акцент на изучении интересубъективных связей индивидов, включая речевые практики, диалоги, дискурсы, а также теории, рассматривающие данный феномен как имманентное качество самой социальной системы.

Методологической основой данного синтеза выступают концепции Ю.Лотмана и М.Петрова. Важнейшими элементами социальной коммуникации являются коммуникативное пространство и социокод. Рассмотрим эти элементы подробнее.

Коммуникативное пространство имеет символическую природу. В известном смысле можно говорить об обществе как о сложном текстуальном образовании. Текст имеет двоякую природу, которая раскрывается через диалектику означаемого/означающего. В процессе исторического развития формируются объективные символические миры (семиосферы), которые вбирают в себя различные языки культуры, структурно организованные и закодированные. Такими мирами могут быть любые социальные образования: город, театр, магазин, лекционная аудитория, ресторан и т.д. Это бесконечный ряд «означаемого», которое является своего рода смысловой матрицей, но в то же время не содержит смысла. В качестве примера возьмем русскую икону. В самом деле русская икона как «означающее» не содержит сама по себе смысла вне «означаемого». Таким означающим может выступать верующий человек, и тогда икона как текст будет светиться смыслом божественного откровения. Но в толковании неверующего икона – просто разукрашенные доски, которые к святости не имеют никакого отношения. Иными словами, текст актуализируется самим «означающим», который в известном смысле также является текстом. Между означающим и означаемым никогда не бывает полной симметрии, но есть подобие. Мы живем в обществе

и должны «правильно» прочитывать те ситуации, в которые попадаем. Но это прочтение никогда не бывает абсолютно аутентичным. Мы всегда несколько «огрубляем» текст, адаптируем его в своих интересах. Способы, схемы прочтения социальных ситуаций как текста мы называем социокодом.

Социокод в самом общем виде есть универсальный механизм социализации индивидов, заключающийся в переводе означаемого (символической данности) в формы социальных действий и порядка. Например, символика свадьбы фиксирует определенный порядок отношений между людьми, представляющими различные культурные общности, социальные группы. Символика храма фиксирует упорядоченные отношения между верующими. Важно понять: как, каким образом осуществляется этот «перевод».

Очевидно, в архаическом традиционном обществе перевод означаемого в формы социальных действий осуществлялся как бы автоматически. Социальный космос «считывался» самым непосредственным образом. Такой способ коммуницирования (и, одновременно, социализации) был возможен благодаря присвоению индивидами «имени» или группы имен: символически закреплённой персональной и вечной (на всю жизнь) программы поведения. Поведение носило исключительно ритуальный характер. Индивид автоматически следовал действиям, которые ему были приписаны «именем» воина, «именем» вождя, «именем» жены вождя и т.д.

Другой социокод – профессионально-именной – основывается на возможности группового программирования индивидов в одно имя. Имя здесь как бы отделяется от индивида. Оно становится родовым символом, объединяющим индивидов одной группы. Индивид как бы погружается в среду (интерьер) с определенной информационной вместимостью. Например, профессионально-именные программы средневековых мастеров: горшечников, кузнецов, оружейников.

Современный социокод – универсальный. В самом общем виде данный способ кодирования основывается на том, что индивиды выходят за рамки «именных» символических пространств. Прежние «именные» социокоды обеспечивали «прочитывание» социальных ситуаций, благодаря наделению того, кто их прочитывает, персональными или профессиональными именами. Современный социокод строится на специальных речевых (дискурсивных) практиках, которые сами формируют символические пространства и наделяют их соответствующими именами.

Мы предлагаем свою схему (принципы) реализации повседневных дискурсов.

1. Типизация жизненных ситуаций. Она связана с идеализацией и известным огрублением ситуаций. Включает в себя наборы клише, шаблонов, навыков, рецептов. Типизированные действия часто доводятся до автоматизма (поведение в общественном транспорте, кафе, на работе, дома) или приобретают форму стиля. Благодаря типизированным действиям человек не выходит за рамки повседневной нормальности. Несмотря на то, что типизация упрощает жизненные ситуации, подводит их под определенные типы, она выполняет очень важную функцию «онтологизации» – общение участвующих в ситуации индивидов, а также придает онтологический статус самому дискурсу. Например, люди, находящиеся в очереди в магазине, с помощью типизации не просто взаимодействуют друг с другом, но включаются в процесс воспроизводства и конституирования порядка (порядка очереди, который со временем приобретает статус социального института).

2. С типизацией связано диагностирование, «распознавание» ситуации. У ситуативной диагностики две стороны. Во-первых, участники ситуации коллективно, с помощью языка, жестов эксплицируют ситуацию как очевидную, понятную для всех присутствующих в ней. Этот процесс, вслед за Г.Гарфинкелем, можно назвать обыденной рационализацией. Подвергнутая обыденной рационализации ситуация, хотя и сохраняет черты уникальности, все-таки легко прочитывается. Но это прочтение не напоминает чтение текста.

Ситуация – не текст, а символический повод для прояснения места каждого участника в конструировании повседневного порядка, в проявлении императивов (экзистенциалов) присутствия, о чем речь шла выше. Таким образом, вторая сторона распознавания ситуации – выявление и утверждение каждым индивидом своего места в структуре повседневного порядка. Ситуация используется в дискурсивных практиках как материал, как инструментальный для решения этой насущной задачи.

Основной смысл обыденной рационализации - редукция уникальных жизненных ситуаций к однородному смысловому полю, в котором ее участники понимают друг друга «с полуслова», их действия носят релевантный (подобный) характер.

Что из себя представляют основные процедуры рационализации, осуществляемые в дискурсивных практиках?

– *Рутинизация* (сведение ситуации к простым непротиворечивым логическим схемам, клише, которые не

нуждаются в особых интерпретациях, или, точнее говоря, интерпретация осуществляется по отлаженной формуле, например, путем наклеивания ярлыков).

– *Идеализация и стереотипизация* (подведение элементов ситуации и ее участников под идеальные типы, стереотипы). Например, учитель делит учеников на отличников, ударников, троечников. Владельцы иномарок, в глазах определенной части населения, – нечестные люди. Настоящий мужчина, по мнению многих, должен зарабатывать деньги, а женщина должна рожать детей и быть хранительницей домашнего очага.

– *Символизация и ритуализация*. Символ – знак, который указывает на нечто, имеющее смысл для определенных групп, общностей, социумов. Символы позволяют людям единообразно реагировать на социальные объекты, явления.

Ритуал – своего рода правила игры. Но этим правилам люди придают большее значение, чем просто условностям. Ритуал – специфическое ценностно-нормативное действие, императивность и целесообразность которого актуализируются и подтверждаются в самом ритуальном действии. Примером ритуального действия можно считать любую спортивную игру. Между символом и ритуалом существует определенная зависимость. Сознание современного человека, особенно погруженного в теоретическую область опыта, способно эмансипировать символы от ритуала.

Само по себе использование символа, например, в высказываниях, не дает еще должного понимания и релевантной реакции. Требуется коллективное ритуальное вовлечение в игру по определенным правилам хотя бы нескольких участников ситуации.

Ритуальное вовлечение не только создает надлежащий настрой на символ (высказывание), но и обеспечивает его легитимный (в обыденном понимании) статус. Например, преподаватель, который объясняет аудитории, почему он поставил именно данные оценки за контрольные работы, поступает вполне ритуально.

Сознание человека в повседневной жизни настраивается на диалог с другими ее участниками. Все участники так или иначе заботятся не только о том, чтобы в ситуации использовались лишь определенные, допустимые символы (высказывания, жесты, действия), но также о том, чтобы вводимые символы не нарушали подразумеваемый, но не проговариваемый смысловой или, точнее, предсмысловый порядок. Г.Гарфинкель называет эти контекстуальные символы фоновыми знаниями. К примеру, в общении с друзьями в неформальной обстановке многие молодые

люди используют нецензурные выражения. Использование подобных выражений, а также грубых манер в других контекстах либо недопустимо (это знают все), либо требует специальных ритуальных действий, которые расставляют все по местам. Например, грубые манеры английского денди ритуальным образом демонстрируются как особый утонченный стиль поведения.

– *Интерпретация жизненных ситуаций и отдельных ее элементов.* Специфика повседневных интерпретаций продиктована двумя обстоятельствами. Во-первых, людям приходится принимать множество оперативных решений в калейдоскопе повседневных событий. Эти решения касаются как проблем адаптации к жизненным ситуациям (к примеру, добывание пищи), так и экзистенциальных проблем (сохранение индивидом «своего лица»). Бывают простейшие ситуации, которые не требуют интерпретации. Например, при встрече со знакомыми людьми мы обмениваемся стандартными приветствиями. Но часто мы сталкиваемся с проблемными ситуациями, в которых не всегда ясно, как себя вести. Причин, которые их порождают, много. Это и недостаток социального опыта индивидов, и ролевые конфликты и т.д.

Во-вторых, в повседневных интерпретациях участвуют различные люди. Интерпретация – коллективное действие, в котором требуются согласование и оглядка на других. В интерпретациях мы категоризируем друг друга с тем, чтобы ожидать соответствующих реакций людей в зависимости от того, в какую символическую категорию они нами помещаются, а также применять соответствующие санкции по отношению к ним.

Взаимная категоризация – исключительно важное условие повседневного общения. Практически она означает взаимную соотнесенность людей с определенными образами-индикаторами, которые культивируются в данном обществе, социальной среде. При этом интерпретативная функция осуществляется в рамках повседневных дискурсов, как правило, через простейшие стереотипные выражения, дефиниции типа: «настоящий мужчина», «лицо кавказской национальности», «крутой». Этим выражениям и дефинициям однозначно соответствует стереотипная ссылка на образы-индикаторы, к числу которых можно отнести речь, жесты, внешний вид людей, обстановку, вещи и т.п. Настоящий мужчина – тот, кто: служил в армии, зарабатывает много денег, дарит дамам цветы, занимается спортом. Так называемый новый русский – тот, кто: имеет мерседес, носит малиновый пиджак, туповатый, с бритым затылком (как правило, бывший спортсмен), связан с мафией, пользуется жаргоном преступного мира и т.д.

Конечно, указанные дефиниции, выражения, образы-индикаторы являются идеализациями, идеальными типами. Далеко не все новые русские бизнесмены тупицы, разъезжающие исключительно в мерседесах, имеющие отношение к преступному миру. Но как символический инструментальность включенности индивидов в ситуацию они играют исключительную роль. Для любого человека, наверное, не столь важно, найдутся ли действительные подтверждения тому, что он настоящий мужчина (идеальная жена), прекрасный ученый и т.п. Он, очевидно, догадывается, что это далеко не так. Ему важно произвести на других людей впечатление, что он близок к тому или иному идеальному типу, добиться того, чтобы другие его признали.

Достигается это с помощью обыденных инсценировок с распределением ролей, с коллективной режиссурой, направленных на поддержание взаимного признания. В каждом обществе существуют социальные институты, среды, в которых осуществляются эти специфические инсценировки. Например, у русских дворян, живших в XIX веке, это балы, охота, война, дуэль. У современной элиты – всевозможные презентации, банкеты, игра в теннис. Во всех случаях речь идет не о простом однократном признании человека, а о взаимном поддержании общего статуса.

– *Стилизация ситуаций* дополняет интерпретацию. Стиль – тип поведения, мышления, чувствования, предполагающий известную свободу выбора. Стиль отличается от жесткого канона. Стилизованное поведение – не просто привычка следовать некоторым правилам. В нем имеется элемент игры, некоторое внутреннее напряжение, связанное с необходимостью выбора.

Так, стиль английского джентльмена характеризуется спортивностью, ясным пониманием своих прав, четким осуществлением своих жизненных планов, честностью, невозмутимостью. Быть джентльменом – не просто, так как всегда имеется возможность «потерять свое лицо». Таким образом, видно, что стиль поведения в известном смысле автономен по отношению к ситуации. Это может породить определенные проблемы коммуникационного общения. Стилизованное поведение хиппи в семидесятые годы прошлого века вызвало шок в американском обществе. Но, как правило, стилизованное поведение не разрушает обыденные ситуации. Такая возможность обусловлена тем, что носители стиля адаптируют, стилизуют сами ситуации. Смысл стилизации – в природе и специфике современных дискурсивных практик. Их важнейшим условием является элиминация смыслов из ситуации. Повседневная ситуация не

имеет собственного имманентного смысла, выступает лишь как полигон смыслообразующих действий индивидов – носителей стиля. Стилизация – прочитывание ситуации и одновременно ее конституирование, явно проявляющееся в тематизации.

– *Тематизация* означает определение и введение в орбиту ситуации круга тем, по поводу которых можно высказываться и которые можно обсуждать. Можно уподобить жизненную ситуацию тексту, который требуется прочитать. В самом деле для того, чтобы считывать ситуацию, люди воспринимают ее целыми смысловыми блоками, закодированными в темах.

Например, ситуация школьного урока включает в себя различные смысловые блоки, имеющие вид обыденных жанров и тем: учеба, успеваемость, учитель и ученики, мальчики, девочки, мальчики и девочки, и т.д. Участники урока по-разному воспринимают тематизированные фрагменты ситуации: для учителя важны темы успеваемости и учебы. Для некоторых мальчиков приоритетным является жанр приятельства, дружбы. Для некоторых девочек – жанр любви, который может тематизироваться как флирт, любовная игра, сексуальное влечение и т.д.

Любая ситуация предполагает субординацию жанров и тем. Плюрализм и анархия грозят существованию самой ситуации. Урок, где акценты деятельности смещены в сторону тем и жанров, далеких от учебы, можно считать неудачным.

Во многих случаях субординация тем и жанров в повседневных ситуациях обеспечивается с помощью компетенции экспертов, а также тех средств, которые подтверждают и легитимируют их власть. Учитель как эксперт использует такие средства, как наличие соответствующего диплома, стиль и манеру поведения.

Однако тематическое и жанровое равновесие внутри ситуации может быть нарушено. В случае со школьным уроком это может быть связано с тем, что в классе появляются ученики, обладающие большим авторитетом и влиянием, чем учитель. Они не просто притягивают к себе внимание, но вносят в ситуацию тематические элементы из других ситуаций (улицы, двора, спортивного кружка).

Эксперты, озабоченные подобного рода конкуренцией, ссылаются на легитимность тех тем, которые находятся в кругу их компетенции.

Оборотной стороной тематизации является «ретематизация», т.е. процесс вынесения за скобки тех тем, которые не принято обсуждать. Ретематизация не означает элиминацию указанных

тем. Последние остаются, образуя глубоко скрытый мир подразумеваемого.

В любом обществе происходит циркуляция тематизации и ретематизации. Например, в постсоветской России такие темы, как патриотизм, коллективизм, утрачивают легитимный статус. В то же время все больше заявляют о себя такие ранее маргинальные темы, как интимная жизнь человека, бизнес, сексуальные аспекты бытия, криминальный мир, удовольствия и т.д.

Некоторые темы выводятся в область трансцендентного. В традиционном обществе трансцендентный, божественный мир обладает подлинной реальностью. Именно он образует смысловые рамки повседневного бытия. В современных условиях происходит размывание трансцендентного мира. Человеческий мир утрачивает черты сакральности. Все в нем подлежит рациональному объяснению, даже такие понятия, как душа, человеческое Я.

Вместе с тем в современном мире социальная коммуникация утрачивает целостность. У нее нет единой смысловой основы. Она распадается на множество слабо связанных тем.

Многие темы не имеют собственного смыслового содержания и проявляются манипулятивным путем. Они искусственно вводятся и навязываются людям, например, средствами массовой информации. Все это дезориентирует социо-коммуникативную систему, загрязняет ее, нарушает естественный коммуникационный обмен между обществом и окружающей средой. Как следствие – общество утрачивает способность контролировать себя.

В результате смысловые границы социума размыты. Кризис социума отражается и на индивидах. Он проявляется как кризис идентичности человека. Среди множества признаков этого кризиса отметим прежде всего имитационный характер бытия людей в современную эпоху. Социальный порядок строится на имитационных способах социальной адаптации индивидов. Преобладание имитаций может привести к тому, что человек потеряет способность распознавать себя в коммуникационном поле жизненных ситуаций и в крайнем случае превратится в имитационную машину, производящую впечатление.

Кризис идентичности обнаруживается на макроуровне как размывание, раздробление образов жизни людей. Образ жизни – это смысловое пространство человека, его внутренний мир, который синхронизирует (но не растворяется) с внешним миром. В самом образе жизни явно или неявно содержатся способы и формы «вхождения» индивида в социальный мир.

В самом общем виде образ жизни можно представить как систему эпистем (греческое слово *epistema*, означающее знание, концептуализировал М.Фуко, однако мы вкладываем в него специфический смысл). Под эпистемами мы понимаем символические индикаторы должного поведения.

Обыденные эпистемы как феномен социальной коммуникации не следует путать с идеологическими парадигмами, доктринами. Они, скорее, ближе к мифам. По крайней мере, ряд признаков мифа в них явно присутствует. Эпистемы выражены в форме конкретных чувственных образов, представлений. Строго говоря, это даже не знание, а практическое понимание, включающее в себя то, что греки называют *doxa* (мнение). Действительно, эпистемы проявляются в виде расхожих обыденных суждений, высказываний («начальник всегда прав», «без денег ты никто»).

В то же время в обыденных эпистемах содержится идеологическая основа, спрятанная под спудом обыденного сознания. Так, в представлениях людей, живших в Советском Союзе, укоренились эпистемы: общественное, государственное начало выше индивидуального; моральные нормы имеют больший вес, чем правовые; материальные, экономические аспекты жизни обуславливают все другие.

Эпистемы играют роль нормативных ценностных ориентиров. Такие символы очень понятны и не требуют специальной интерпретации.

Современный человек в отличие, например, от средневекового живет в сложном, открытом и динамичном мире. Человек традиционного общества жил в условиях символической целостности, равновесия бытия. Символическая картина мира была, по сути, самим миром. Будучи наделенным от рождения символическим именем, индивид легко «прочитывал» этот мир. Инструментом прочтения первоначально было Слово, которое неотделимо от имени того, кто его произносил (учитель, пророк, отец и т.д.). Через слово непосредственно передавался смысл ровно в том объеме, который может вместить имя (ученика, посвященного, сына и т.д.).

Природа современных символических пространств, эпистем все более становится условной. То, что раньше считалось сакральным, в новых условиях превращается в наборы формул, рациональных схем объяснений, которые принципиально могут быть подвергнуты критике, интерпретации. Современные эпистемы являются продуктом интерпретативной (дискурсивной) работы. Более того, в известном смысле и сам человек существует

постольку, поскольку порождается дискурсивными вызовами, практиками.

ОСМЫСЛЕНИЕ СТРАДАНИЯ В ФИЛОСОФИИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА

Грицков Ю.В.,
кандидат философских наук,
доцент
Красноярский государственный
университет
(г.Красноярск)

Одну из наиболее значительных попыток осмысления страдания в современной философии предприняли экзистенциалисты, исследовавшие данный феномен в контексте проблем феноменологической онтологии. В центр внимания представители данной традиции помещают субъективную реальность и присущие ей феномены-переживания, среди которых главными оказываются разновидности страдания: страх, забота, отчаяние, абсурдность бытия, отчуждение. Интересно, что методологические установки экзистенциализма оказалось возможным развивать как в рамках христианской теологии (С.Кьеркегор, Г.Марсель), так и в русле атеистической философии (Ж.-П.Сартр, А.Камю, К.Ясперс).

Основоположником экзистенциалистской традиции в философии принято считать выдающегося датского мыслителя Сёрена Кьеркегора. Его философию страдания можно охарактеризовать как самую впечатляющую попытку самоубийства страдающей мысли.

По Кьеркегору формы страдания индивида определяются тем, на какой из трёх альтернативных «этических стадий» развития он находится. Три стадии суть три взаимоисключающих *нравственных облика самосознания личности*.

Первая, эстетическая, стадия представляет собой ориентированность личности на чувственные восприятия и наслаждения, выражающуюся в погоне за удовольствиями, в одержимости игрой страстей. Девиз этой стадии, на которой пребывает большинство людей, – «бери от жизни всё, что можешь взять, живи сегодняшним днём». Типичные для данной стадии страдания связаны, во-первых, с невозможностью схватить и удержать ускользающие мгновения наслаждения (случай Фауста),

во-вторых, с «повторением неповторимого», неизбежно влекущего за собой пресыщение и разочарование, обесценивание, профанацию и дегенерацию удовольствия, разлагающие изнутри эстетическое мироощущение (случай Дон-Жуана). Человек на этой стадии представляет собой игрушку страстей: не он наслаждается желанным наслаждением, а жажда наслаждения пожирает его. Неминуемое завершение этой стадии – тоска, безнадежность, одиночество и отчаяние. «Всякое эстетическое непонимание есть отчаяние, и каждый живущий эстетически находится в отчаянии, знает он об этом или нет», – пишет Кьеркегор в знаменитой работе «Или – или».

Вторая, этическая, стадия есть **ориентация на должное** в смысле кантовского категорического императива. Индивид на этой стадии стремится подчинить «рациональным канонам» свою чувственную жизнь. Максима данного мироотношения звучит так: «делай, что велит долг, и пусть будет, что будет». Если главной ценностью эстетической стадии выступают разнообразие, перемена, непостоянство, то для этической стадии, наоборот, характерны постоянство, привычка, повторение. Так, квинтэссенцией этической стадии в сфере сексуальных отношений является абсолютно чуждое «эстетической» личности Дон-Жуана обязательное исполнение мужем «супружеского долга».

Ригористическая этика требует однозначного повиновения долгу, в ней отсутствует *свобода морального выбора*. Поэтому вторая стадия есть полумера – состояние неустойчивое, «промежуточное». Страдания личности на этой стадии связаны, во-первых, с огромными (часто непомерными) усилиями, необходимыми для удержания от «эстетических» соблазнов, во-вторых, с оскудеванием чувств и воли в связи с монотонностью, рутинностью предписываемых долгом действий, в-третьих, с рабской зависимостью личности от требований императива, которая в отнюдь не достаточной степени компенсируется как объективной, так и субъективной действительностью.

Высшая, религиозная, стадия отрицает ориентацию как на гедонистические ценности, так и на ценности нравственные. Она выражается в переориентации на иррациональные ценности **веры**.

Вера – центральная категория кьеркегоровой этики. Основанием всякой веры является страсть: «если устранить страсть, не останется больше и веры, ибо достоверность и страсть нельзя сочетать в одной упряжке»¹. Страсть, как мы помним, есть настойчивое стремление к отсутствующему бытию, ей присущ

¹ Быховский Б.Э. Кьеркегор. – М., 1972. – С.109.

свободный выбор, а значит, решимость и риск. Главной и неутолимой страстью мышления (**страданием и максимальным риском мышления**) является парадокс – мысль, которую невозможно мыслить вследствие её очевидной противоречивости. Вот характерные мысли Кьеркегора на эту тему: «Высшее, к чему может стремиться человеческая мысль, – это выйти за собственные пределы, придя к парадоксу»; «Я хочу пойти в сумасшедший дом и увидеть, не решит ли пропасть сумасшествия для меня загадку жизни».

Будучи объективной недостоверностью, парадокс вместе с тем объективно является истиной. В этом смысле парадокс есть **чудо в сфере мышления**, он есть крест, на котором мысль сама себя распинает, гибнет и воскресает в виде *абсурда*, который, по мнению Кьеркегора, есть *высшая истина*.

Итак, парадокс есть абсурд. Абсурд же и есть единственное, во что можно верить. Вера может быть только иррациональной, она есть смерть разума, но она же парадоксальным образом есть его новая, обретённая в акте воскрешающей веры жизнь, прошедшая сквозь смертную муку сомнения, бессилия, риска и «самоубийственного» выбора. Приписываемую Тертуллиану максиму «*credo quia absurdum*» Кьеркегор не только полностью разделяет, но и дополняет максимой «*credo ergo sum*».

Религиозная стадия понимается Кьеркегором как *апология страдания*. Основные составляющие религиозного страдания – переживания свободы, греха, вины и страха.

Свобода **страшит** необходимостью выбора (человек ощущает себя на краю бездны, в которую он должен броситься) и одновременно искушает рискнуть (бездна притягивает).

Грех есть неправильный выбор, он есть **злоупотребление свободой**, порождающее **чувство вины**, придающее страданию должную глубину и подлинность. Грех у Кьеркегора определяется не отношением между людьми, а отношением человека к Богу (т.е. всё той же осуществляемой в акте свободного выбора верой).

Чувство вины, обусловленное греховностью, неустранимо и непреодолимо. В этом переживании единичный индивид противостоит не общему, а *абсолютному*.

Страх как «отношение свободы к вине» есть владеющее человеком беспредметное чувство беспокойства, тревоги, составляющее с грехом, виной и свободой единое целое (страдание). Средоточием данного экзистенциального состояния является страх смерти.

Страдание представляется Кьеркегору благом. Но не благой целью, а благом средством. Ценность страдания заключается для него не в мазохистском упоении жалостью к собственным мучениям, а в достижении посредством страдания **спасения в вере**. Если разум приводит к отчаянию, то **вера** спасает от него. Вера, эта «безнадёжная надежда», оказывается последним прибежищем и последним блаженством истерзанного страданием человека. Вера есть единственно возможная победа над страхом смерти, она превращает этот страх в упоительную надежду на избавление, в надежду на всеобщее посмертное счастье.

Образцом «спасения в абсурде веры» является по Кьеркегору, ситуация библейского Авраама, приносящего в жертву Богу сына Исаака. Побуждение Авраама лишено всяких рациональных и моральных оснований. Его единственный мотив – стремление выполнить повеление Бога. С точки зрения человеческой этики намерение Авраама не просто аморально, оно преступно. Однако человеческие критерии добра и зла должны быть заменены на критерии божественного абсурда, обретаемые в неизбежно свободном, смертельно рискованном акте веры в непостижимый промысел Бога. Веры, превращающей поступок Авраама в богоугодный акт жертвоприношения.

В отличие от традиционного, сократовского, представления о морали, в соответствии с которым человек, чтобы научиться отличать добро от зла, должен «познать самого себя», представление Кьеркегора о природе нравственности базируется на идее свободного выбора. Перед человеком стоит не задача познать себя, а задача *«выбрать самого себя»*. В морали, основанной на свободном выборе, «добро вообще недоступно определению. Добро есть свобода. Лишь для **свободы или в свободе** состоит различие между добром и злом...», – пишет Кьеркегор в работе «Страх и трепет». Добро конституируется актом выбора и не определяется ничем иным, кроме свободы. Причём «свобода эта бесконечна и возникает из ничего».

Таким образом, налицо очередная истина-парадокс: быть самим собой – значит быть покорным воле божьей, а воля божья именно такова, какой ты её выбрал по своей воле перед лицом незримого и непознаваемого Бога... Таков «категорический императив» Кьеркегора.

Но какой бы выбор ни сделал человек, жизнь останется для него юдолью скорби. И если в страдании на эстетической и ригористической стадиях есть всё же нечто необязательное, случайное (то, чего может и не быть), то на религиозной стадии страдание становится главным содержанием и смыслом бытия.

Религиозный человек – страдающий человек. Страдание неизбежно и необходимо, оно *благословенно*. Задача человека – не избегать страданий, а затруднять, усложнять жизнь, всячески мешать своему и чужому счастью. Правильный свободный выбор есть выбор страдания, потому что спастись от страдания можно только возлюбив его как Бога (сделав страдание Богом)! Кьеркегор, пожалуй, один из немногих христиан, до конца понявших и принявших эту выстраданную Иисусом Христом истину.

Из такого понимания страдания вытекает, между прочим, следующий парадокс: с одной стороны, нарушение Адамом божественного запрета есть *зло*, так как это «неправильный» выбор, сиречь злоупотребление свободой; с другой стороны, этот неправильный выбор является правильным (он есть добро!), так как Адам обязан выбрать «благословенное» страдание, а выбрать страдание – значит выбрать грех. Выходит, что Адам одновременно неправильно и правильно распорядился своей свободой. Впрочем, данное противоречие, если даже оно осталось для Кьеркегора незамеченным, вполне соответствует его представлениям о природе мышления и об истине-абсурде.

В XX веке подход Кьеркегора к проблемам человеческой ситуации получил развитие в рамках философии экзистенциализма. Один из лидеров этого направления Жан-Поль Сартр усматривает корни страдания в «отрицающей» природе сознания. Сознание как явление психики может выразить себя только через отношение к противостоящей ему трансцендентности (трансцендентность Сартр понимает как противостоящий сознанию внешний мир): «Всякое сознание есть сознание какой-нибудь вещи; это означает, что трансцендентность есть основная структура сознания, т.е. сознание рождает значение бытия, которым оно не является». Фихте называл его «не-Я», Сартр называет его «В-себе-бытие». Сознание с необходимостью конституирует «В-себе-бытие» как свой антипод, поэтому «первоначальное отношение есть в самом деле **радикальное отрицание**». Но и любое другое отношение сознания к миру также связано с **отрицанием**. Внешние вещи выступают как поводы и «инструменты» проектов сознания. Бытие при этом выступает как то, что не принимается во внимание (отрицается) сознанием. Объект сознания как необходимый «инструмент» в процессе выстраивания очередного проекта «загорается, как светящаяся точка, на тёмном фоне отрицаемого бытия». Таким образом, мир существует, организуется и упорядочивается в сознании через *отрицание*, которое и обуславливает, по Сартру, онтологический

статус страдания как атрибута существования сознания. Конституирующее мир сознание становится при этом объективным феноменом конституируемого им мира.

Неустранимость отрицания означает невозможность реализовать онтологическую целостность (абсолютное В-себе-для-себя бытие): «человеческая реальность, – утверждал Ж.П. Сартр, – есть страдание в своём бытии, потому что она неотступно преследуется мыслью о целостности, которой ей не дано быть... Следовательно, она есть по природе несчастное сознание, без возможности преодолеть своё несчастное состояние». Человек есть «бесполезная страсть», потому что его стремление к *абсолюту* (совершенному, идентичному, чистому, постоянному), который не дан от природы, но представляет собой высшую ценность для сознания, находится в трагическом противоречии с его ограниченным, изменчивым, саморазорванным существованием. Поскольку противоречия и парадоксы существования человеческого сознания неразрешимы, история каждой человеческой жизни с неизбежностью становится *историей катастрофы*.

Одна из существенных особенностей переживаемой человеком катастрофы – «заброшенность в свободу». Здесь Сартр имеет в виду не обыденное представление о свободе как о практической возможности реализации желаемой цели, а философское понимание свободы, означающее «автономность выбора», т.е. независимость выбора от каузальных связей, от любой внешней по отношению к сознанию необходимости, где бы эта необходимость ни находилась – в окружающем мире или в подсознании самого человека. Иными словами, свобода личности предполагает принципиальную недетерминированность её сознания (мысли, воли, выбора), она предполагает беспочвенное *самостояние сознания в мире*.

Вместе с тем свобода заключается в *невозможности не выбирать* своё будущее, в *невозможности не нести ответственности за этот выбор*. В этом смысле свобода – «онтологическое свойство» человека, к которому он «приговорён» отрицающей природой сознания (не мы выбираем свободу, но свобода выбирает нас; человек *брошен в свободу* – он или свободен, или не существует).

Таким образом, в реальности человека всегда есть место страданию, и это святое место никогда не бывает пусто! Взаимоотношения с внешним миром не могут быть организованы иначе, чем через чувства **страха, тоски, отчуждения, свободы** (обречённости на ничем, кроме самого сознания, не

мотивированный *субъективный выбор* со всей вытекающей отсюда полнотой ответственности за неизбежные и обычно плохо прогнозируемые последствия).

Как видим, диагноз Сартра весьма пессимистичен: страдание неизлечимо, оно есть судьба и смысл жизни человека. Ему остаётся вкусить горькую пилюлю познания – единственно возможное в этой ситуации лекарство, полезное по крайней мере тем, что позволяет осознать иллюзорность надежд и бесполезность попыток избежать неизбежного. Правда, на смену побеждённой познанием муке бесплодного поиска тут же придёт горькая мука утраты надежды на победу над страданием. Как говаривал Экклезиаст: «Во многой мудрости много печали»!

Альбер Камю характеризует человеческое существование с тех же позиций, что и Сартр, но делает особый акцент на таких модусах страдания, как **переживание абсурда и бунт**. Он, по сути дела, воспроизводит средствами экзистенциалистского понятийного аппарата классическую «проблему Гильгамеша»: осознание неотвратимости смерти способно разрушить любые позитивные переживания, стать источником и лейтмотивом мучительных и безнадежных поисков спасения. Из осознания себя «приговорённым к смерти» возникает *чувство абсурдности человеческой жизни*: если человек должен умереть, то стоит ли жизнь того, чтобы её прожить? Ведь смерть есть полная потеря бытия, обесмысливающая любое событие жизни. Смерть – наиболее полное и яркое выражение абсурда, величайшая несправедливость, причинённая человеку. Зачем же тогда продолжать жить и страдать в чуждом, враждебном мире?

Герой Камю, в отличие от героя вавилонского эпоса, уже не пытается избежать «участи человеков», не ищет рецепта бессмертия за неприступными горами на дне моря. Его мысль опытнее мысли Гильгамеша на три тысячи лет и знает, что рецепта бессмертия не существует. Он заброшен в опустошённый мир, «где доказана невозможность познания, где единственной реальностью кажется ничто, а единственно возможной установкой – безысходное отчаяние»¹. Но **вопрос о смысле жизни** в абсурдном мире действительно требует решения. Найти или сотворить этот смысл – значит преодолеть причиняемое абсурдным миром страдание, обрести от него защиту. Камю видит такой смысл в **бунте** – в героическом пессимистическом отказе быть тем, что ты есть: «бунт хочет, бунт кричит и требует, чтобы скандальное состояние мира прекратилось... Цель бунта –

¹ Камю А. Бунтующий человек. – М., 1990. – С.36.

преображение, логика бунта – логика не разрушения, а созидания»¹.

Бунт героя Камю – это отказ признать себя побеждённым в безвыходной ситуации. Сизиф знает всю меру своего отчаянного положения. Но именно это сознание ставит его выше судьбы и делает более твёрдым, чем его камень. Та ясность, которая должна быть его пыткой, в то же время означает и его победу. Потому что «нет судьбы, которую не превозмогло бы презрение».

Предстоящий абсурдному миру человек понимает, что его судьба – дело его собственных рук, и принимает её, не сгибаясь, и тем самым возвышается над нею. Его даже, как утверждает Камю, «следует представлять себе счастливым», так как «одной борьбы за вершину достаточно, чтобы заполнить сердце человека»².

Можно согласиться с Камю в том, что человек экзистенциально *свободен* продолжать «борьбу за вершину» в абсолютно безнадежном положении, и пока он отказывается признавать своё поражение, его нельзя считать до конца побеждённым. Этот отказ – последний аргумент в отчаянном предстоянии абсурдному миру, последняя возможность пережить по-своему счастливое «упоение в бою на краю мрачной бездны».

Стоит, однако, заметить, что иррациональное презрение, которое демонстрирует Сизиф по отношению к Богам и к собственной трагической участи, есть чувство не менее беспочвенное, чем его предмет. Удерживаться в этой позиции – не значит ли просто удовлетворять один из врождённых, генетически запрограммированных автоматизмов – автоматизм борьбы? Таким образом, решение проблемы Гильгамеша, которое предлагает Камю, уводит нас далеко вспять, в область инстинктивных, архетипических феноменов сознания.

Ещё один видный представитель экзистенциализма – Карл Ясперс добавляет в список экзистенциальных модусов страдающего сознания чувство **вины**, которое он возводит к ветхозаветному акту грехопадения: «Знание, то единственное, что делает человека человеком и представляет ему все возможности деятельного будущего, вытолкнуло Адама из рая. Даже ветхозаветный Бог устрасился опасного восстания Адама: «Адам стал как один из нас»... Изначальная вина возникающей свободы есть вместе с тем первоначальная вина могущественной божественности». Как в связи с этим не вспомнить формулировку С.Кьеркегора: «страх есть отношение свободы к вине»?

¹ Камю А. Указ.соч. – С.91.

² Там же. – С.92.

По Ясперсу оппозиция повседневного и трансцендентного разворачивается в реальности человека через спор Демона и Ангела – противоречивых проекций его собственного раздвоенного «Я». Эти оппонирующие друг другу ипостаси личности прокладывают ей дорогу на пути становления экзистенции, но сами остаются в тени. Впрочем, их рекомендации «из тени бытия» ненадёжны, проблематичны. Это – нуждающиеся в кропотливом прочтении шифры трансцендентного, которые нас учат читать искусство, философия, религия.

Наиболее значимыми шифрами трансцендентного Ясперс считает эротику (чувственное начало), мир человека (позитивная общественная действительность, с которой человек себя отождествляет), свободу и смерть (конечность человеческого бытия и многообразные формы крушения того, что предпринимает человек). Крушение – только человеческое качество, проявляющееся в пограничных ситуациях, когда становится очевидно, что всё позитивное в мире человека связано с относящимся к нему негативным. «Нет хорошего без возможного и действительного злого, нет истинного без ложного, жизни без смерти; счастье связано со страданием». «Не радостным погружением в совершенство, а на пути страданий, взирая на неумолимый лик повседневного бытия, экзистенция способна достигнуть того, что не планируемо и становится противным смыслу, если его пожелать: испытывать бытие в крушении»¹.

ОБЩЕСТВО И ПОПЫТКА ОСМЫСЛЕНИЯ МЕСТА СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ НЕКЛАССИЧЕСКИХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

Шинкевич В.Е.,
кандидат социологических наук
Сибирский юридический институт
МВД России
(г.Красноярск)

Представители традиционных социологических школ общество рассматривают как систему. Так, один из теоретиков «атомической» концепции Дж. Девис подчеркивает, что «все общество в конце концов можно представить как легкую паутину межличностных чувств или установок. Каждый данный человек

¹ Ясперс К. Философия. – М., 1998. – Т. 3. – С. 236.

может быть представлен сидящим в центре сотканной им паутины, связанным прямо с немногими другими и косвенно – со всем миром»¹.

Крайним выражением этой концепции была теория Г.Зиммеля, который писал, что «общество» вообще представляет собой взаимодействие индивидов. Взаимодействие всегда складывается вследствие определенных влечений или ради определенных целей. Эти взаимные воздействия означают, что из индивидуальных носителей побудительных импульсов и целей образуется единство – «общество».² В современной социологии эта концепция известна как «сетевая» теория, основные принципы которой были сформулированы Р.Бертом. Главный акцент эта теория делает на действующих индивидов, принимающих социально значимые решения изолированно друг от друга.³

В теориях «социальных групп» общество интерпретировалось как совокупность различных пересекающихся групп людей, которые являются разновидностями одной доминирующей группы. В этом смысле, следуя концепции Ф.Знанецкого, можно говорить о народном обществе, что обозначает всевозможные группы и совокупности, существующие в пределах одного народа...⁴

Существует группа дефиниций категории «общество», согласно которым оно представляет собой систему социальных институтов и организаций. Это большая совокупность людей, осуществляющих совместно социальную жизнь в пределах целого ряда институтов и организаций. Системное изложение данной концепции изложено в трудах Т.Боттомора и С.Липсета. По их мнению, именно социальные институты и организации гарантируют устойчивость, постоянство отношений между людьми, устанавливают структуру всевозможных форм коллективной жизни и без них невозможно было бы обеспечение потребностей, гарантирование организационного процесса коллективной деятельности. Согласно подходу Г.В.Осипова, А.В.Кабыща, М.Р.Тульчинского, общество – это определившаяся в процессе исторического развития человечества относительно устойчивая система социальных связей и отношений как больших,

¹ Девис Д. Социология управления // Американская социология. – М., 1972. – С.62.

² См.: Зиммель Г. Общение: Пример чистой или формальной социологии // Социол. исследования. – 1984. – №2. – С.170-171.

³ См.: Burt R. Toward a structural theory of action. – N.Y., 1982.

⁴ См.: Znaniecki F. Social actions. N.Y., 1936.

так и малых групп людей, поддерживаемая силой обычая, традиции, закона, социальных институтов, основывающаяся на определенном способе производства, распределения, обмена и потребления материальных и духовных благ.¹

Все вышеобозначенные концепции общества как системы обращают внимание на наличие в ней некоего управленческого центра, управленческой иерархии. Причем её элементы соединены жесткими функциональными и причинно-следственными связями. «Но важно подчеркнуть, – считает профессор В.Г.Немировский, – что он (социум. – В.Ш.) развивается отнюдь не на основе решений каких бы то ни было «руководящих инстанций»: президента, правящей партии или даже "мировой закулисы"»². Еще Эмиль Дюркгейм сделал попытку интерпретировать общество как «нечто в своем роде, своеобразное». Полемизируя со Г.Спенсером и Ф.Теннисом, он утверждал, что современное общество, будучи основанным на экстенсивном разделении труда, не может быть понято как простое собрание воли изолированных индивидов, собрание договоров, основанных на личном интересе. Оно представляет не меньше органическое единство, чем предшествующие формы общества.³ Интерес вызывает и функциональная концепция, трактующая общество как группу человеческих существ, представляющую собой самообеспечивающую систему действия.⁴

Однако объективная действительность современного общества, осознание реалий сегодняшнего дня и возможностей личностно-индивидуального и общественного бытия активизирует проблему поиска нового взгляда, определения культурных контекстов, способных дать исчерпывающие ответы на вызовы времени. Это требует, как справедливо отметил профессор С.И.Григорьев⁵, не только пересмотра основ культурно-исторического процесса общественного развития, но и способов, культуры жизнеосуществления человека во всех сферах его бытия:

¹ Социология: Учебник для высших учебных заведений / Отв. ред. Г.В.Осипов. – М., 1995. – С.81.

² Немировский В.Г. Универсумный анализ российского общества. – Красноярск, 2001. – С.20.

³ См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – М., 1991.

⁴ См.: Aberle D.F. The functional prerequisites of a society // Systems, change and conflict / Ed. H. Demerach, R. Peterson. N.Y., 1980.

⁵ Григорьев С.И. Виталистская социология: парадигма настоящего и будущего: Избранные статьи по неклассической социологии. – Барнаул, 2001. – С.40.

политической, производственно-экономической, социально-бытовой и духовно-культурной.

Уровень жизнеосуществления человека проявляется через его активность, которая обуславливает социальную деятельность. Отсюда вытекает и широко распространенная социологическая структура личности, в которой, как правило, выделяют три элемента: ценностные ориентации, потребности; социальные роли личности; место, которое она занимает в структуре общественных отношений. Аналогично выделяются и основные структурные элементы-подсистемы деятельности: объективно-предпосылочная (потребности и интересы); субъективно-регулятивная (диспозиция); исполнительская (совокупность поступков, совершаемых во имя реализации поставленной цели); объективно-результативная (результат деятельности).

Данные подсистемы выступают двигателем человеческой деятельности, уровень и результативность которой во многом определяется активностью индивида, группы, общества наконец. Практика событий конца XX века показала, что в принципе имея равные первоначальные социальные условия, одни группы и отдельные индивиды смогли «оформить» свои цели и реализовать свои потребности, другие не только не смогли достичь более высоких социальных статусов, но и потеряли то, что имели. И даже в этих новых социальных условиях они не стали сознательно более активными в выборе средств и методов применительно к новым общественно-политическим, экономическим реалиям современного периода развития общества. И таких большинство. Однако нельзя сказать, что эта категория граждан осталась неизменной. Она под воздействием самоорганизующихся процессов приобрела новые качества в освоении жизненного пространства, в выборе средств обеспечения и воспроизводства, и жизни. Не остались неизменными под воздействием новых средств жизнеосуществления и их жизненные силы. Они стали более адекватно наполняться тем содержанием, теми двигателями, которые характерны для современного периода развития общества. При этом уровень развитости жизненных сил человека во многом стал определяться не только его физическим здоровьем и силой, но и возможностью его психики, социального потенциала, общественных связей, умений, навыков, знаний.¹

Динамика уровня овладения этими качествами во многом

¹ См.: Григорьев С.И. Виталистская социология: парадигма настоящего и будущего: Избранные статьи по неклассической социологии. – С.50.

детерминирована активностью человека как качеством врожденным и качеством приобретенным под воздействием внешних факторов. Гамма внешних факторов может выступить как единый мобилизационный механизм, способный повысить активность человека в более продуктивном использовании его жизненного потенциала.

Вместе с тем необходимо отметить, что к проблеме мобилизации как средству решения актуальных общественно-политических, экономических, социальных задач обращались и обращаются многие управленческие структуры (войны, ударные стройки, партийные призывы, субботники, «прорывы», поголовные вакцинации, избирательные кампании и пр.). Однако очень часто результат во многом расходился с первоначальной целью, нанося колоссальные удары экологии, национальной культуре, здоровью как отдельного человека, так и целым народам. Следовательно, признавая возможным использование механизмов мобилизации человеческих ресурсов в решении актуальных проблем общества, необходимо, особенно сегодня, в век колоссальных энергетических возможностей, придерживаться рекомендаций виталистской социологии, которая со всей остротой ставит вопрос о необходимости повышения роли общественного интеллекта в регулировании социального развития страны, организации целесообразной жизнедеятельности. Как императив выживаемости она ставит вопрос о переходе к цивилизации управляемой социоприродной эволюции, способной создать благоприятные условия для дальнейшего развития жизненных сил современного человека, его индивидуальной и социальной субъектности.¹ На необходимость «управляемости» эволюцией бытия, развития образования и общественного интеллекта указывается в работах Г.А.Андреевой, В.Г.Бочаровой, С.И.Григорьева, А.М.Коваленко, И.Т.Фролова, А.И.Субетто и многих других: «...человек начинает нести ответственность за динамику социоприродной гармонии, берет на себя ответственность за управление этой динамикой. «Управление» как императив, а более точно сказать, «управляемость» эволюцией бытия в форме управляемой социоприродной эволюции, становится доминирующей характеристикой неклассичности, противостоящей нынешней стихийной форме бытия»².

¹ См.: Григорьев С.И. Указ.соч.

² Субетто А. Неклассическая социология: концептуальная новизна, объективная необходимость // Социология на пороге XXI века. – М., 1998. – С.177.

Следовательно, и мобилизация не должна быть подчинена стихийной, а точнее сказать, интеллектуально ненаполненной, форме бытия.

Идея социальной мобилизации, развернутой на интеллектуальной основе, не чужда и универсумной социологии. Так, резюмируя проблему социодинамики власти, профессор В.Г.Немировский пишет, что «...при рождении нового строя, нового политического режима необходимо выполнить два вида ритуалов: во-первых, ритуалы, устанавливающие взаимосвязь между правителем и Универсумом, «венчание на власть», и, во-вторых, ритуалы, устанавливающие взаимосвязь правителя с социумом, дающие основания для легитимности его власти»¹. Хаос в процессах установления взаимосвязи приводит к длительным кризисным послереформенным периодам застоя, обострению социальных проблем, нерациональному использованию политических, экономических, социальных, природных ресурсов общества. При этом и процесс легитимизации власти может охватывать продолжительный период времени, более того, возможно, что власть так и не сможет стать легитимной до самого своего крушения.

Призвание социальной мобилизации – не допустить хаос, обеспечить естественную смену общественных отношений, необходимость в которых сформировалась в социуме, передать ценностные ориентиры каждому человеку. Не нивелируя его индивидуальность, сформировать смысло-жизненные ориентации для того, чтобы жизнь человека приобрела смысл. Осознание смысла жизни человеком в свою очередь станет активизирующим фактором его деятельности.

СОЦИАЛЬНО-ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ И ЭКОЛОГИЯ СОЗНАНИЯ

Тоненкова М.М.,
доктор философии, кандидат
педагогических наук, академик
МАИСУ

Нижегородская региональная общественно-просветительская организация
«Млечный Путь»

¹ Немировский В.Г. Универсумный анализ российского общества. – С.87.

Современное состояние российского общества показывает необходимость выбора новых научных парадигм в области философско-социологических взглядов на развитие социума. Автор предлагает соединение социологических трактовок с духовно-творческими и космологическими обоснованиями и оценками социальной жизни, при которых на одно из первых мест поднимаются роль социально духовных ценностей и экология сознания.¹

Вопрос о социальных и духовных ценностях является важным аспектом философских изысканий с тех пор, как человек начал осознавать свое существование в мире. Говоря о ценностях вообще, мы представляем себе то, что, во-первых, нам хотелось бы иметь для тела и души, а во-вторых, то морально-идеальное, что почитает общество, в котором мы живём. Философы часто подразумевают под этим понятием этические идеалы и убеждения. При этом весьма часто термин «ценности» используется для отличия научного знания от подобных идеалов и убеждений, которые слишком часто меняются в зависимости от состояния общества и трудно определяются как понятия. Ценности существуют как индивидуальные, так и общественные.

С одной стороны, «ценности можно считать порождением жизнедеятельности социума», и поэтому они «отражают в себе её особенности, характерные для данного социума и общие для всех его членов»². Это означает, что ценности могут быть сформированы в обществе с помощью естественных или искусственных трансформаций – развития культуры или же пропаганды, целевых установок правящего класса и т.д. Это представление считается научным.

С другой стороны, в нашем сознании существует **врождённое** представление о ценностях как о нравственных установках высокой морали, способной поддерживать и материальные, и духовные формы выражения идей. Нравственный закон – это один из величайших законов **Вселенной**, заложенный в Мироздание самим Творцом как необходимое существование Единой Жизни. Поэтому ценности не только формируются в

¹ Тоненкова М.М. Социология духовной жизни будущей России: новый социологический вектор. – М., 2000; Тоненкова М.М. Социально-духовные ценности и экология сознания. – Н.Новгород, 2002.

² Леонтьев Д.А. Глосса «Ценность» // Человек: Философско-энцикл. словарь / Под общ. ред. акад. И.Т.Фролова. – М., 2000. – С. 410.

социуме, но и встречным образом спускаются Космосом в информационное поле каждого рождённого человека, закладывая в нем вселенскую нравственную основу и обеспечивая для него потенциальные возможности его нравственного и духовного развития в дальнейшем.

Ценности в представлении человечества или его социальных групп (страт) в разные периоды времени могут либо идентифицироваться в соответствии со Вселенским Нравственным законом, и тогда они могут считаться **истинными**, либо могут противостоять ему, и тогда ценности оказываются **ложными**.

В целом ценности в обществе всегда образуют некую **систему**, которая может изменяться даже в пределах одного поколения. Развитие этой системы целенаправленно формирует то или иное состояние культуры.

Известный философ Н.И.Лапин считает, что «система ценностей образует внутренний стержень культуры, духовную квинтэссенцию потребностей и интересов индивидов и социальных общностей. Она, в свою очередь, оказывает обратное влияние на социальные интересы и потребности, выступая одним из важнейших мотиваторов социального действия, поведения индивидов. Таким образом, каждая ценность и системы ценностей имеют двуединое основание: в индивиде как самоценном субъекте и в обществе как социокультурной системе»¹.

В качестве **социальных ценностей** традиционно признаются «более или менее общепризнанные поведенческие стандарты, то есть разделяемые обществом или социальной группой убеждения по поводу целей, которые необходимо достигнуть, и тех основных путей и средств, которые ведут к этим целям»².

Категорию «социальные ценности» в социологию официально ввёл немецкий социолог Макс Вебер (1864-1920), хотя её идеи и смысл всегда признавались в обществе. В последующее время этой категорией активно занимались структурные функционалисты и особенно виднейший американский социолог Толкотт Парсонс (1902-1979). Он считал социальные ценности «высшим принципом, на основе которого может быть достигнуто социальное согласие». Парсонс полагал, что общество входит в кризис, когда наступает конфликт

¹ Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социс. – 1996. – №5. – С.5.

² Учебный социологический словарь с английскими и испанскими эквивалентами. – 4-е изд., доп. и переработ. / Под общ. ред. С.А. Кравченко. – М., 2001. – С. 445.

социальных ролей, а в основе этого конфликта так или иначе лежит противоборство ценностей. Большинство социологов считает социальные ценности важнейшим элементом культуры, так как они обеспечивают «общую стратегическую регуляцию поведения людей» и «на их основе вырабатываются социальные нормы».

Добавим к этому, что социальные ценности – это то, что общество может предоставить пришедшему в мир новому человеку и всем остальным гражданам, включая социальные страты молодёжи, детей, женщин и пенсионеров как самых незащищенных слоёв, на основе безвозмездной отдачи. Известно выражение о том, что общество ценится по тому, каково в нем отношение к детям, старикам и женщинам. Все эти возможности нарастают с развитием общественной культуры, социальными накоплениями, доступностью основных социальных институтов для широкого круга граждан, законами страны и др.

К социальным ценностям российского общества до недавнего времени можно было отнести бесплатное образование, бесплатное медицинское обслуживание, возможности бесплатного культурного проведения досуга по интересам в клубах, Дворцах культуры, курируемых предприятиями, и т.д. Студентам государство платило стипендию, тогда как теперь студенты сами платят за обучение почти во всех вузах. Рынок вступил в свои волчьи права.

Ныне, к счастью, пока ещё осталась возможность бесплатно позаниматься в читальном зале библиотеки, бесплатно посетить врача в поликлинике, ещё некоторые возможности. Но большинство социальных ценностей быстро превращается в оплачиваемые услуги, то есть товар, даже на государственном уровне. Сам характер социальных ценностей резко изменяется. Проявляется эксклюзия целых групп людей, то есть нарастает «невключенность личности или социальной группы в систему значимых для них отношений либо существенное ограничение их прав и возможностей в рамках значимой для них социальной системы»¹.

Не так давно в России были редкостью такие явления, как эксклюзия, маргинальность (отрыв от привычной среды и образа жизни индивидов, не принявших новых норм и потому находящихся в пограничном состоянии – «на краю». Термин введен Р.Парком), которые вызывают в обществе аномию,

¹ Култыгин В.П. Современные зарубежные социологические тенденции: Учебник / Под ред. Т.Н. Юдиной. – М., 2000. – С. 153.

девиантное поведение людей, нарушения различных установленных норм права и морали.

В России в состоянии маргиналов еще в советское время оказались малые народы Севера и Дальнего Востока, которые не могли интегрироваться в современную технократическую систему жизни. Они и сейчас маргиналы. Кроме них, ныне маргиналами становятся не только отдельные индивиды, но и довольно большие группы и категории людей, которые не способны по каким-либо причинам адаптироваться к рыночным условиям нового времени. Таким образом, инклюзия (в противовес эксклюзии) как полноценная включенность человека в жизнь и деятельность социума ныне перестаёт быть всеобщей социальной ценностью, что, безусловно, ведёт к деградации социальной жизни.

Таким образом, мы видим, что система социальных ценностей подверглась резкой переоценке в условиях переходного общества, в неё проникли лжеценности на правах настоящих вечных ценностей. Поэтому для всеобъемлющей коррекции общей системы ценностей в России требуется культивировать духовно-нравственные ценности, духовно-творческое отношение к культуре и труду, воспитанию детей, сохранению семьи, морально-нравственные установки как внутреннюю нацеленность на добро и чистые отношения между людьми, между людьми и Природой.

В результате криминогенной обстановки в государстве мы получили вместо системы социально-духовных ценностей хаотический набор из ценностей и лжеценностей, который достаточно трудно и упорно придётся трансформировать в гармоничную систему ценностей, отвечающую задаче **экологии сознания людей** и упрочению высших ценностей в их сознании.

Широкие социологические опросы двух-трех последних лет показали, что многие граждане устали от разлагающего хаоса нестабильной социальной жизни. На первые места по важности стали выходить такие установки, как сохранение и упрочение семьи, отношения между детьми и родителями, бережное отношение к друзьям, к сохранению духовного наследия народной культуры и др. Однако материальный достаток тоже стоит на одном из первых мест, и это справедливо. Нищета не украшает никого и не даёт возможности в полную силу раскрыть духовно-творческий потенциал, заложенный в людях изначально. Пока духовная направленность людей достаточно низка в социуме.

Известный социолог В.Н.Кузнецов провел опрос по тематике «Условия, необходимые для достойной жизни», в котором

респонденты могли выбирать несколько условий.¹ Результаты (в % от числа опрошенных из репрезентативной выборки) таковы:

Крепкое здоровье – 85%, материальный достаток – 77%, крепкая семья, любовь – 75%, хорошее образование – 57%, интересная работа – 54%, надёжные друзья – 42%, личная безопасность – 40%, честность, порядочность – 39%, чистая совесть – 25%, ощущение своей необходимости – 23%, гордость за свой народ, свою страну – 22%, культурное развитие – 19%, тихая, спокойная жизнь – 16%, духовность – 15%, романтика, приключения – 7%.

Отметим, что из перечисленных ценностей ближе к духовным характеристикам следующие: крепкая семья, любовь, интересная работа, честность, порядочность, чистая совесть, гордость за свой народ, свою страну, духовность в сумме набрали почти столько же процентов, что и остальные признаки. Это говорит о том, что попытки заново выстроить систему социально-духовных ценностей для новых поколений на основе социально-духовных установок старшего поколения могут увенчаться успехом, возможно, даже в ближайшее десятилетие.

Очень важно сохранить культ доброго семейного уклада, при котором ценят уважение к каждому члену семьи, а особенно к старшим и труженикам. Семейный уклад, который начинает разрушаться в капиталистическом обществе, трансформируется согласно изменившимся условиям жизни в России, но остается в государстве **непреходящей ценностью** как социального, так и духовного свойства.

Перед взрослым населением страны встаёт «новая» задача, старая, как мир, – задача **духовно-нравственного восприятия всей жизни**, воспитания детей достойными людьми и гражданами России, имеющими представление о различных социальных ценностях государства и личности, в том числе о сущности денег и их различных ролях в жизни, так как деньги служат важной обменной силой.

Социальные ценности составляют достижения народа и государства. Искусственно регулируемые правительствами они вызывают шоковые изменения и долго не заживающие раны в экономике и духовном состоянии народа. Лечатся они, к счастью, духовной силой того же народа, но, к сожалению, медленней, чем хотелось бы.

¹ Кузнецов В.Н. Безопасность: наши цели, идеалы и ценности // Муниципальный мир: информационно-аналитический журнал. – 2003. – №4. – С.17-25.

К важным социальным ценностям в современный период необходимо отнести **доступ к информации**. Так называемая **«фильтрация знаний»** достигла в нашей стране чудовищных размеров. Значительная часть информации скрывается от населения, и именно та, которая могла бы быть ему полезной для правильного поведения, распределения государственного дохода, выявления своих жизненных возможностей и включения в созидательную работу в обществе.

Хочется отметить, что быстрое изменение ценностей в сторону ухудшения их качества может и не дать устойчивого результата изменения, то есть через некоторое время может пойти обратный процесс – восстановление того, что соответствует **истинному состоянию души народа**, живущим в нем веками приоритетам. Традиционные ценности каждой страны всегда оказывают в ней инерционное действие, сопротивляясь новым волнам. Поэтому есть надежда, что даже при глубоком падении ценностных ориентаций возможно достаточно быстрое возрождение российских национальных ценностей в сознании народа.

Возрождению ценностей социальных, как правило, способствуют **ценности духовные**. Духовные ценности народа – это то, что накапливается душой и духом народа в процессе строительства культуры государства. Это то, что живёт в памяти огромной цепи поколений и передается «с молоком матери» как моральный кодекс души. Отдельные индивиды могут и не воспринять эти установки, но в целом русский народ веками держит в сознании традиционную нацеленность на Вселенский Нравственный Закон.

Экологии сознания народа способствует внедрение духовных устремлений в души людей. Поэтому духовность напрямую связана с пониманием души человеческой, хотя часто философы обходятся без слова «душа», считая её ненаучной категорией, трактуют духовность через понятие личности, от этого обедняется само понимание духовных ценностей. Например, Д.А.Леонтьев считает, что духовность есть высший уровень развития и саморегуляции зрелой личности, на котором основными мотивационно-смысловыми регуляторами её жизнедеятельности становятся высшие человеческие ценности, находящиеся между собой в иерархических взаимоотношениях.

По мнению автора, в понимании народа содержится представление о духовности как о высших морально-нравственных ценностях и стремлении к Божественным идеалам. Поэтому проявление духовности часто соотносят с линией поведения

человека доброго, бескорыстного, всегда приходящего на помощь в трудные моменты жизни, прощающего обиды, жалеющего людей, то есть имеющего Бога в душе.

По мнению виднейшего психолога современности А.Мэслоу, духовность связана, в первую очередь, «с **высшими духовными бытийными ценностями** и пиковыми переживаниями, характерными для самоактуализирующихся личностей. ... Метамотивами таких людей как раз и являются высшие бытийные ценности, такие как истина, добро, красота, единство противоположностей, совершенство, простота, жизненность, игра и т.д.».

Тем не менее без понятия «душа» трудно настоящим образом уяснить, что же такое духовные ценности. Для человека как индивида они есть то, что накоплено его душой и индивидуальным духом на базе присущего ему внутреннего ощущения Нравственного Закона Вселенной. По мнению профессора Ю.А.Крючкова¹, к понятию «духовные ценности» относятся и «душевные ценности», главнейшими из которых являются этика, эстетика и права человека. При этом к **этическим** убеждениям и правилам социума относятся узаконенные в большинстве своём или же подразумеваемые как неписанный закон требования типа: «береги дерево», «не плюй в колодец, пригодится воды напиться», «воспитывай сына в духе уважения к народу своему» и т.д. Большинство из них заложено в народные пословицы и поговорки.

К **эстетическим** правилам и убеждениям относятся представления о красоте как непреходящей ценности, доброте, честности, справедливости и т.п. К категории **права** (и связанного с ним понятия обязанностей) можно отнести установки, принятые в обществе и регулирующие способы поведения индивидов, охраняющие как права отдельных членов общества, так и общества в целом, включая его отдельные страты (например, права матери и ребенка и др.). По словам Ю.А.Крючкова, наличие в обществе этих ценностей формирует наше **душевное здоровье**.

Понятие **социально-духовных ценностей** объединяет объём и содержание пересечения двух понятий – «социальные ценности» и «духовные ценности», то есть речь идёт о тех ценностях, которые можно отнести одновременно и к социальным, и к духовным ценностям.

¹ Крючков Ю.А. Духовная парадигма развития России // Социальное развитие России: тенденции, перспективы, проекты. Серия «Социология, современность, социальность». – Вып. VIII. – М., 2002.

К уже перечисленным социально-духовным ценностям необходимо добавить такие, как возможность учиться, приобретать и использовать внешние и внутренние знания, общаться с другими людьми, видеть прекрасное для развития своей души, ощущать заботу государства о себе и детях своих, чувствовать себя и свой мир защищенным от преступности, радоваться успехам – своим и других людей, понимать толк в наслаждениях жизни – без пресыщения, ценить и любить друг друга, быть обеспеченным в необходимой разумной мере. При этом разумная мера определяется собственно духовным развитием человека. Обо всём этом говорилось ещё в трудах древних и средневековых философов и поэтов.

Именно в соединении истинных социальных и духовных ценностей возникает возможность сохранить чистое и возвышенное сознание народа. Счастлив тот народ, правительство которого захотело бы и смогло посвятить свои усилия возвышенной цели – благосостоянию граждан – физическому, душевному и духовному, при котором сознание народа находится на отметке самых чистых и высоких вибраций.

Великий мудрец всех времен и народов Конфуций на вопрос «Как можно правильно осуществлять управление государством?» ответил: «Если правильно чтить «пять красот» и устранять «четыре зла», то можно правильно осуществлять управление государством»¹.

Истинные социально-духовные ценности, культивируемые в государстве, должны позволять человеку жить достойно его человеческой и Божественной сути – жить в радости и иметь необходимое как для тела, так и для души – для учения, общения, создания семьи, воспитания детей, сохранения здоровья, формирования мировоззрения, соответствующего Вселенскому Нравственному Закону, пользоваться защитой своего государства.

ЭНЕРГОЭНТРОПИЙНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ДЕВИАЦИИ И ЭЛЕМЕНТЫ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

Минкин А.Н.,
кандидат технических наук, доцент

¹ Конфуций. Беседы и суждения. – 2-е изд., испр. – СПб., 2001. – С.907-908.

Как показывают результаты наблюдений, в современном обществе 10-15% населения приходится на каждую группу девиантов. Абсолютными социальными конформистами нельзя считать никого, следовательно, при функционировании общества девиантные поведения можно рассматривать как потоки случайных событий, количество которых на ограниченных интервалах времени распределено по закону Пуассона.¹

Статистические данные о поле, возрасте, образовании, семейном положении, роде занятий, месте жительства и анализ причин и факторов противоправных действий дают нам возможность сделать следующий вывод, что появление конкретного преступления обусловлено, как правило, не отдельно взятой причиной, а результатом возникновения и развития причинной цепи предпосылок. Также инициаторами и звеньями причинной цепи преступлений служат социальные свойства людей.

Процессы, протекающие в системе, зависят главным образом от количества энергии, поступающей в систему, а энергия, поступающая в систему, подчиняется законам термодинамики.

Социальная система – энергетически незамкнутая система, в ней идет поглощение теплоты из внешней системы и ее использование в изотермических условиях. Используемая социальной системой энергия связана с притоком теплоты и энтропией.

Энергия используется социальной системой на совершенствование и развитие процессов и подсистем.

Выявленные выше закономерности, причины и факторы социально-негативного поведения могут быть положены в основу при формулировании совокупности представлений о природе девиации и условиях возникновения в процессе деятельности человека преступлений. Сущность этих представлений может быть выражена следующими утверждениями.

Девиация в поведении человека возможна в повседневной деятельности, так как связана с действиями человека, а последние – с использованием энергии.

¹ Справочник по теории вероятности и математической статистики / В.С.Королев, Н.И.Прохоренко, А.В.Скороход, А.Ф.Трубин. – М., 1985.

Девияция может возникать в результате неконтролируемого выхода энергии, накопленной в системе.

Следовательно, преступления совершались и будут совершаться всегда, так как преступления могут проявляться в результате неконтролируемого выхода энергии, накопленной в системе (подсистеме), а неконтролируемый выход энергии сопровождается в некоторых случаях, при определенных условиях, появлением преступлений, то есть возникновение преступлений – следствие появления и развития причинной цепи предпосылок, приводящих к нежелательному высвобождению энергии.

Инициаторами и составными звеньями причинной цепи возникновения преступления служат воспитание, социальное и материальное положение, несовершенство закона (норм), социально-демографические признаки, а также недостаточная комфортность существования систем.

Правомерность сформулированной концепции обусловлена, прежде всего, эмпирическим характером сделанных утверждений, поскольку опыт и корректная статистика – результат проявления объективных законов природы.

На основе энергоэнтропийной концепции можно определить девиацию как наблюдаемое в процесс жизни свойство представлять реально предсказуемую возможность (риск) преступления, а безпреступность (конформизм) – как свойство систем сохранять при функционировании в заданных условиях такое состояние, при котором с заданной вероятностью исключаются преступления.

Законы термодинамики утверждают о стремлении любой энергии переходить без потерь в тепло, равномерно распределяемое среди окружающего пространства, а энтропия любой системы обратно пропорциональна энергии, способной к дальнейшим превращениям. В силу этого каждая предоставленная сама себе система неминуемо переходит в состояние с максимальной энтропией, характеризующееся отсутствием энергетических потенциалов, такое равновесное состояние, которое соответствует наибольшей степени дезорганизации, беспорядка и хаоса. Любые попытки вывести систему из такого состояния (наложение на нее определенных норм), в том числе и построение общества без преступлений (преступников), приводят ее в неустойчивое состояние.

Для своего существования система вынуждена оказывать давление на свои подсистемы, соответственно получая обратное воздействие. Это обоюдное воздействие побуждает систему и

подсистемы предпринимать различные действия, изменяться (развиваться).

Исходя из данной концепции девиантное поведение – это достижение комфортного состояния посредством действий, игнорирующих нормы, установленные системой.

Как отмечалось выше, человек, совершивший преступление, не всегда может характеризоваться асоциальными качествами (неконтролируемый выход энергии), так и личность асоциального типа может удерживаться от противозаконных действий и таким образом не быть преступником в криминогенном смысле слова.

На основании вышеизложенного представляется логичным утверждение о том, что объектом исследования должны быть системы «общество – девиант» в их различных вариантах, а предметом – объективные закономерности возникновения и предупреждения преступлений при функционировании указанных систем.

Сформулируем несколько направлений, обеспечивающих безпреступность: создание условий, исключающих возникновение причинной цепи преступлений; принятие мер по минимизации ущерба от преступлений.

Недопущение причинных цепей возникновения преступлений означает на практике: исключение ошибочных действий в процессе социализации; устранение условий, способствующих возникновению преступлений; предупреждение нерасчетных воздействий на них системы. Учитывая практическую невозможность обеспечения в современных условиях абсолютного совершенствования этих основных компонентов систем, необходимо установить такие условия, при которых учитывалась бы реальная возможность появления отдельных предпосылок и предусматривались меры по их своевременной ликвидации или недопущение формирования причинной цепи преступления.

Особенность системы «общество – девиант» обусловлена наличием в ее структуре нескольких сложных по природе компонентов, взаимосвязанных целенаправленностью и стохастичностью (не стационарный сложный процесс) поведения отдельных из них по причине многообразия и неопределенности всех внешних и внутренних факторов. Отсюда следует, что основным научным методом выявления оценки опасностей должна быть системотехника.

Проблемно-ориентированные описание исследуемых категорий включает выделение конкретных человеческих систем и уточнение характера взаимодействия с окружением: выявление их структуры и свойств, существующих входных и выходных

характеристик, внешних и внутренних возмущающих факторов, а также формулирование сути проблемы и цели исследования. Раскрытие сути проблемы обычно предполагает выявление несоответствия между желаемым и действительным: тех, кто заинтересован в его устранении, и что для этого необходимо изменить, измерить или оценить, какие методы и критерии использовать.

Теоретический системный анализ базируется на полученных на предыдущих этапах результатах и естественных законах поведения отдельных компонентов рассматриваемой системы. Его цель – в уточнении представлений об условиях возникновения и предупреждения преступлений.

В силу невозможности непосредственного экспериментирования преступлениями (по моральным и материальным соображениям) особое место занимают косвенные методы исследования, основанные на моделировании.

При определении содержания управления безпреступностью будем исходить из его интерпретации как функционального свойства систем, образуемого многочисленными свойствами отдельных компонентов и их взаимной совместимостью. Требуемое качество таких систем зависит от большого числа мероприятий, реализуемых на всех этапах жизненного цикла всей системы и ее основных компонентов. Следовательно, под управлением процессом обеспечения безпреступности необходимо подразумевать совокупность взаимосвязанных мероприятий, осуществляемых в целях установления, обеспечения и поддержания высокого качества а) человека – в ходе его обучения и воспитания; б) общества – в жизненном цикле; в) условий жизни – в процессе взаимодействия вышеуказанных компонентов.

Проблематика формирования личности девианта имеет принципиальное значение. И общая, и индивидуальная профилактики применимы к различным возрастным категориям девианта, вместе с тем результативность применяемых к ним мер будет неодинаковой. Так, люди зрелого возраста, с уже сформировавшимся характером, гораздо труднее поддаются «перевоспитанию». Возможность достижения комфортного состояния они видят только в совершении противоправных действий, то есть данные действия они совершают на уровне навыка. Профилактическая работа с ними может сводиться, главным образом, к тому, чтобы убедить их в невыгодности противоправного поведения, ввиду возможности применения к ним мер административно-правового принуждения. Другое дело, если средства профилактики используются в отношении

несовершеннолетних. В этом случае имеется возможность вмешаться в процесс деформации личности и направить ее в русло закрепления позитивных качеств. Подросток должен осознавать, что достижение комфортного состояния возможно различными путями и кроме криминального существуют законные пути достижения комфортного состояния.

Формирование личности подростка происходит как под целенаправленным влиянием, так и стихийно путем усвоения наблюдаемых стандартов поведения.

Все указанные факторы так или иначе связаны с семьей, школой или работой, окружением подростка. Но, как представляется, причины деформации личности несовершеннолетнего следует искать, прежде всего, в семье.

Особую важность приобретает вопрос о соответствии ценностных ориентаций и способов поведения, прививаемых в семье, тем, которые одобряются обществом. А.С.Макаренко справедливо отмечал, обращаясь к родителям: «Раньше, чем вы начнете воспитывать своих детей, проверьте ваше собственное поведение»¹.

То, что поведение родителей детерминирует развитие личности ребенка, не вызывает сомнений. Однако сама детерминация далеко не однозначна. При этом личность правонарушителя может сформироваться как в семье асоциального типа, так и в «благополучной» семье, однако характер формирования будет носить различный характер, а сам механизм в этой связи заслуживает того, чтобы остановиться на нем несколько подробнее.

Отношения ребенка с семьей включают в себя все сферы человеческой деятельности: от удовлетворения биологических до удовлетворения духовных потребностей, от интимных вопросов до общественных проблем, от труда до потребления. На этой основе, прежде всего, и вырабатываются многие привычки, способы поведения и основные установки.

Как правильно заметил Д.А.Шестаков, «семьи, содержащие антисоциальные стандарты поведения, не требуют от своих членов совершения преступления, их криминогенность состоит в совершении проступков, наличии оценок, мотивов, установок, благопрепятствующих нарушению закона. Сталкиваясь с подобными явлениями, человек получает определенный

¹ Макаренко А.С. Соч. В 7 т. – М., 1951. – Т.4.

криминогенный заряд, под влиянием которого общий «баланс оценок» может сместиться в антисоциальном направлении»¹.

В большинстве случаев узость культурных интересов и потребностей родителей не может не оказывать неблагоприятное воздействие на формирование подростка.

Однако далеко не всегда антиобщественное формирование личности происходит в семьях с ярко выраженной антисоциальной установкой. Очень часто детей балуют, позволяют им делать дома практически все, но беда в том, что эту вседозволенность подростки переносят и на другие отношения. Так, они склонны шалить в школах, сначала их шалости носят шуточный характер, но не следует забывать, что со временем они могут перейти грань дозволенного. В тех же случаях, когда преподаватели начинают взывать к родителям с просьбой повлиять на своих детей, те нередко считают, что их ребенок прав. Первые же проблемы, связанные со столкновениями с милицией, родители стараются «решить» при помощи своих связей, тем самым формируя у детей чувство полной безнаказанности. Чувство, которое в дальнейшем перерастает в уверенность во вседозволенности для лиц, имеющих «большие деньги или связи». Это же обстоятельство, а также наличие «больших денег» толкает подростков на поиски развлечений, которые зачастую сводятся к распитию спиртных напитков, употреблению наркотиков.

Безусловно, что на практике формирование личности осуществляется не изолировано, а под воздействием переплетения целого ряда факторов, в том числе и связанных со сферой семьи. Исходя из проведенного нами анализа влияния семьи на развитие подростка отметим, что основные недостатки семейного воспитания можно подразделить на следующие группы:

- 1) безнадзорность;
- 2) личный социально-негативный пример родителей;
- 3) их целенаправленная деятельность по втягиванию детей в антиобщественное, а в некоторых случаях в преступное поведение.

Процесс социализации в родительской семье может быть разделен на три этапа: первичная социализация (с момента рождения до 10 лет); маргинальная социализация подростка (11-16 лет); устойчивая, то есть целостная социализация, знаменующая собой переход от юношества к зрелости (17 лет – 23 года). При этом не следует забывать, что ряд социальных свойств (основы

¹ Шестаков Д.А. Семья как объект криминологического исследования // Правоведение. – 1982. – №4. – С.62.

характера) индивидиум приобретает уже в четыре-пять лет¹, а к тринадцатилетнему возрасту заканчивается формирование основных навыков и операций мыслительной деятельности².

Первый и второй этапы наиболее подвержены воздействию семьи, несмотря на активное включение в этот процесс школы и других институтов.

Другим важным институтом социализации является школа. Принято различать внешнюю структуру учебно-воспитательного коллектива и внутреннюю.

Педагог направляет, регулирует совместную деятельность учащихся и учителей, а также отношения с родителями, определяет формы и нормы межличностных отношений. Но социализирующая роль школы распространяется и за ее пределы, так как «уровень воспитательной работы в школе оказывает важное воздействие на нравственную направленность деятельности стихийных групп микрорайона»³.

Вместе с тем в процессе школьной социализации по самым различным причинам (загруженность учителя и сокращение возможности профессионального роста; зарегламентированность процесса обучения и отсутствие элементов творчества у педагогов; проблема феминизации учительских кадров; конфликт между декларируемыми идеалами честности и трудолюбия и реальными действиями педагогов, которые эти идеалы нарушают, и т.д.) возникает масса сложностей и проблем.

Их решение требует целенаправленной комплексной государственной политики по совершенствованию системы образования по направлениям, обеспечивающим: принципиально новую подготовленность учителя; принципиально новую оснащенность школ техникой; разработку принципиально новых методов обучения. Возрождение общества начинается с возрождения семьи и школы.

После семьи и школы дальнейшая социализация человека продолжается в процессе трудовой деятельности.

Придавая исключительную важность формирующей роли труда, многие исследователи общественных процессов

¹ Миньковский Г.М. Методологические и методические аспекты изучения личности в криминологии // Вопросы борьбы с преступностью. – М., 1977. – Вып.27. – С.23.

² Социальная психология личности. – М., 1979. – С.59.

³ Полонский И.С. Взаимосвязь школьного коллектива и внешкольного общения подростков // Социально-психологические вопросы общества об активности школьников и студентов. – М., 1971.

подчеркивали, что «вся так называемая всемирная история есть не что иное, как порождение человека человеческим трудом»¹.

Трудовая деятельность регулируется при помощи особого производственного экономического института, задача которого - организовать социальную деятельность и социальные отношения. Трудовой коллектив является совокупным субъектом материального и духовного производства. Все реальные общественные отношения, существующие в трудовом коллективе, служат объективной предпосылкой формирования личности, процесса ее социализации.

Человек вырабатывает свое нравственное сознание и соответствующее поведение под целенаправленным воздействием реальной жизни, самой практики, общественных отношений, в которые он непосредственно включен. Обрести нравственную зрелость личность может только накопив опыт моральных оценок своих поступков другими людьми, и именно здесь велика роль коллектива. Таким образом, трудовой коллектив объективно представляет собой то социальное поле возможностей, где осуществляется и продолжается процесс социализации человека, благодаря обогащению его сложными разнообразными социальными связями, возможностями приобретения нового социального опыта.

К глубокому сожалению, подросток наблюдает ситуацию, при которой работающие честно находятся за чертой бедности (врачи, учителя, шахтеры и др.), поскольку их благополучие зависит не только от размера заработной платы, но и от регулярности ее выплаты.

С другой стороны, подростки видят, что на дорогих иномарках разъезжают те, кто связан с рэкетом, распространением наркотиков, игорным бизнесом, то есть люди, получающие доходы, сомнительные с точки зрения закона.

Противоречия между уровнем притязаний субъектов и материальными возможностями их удовлетворения могут вызвать недовольство собственным положением и окружающими людьми, которое иногда сопровождается озлоблением и мстительностью.

Вполне очевидно, что у человека 11-16 лет еще нет жизненного опыта, он не знает, как вести себя в определенных ситуациях, у него нет стойких моральных устоев, есть только стремление быть лидером и выделиться в глазах сверстников. При этом указанное желание может проявиться по-разному: или в стремлении быть первым в учебе, или как лидерство в преступной

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. – М., 1956.

группировке несовершеннолетних. Вот почему важно в переходный период формирования личности направить неумную энергию подростка в нужное русло.

Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что в настоящее время на подростка, на его неокрепшую психику, обрушился шквал информации. Средства массовой информации зачастую культивируют акты насилия, агрессию, превосходство физической силы, героизацию преступников, вседозволенность и безнаказанность, неуважение к национальным, государственным, культурным и человеческим ценностям.¹ Не способствуют правильному воспитанию и многочисленные факты нарушения закона и морали, совершаемые взрослыми, в том числе на глазах подростков.

Духовная жизнь детей, подростков, молодых людей в силу недостаточной сформированности и выраженной лабильности таких социально значимых параметров, как направленность, интересы, моральная и нравственная системы ценностей, а также мировоззрение в целом, подвергается насильственному воздействию со стороны таких факторов, как асоциальные условия проживания, маргинализация и криминализация, кризис образования, дегуманизация, деинтеллектуализация. В условиях массового обнищания народа, межнациональных конфликтов, коррупции, правового беспредела, беспросветности настоящего и отсутствия надежд на будущее произошла ломка ценностных ориентиров. «Погоня за рублем» стала центральной идеей существования взрослого населения, не говоря уже о молодежи, снизилась ценность человеческой жизни, упала значимость культуры, профессионализма, семьи. Общей выраженной чертой российского общества, к сожалению, стала агрессивность. Дети и подростки в силу своей неопытности, незрелости не защищены от проявлений зла, насилия, жестокости, бескультурия, хамства, невежества.

Каждое из негативных проявлений может быть малозначительным, не привлекающим внимание правоохранительных органов и не вызывает никакой реакции с их стороны.

Но когда подобные правонарушения следуют одно за другим, когда для определенного лица они становятся

¹ Перова И.Л. Деструктивные факторы процесса социализации подрастающего поколения в современном российском обществе. – СПб., 2000.

привычными, повседневными, происходит переход количества в качество, и опасность каждого из этих нарушений определяется уже всей совокупностью, образующей противоправный образ жизни.

Многочисленные исследования свидетельствуют, что ни один фактор сам по себе не является собственно криминогенным, т.е. определяющим такое положение, при котором подросток не может не совершить преступление. Поэтому индивидуальная профилактическая работа должна строиться с учетом нейтрализации всех возможных негативных воздействий на несовершеннолетнего.

Учитывая вышесказанное, систематизируем социально-типологические характеристики и элементы социальной среды, влияющие на девиантное поведение личности (рис.1).

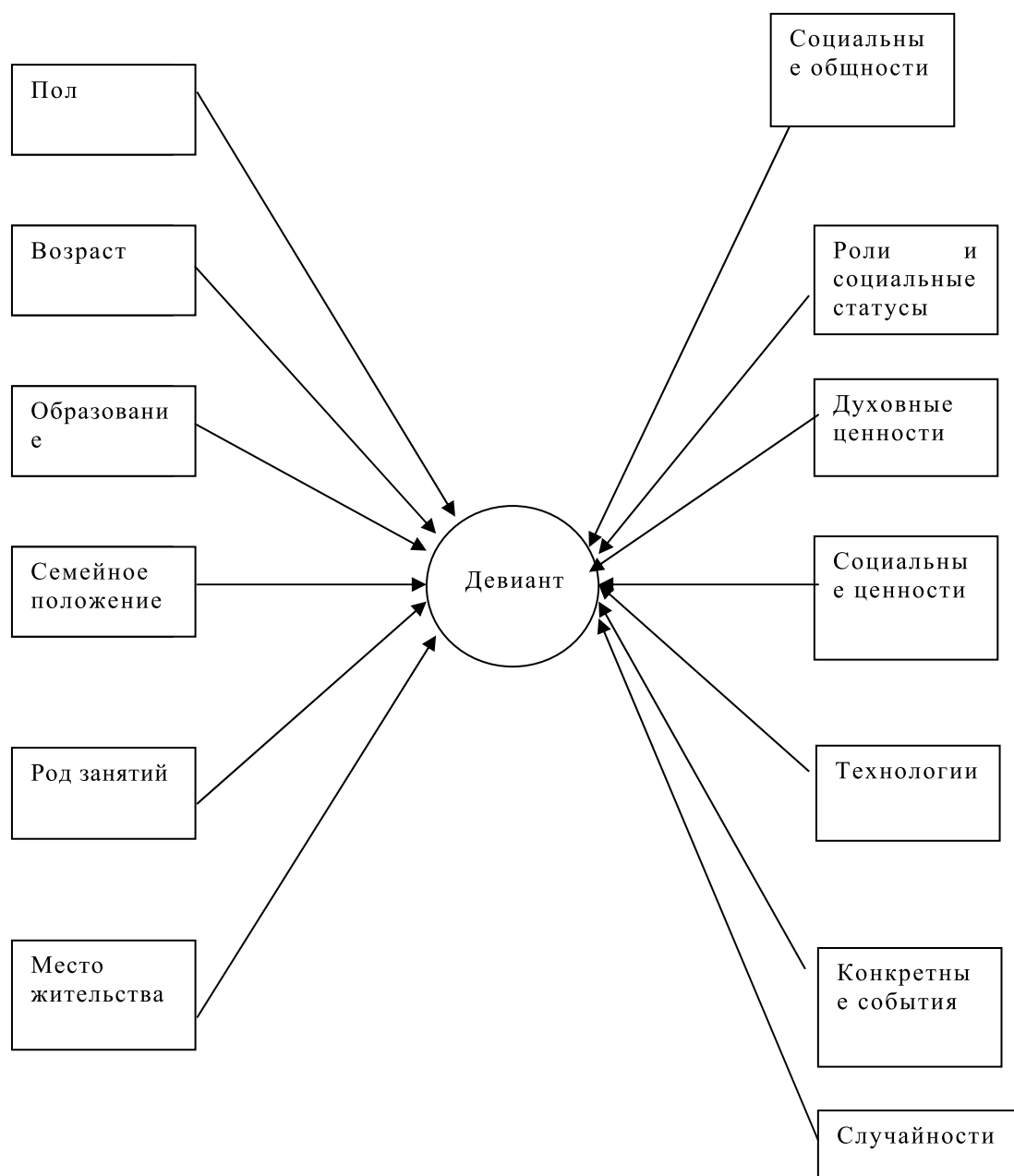

Рис.1. Социально-типологические характеристики и элементы социальной среды, влияющие на девиантное поведение личности

СУЩНОСТЬ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА НА ПРАКТИКЕ

Авраменко Е.А.

Красноярский государственный
университет

Шелковникова Н.Ю.

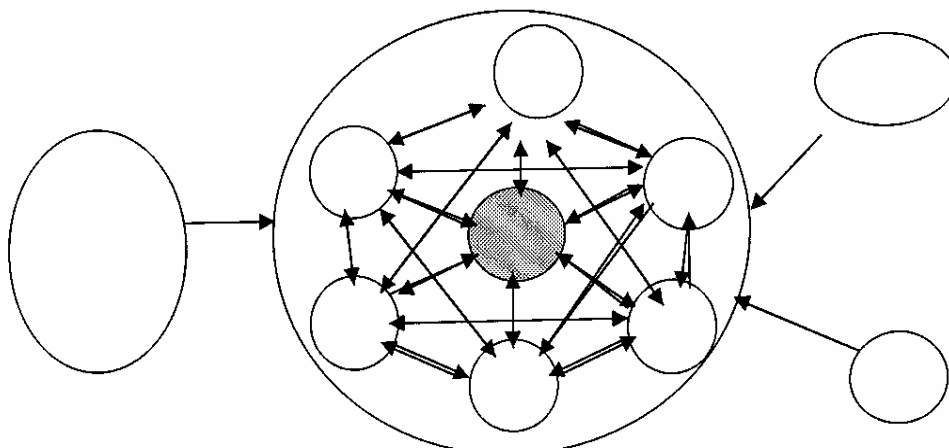
Красноярский государственный
университет
(г.Красноярск)

Единство мира, в котором мы живем, взаимосвязанность и взаимообусловленность всех процессов объективной действительности актуализировали необходимость использования системного подхода для изучения. Анализируя историческое развитие человечества, нередко замечаем, что системный подход, так активно используемый в наше время в различных областях жизни (менеджмент, маркетинг, психология, PR и пр.), – далеко не новая идея. Философские корни его ведут к диалектике Гегеля, а при более углубленном изучении еще дальше. Системные представления имели многие ученые. Тем не менее, несмотря на долгую историю системной мысли, явного использования системного подхода не было. На сегодняшний день изучение «систем» стало весьма популярным занятием, причиной которого стала «необходимость в синтезе и анализе комплексности». Отличительными качествами современной организационной теории является ее целостный характер. **Один из способов изучения организации состоит в изучении её как системы. В основе использования системного подхода в практической деятельности лежит взгляд на организацию как на интегрированное целое.** Системный подход активно используется в понимании взаимосвязей как внутри самой организации, так и с внешней средой. При этом как в органическом, так и в неорганическом мире, а что наиболее интересно для социологов – и в социальной сфере. Благодаря системному подходу выстраиваются алгоритмы решений проблем управления организациями.

Таким образом, становится очевидно, что необходимость использования системного подхода обусловлена укрупнением и усложнением структуры изучаемых систем. В перспективе накопление знаний в этой области будет способствовать управлению системами.

Сущность системного подхода

На современной практике частота использования понятия «система» в публикациях и разговорной речи указывает на актуальность этой темы. *Система* – в переводе с греческого означает «целое, составленное из частей». В другом значении – это «порядок, определенный планомерным, правильным расположением частей в целом, определенный взаимосвязями частей». Термином «системный подход» обозначается группа методов, с помощью которых реальный объект описывается как совокупность взаимодействующих компонентов.

В основе этих методов лежат ключевые понятия общей теории систем:

- подсистемы или компоненты;
- открытость и закрытость систем;
- трансформационность системы;
- границы системы;
- негативная и позитивная энтропия;
- стабильность – динамика;
- обратная связь;
- иерархия;
- вариативность целей;
- эквифинальность.

Все системы независимо от происхождения по определению имеют в своем составе как минимум **два взаимосвязанных элемента**. Целое представляет собой не сумму частей, система объяснима только как целое. Элементаризму противопоставляется холизм.

К примеру, система типа «организация-общественность» состоит из организации и людей, которых включает и на которых влияет эта организация. В то время как организационный

компонент такой системы определить относительно легко, общественные группы-абстракции, которые определяются менеджером по ПР с помощью системного подхода. Аналогично система типа «организация-общественность» может быть и частью более крупной совокупности взаимодействующих элементов. Допустим, местное отделение авиакомпании «СИБИРЬ» в Красноярске является одним из компонентов системы авиакомпании «СИБИРЬ».

Принято дихотомическое деление систем на **«открытые и закрытые»** по принципу возможности или невозможности обмена энергией, информацией или веществом с внешней средой. Однако в реальности четкие границы встречаются редко. Как правило, нет четко «открытых» и «закрытых» систем, все они относительно «открытые» и относительно «закрытые». Биологические и социальные системы – примеры относительно открытых систем, среди механических систем наиболее часто встречаются закрытые системы.

Примером открытой системы является любой университет, который активно обменивается информацией с окружением, в то время как механические часы являются закрытой системой.

Пониманию «открытых» и «закрытых» систем помогает понимание **«границы системы»**. Каждая система имеет границы. Относительно закрытые системы по определению имеют жесткие границы, непроницаемые, тогда как в системах открытого типа эти границы проницаемы. В физических и биологических системах границы определить достаточно просто в силу их наглядности и измеримости, а социальные системы из-за своей динамичности имеют условные, нестабильные, неопределенные границы.

Данный принцип теории систем можно проиллюстрировать, сравнив общественность университета, когда его цель состоит в наборе новых студентов, и общественность, которая его интересуется, когда речь идет о пожертвованиях на строительство Интернет-центра при университете. Первая кампания охватывает выпускников школ, их родителей, студентов, только что зачисленных в университет, выпускников. В то же время кампания по сбору денежных средств для строительства предполагает иное определение данной системы. Необходимо рассмотреть, какие субъекты или группы больше заинтересованы в строительстве подобного центра. Таким образом, это определяет иные компоненты и границы системы.

Проницаемость границ открытых систем позволяет системе динамично взаимодействовать с внешней средой. В результате этого взаимодействия система получает различные данные,

которые, проникнув в систему, трансформируются в новые данные и отправляются на выход. **Трансформационность системы.**

Идеальной трансформационной моделью можно рассматривать журналиста, который излагает свое видение ситуации (его критика, анализ, интерпретация событий). Таким образом, речь уже идет не о реальных фактах, а о некой проекции.

Развитие системы может двигаться в двух направлениях: позитивная энтропия и негативная энтропия. **Энтропия** – движение к беспорядку, утрата ресурсов трансформации и смерть. В закрытых системах энтропия всегда возрастает. В открытых биологических и социальных системах энтропия может сдерживаться и даже трансформироваться в негативную энтропию.

Переход системы в равновесное состояние означает её гибель или дезорганизацию. Свойственно закрытым системам. «Открытая система может достичь такого состояния, когда динамическое равновесие обеспечивается за счет непрерывного притока веществ, энергии и информации». На примере социальных систем понятие «равновесие системы» идентично понятию «стагнации». Равновесие, которое, на первый взгляд, ведет к стабильности, но именно благодаря такому обманчивому благополучию препятствует дальнейшему развитию системы.

Классическим примером является переориентация деятельности некой благотворительной организации. Если в свое время организация занималась сбором пожертвований и исследованиями в пользу больных полиомиелитом, то когда была найдена вакцина против полиомиелита, эта организация переключила свое внимание и заботу на людей с врожденными дефектами.

Система сохраняет стабильное состояние благодаря **обратной связи**: негативной и позитивной. Трансформированная информация после выхода из системы возвращается в систему, приводя «к изменениям в трансформационном и/или в последующем выходе».

Этот принцип теории систем можно проиллюстрировать на примере компании, которая запустила два вида новой продукции, из которых только первый получил одобрение общественности. Таким образом, принимается решение делать акцент на

производство востребованного товара, но сократить или совсем прекратить выпуск второго.

Главная особенность системного мышления состоит в учёте связей между системами. Каждая система состоит из подсистем низшего порядка и является частью суперсистемы. **Иерархия** компонентов системы.

В данном случае можно рассмотреть подразделение ПР в организации: на верхней ступени находится вице-президент по СО, которому помогают офис-менеджер и секретари; президент координирует и руководит работой менеджеров по планированию, менеджеров по связям с госорганами и др. Вся организация в свою очередь включена в мировую систему.

Закрытая система движется в направлении дезорганизации, имеется тенденция к максимуму энтропии, то есть движение к беспорядку, утрате ресурсов трансформации и смерти. В закрытых системах процесс энтропии всегда возрастает. В открытых био- и соцсистемах энтропия может сдерживаться и даже приобретать обратный ход. Это так называемая негативная энтропия – процесс совершенствования организации и возможностей трансформации благодаря тому, что система получает ресурсы из окружения. В отличие от закрытой системы открытая система движется в направлении большей дифференциации, совершенствования и более высокого уровня организации. Системы (био-, соц-) часто имеют **множество целей**.

Все в том же ПР отделе по отделам распределяются функции, способствующие достижению глобальной цели организации.

В отличие от закрытых систем (механических), где есть прямая зависимость между начальными условиями и конечным состоянием, в открытых системах (био- и соц-) конечный результат может быть достигнут при различных начальных условиях и разными путями. Другими словами, открытые системы отличаются **эквивинальностью**.

Вернемся к примеру с университетом. Есть цель – построить Интернет-центр. Таким образом, будучи открытой системой, университет ищет спонсоров, привлекает своих преуспевающих выпускников, то есть активно используя внешние ресурсы, он добивается намеченной цели.

Общая теория систем подчеркивает, что системы являются организованными – они состоят из относительно независимых в определенных отношениях компонентов.

Даже такой поверхностный анализ основных понятий общей теории систем, который можно себе позволить в рамках статьи, демонстрирует значимость этих понятий для организационных

теорий. Ограниченность знаний о взаимосвязях подсистем затрудняет использование общей теории систем в качестве «концептуальной основы организационной теории». Общая теория систем обеспечивает макропарадигму для изучения социальной реальности. Теория демонстрирует очень высокую степень абстракции. Теория распространяется на все типы биологических, социальных, физических систем.

Общая теория систем – старт для понимания «взаимосвязи внутри и между подсистемами, а также взаимосвязи подсистем с их окружением». Системные описания являются средством решения многих теоретических и прикладных задач, встающих сегодня перед психологами. В теоретическом плане это интеграция и систематизация психологических знаний, устранение излишней избыточности в накопленной информации и сокращение за счет этого объема описаний, выявление инвариантов психологических знаний, преодоление недостатков локального подхода, уменьшение субъективизма в интерпретации психических явлений. Системный подход позволяет выявлять пробелы в знаниях о данном объекте, обнаруживать их неполноту, определять задачи научных исследований, в отдельных случаях (путем интерполяции и экстраполяции) предсказывать свойства отсутствующих частей описания.

Учитывая многовариантную природу организации, важно понять, «как функционируют организации в меняющихся условиях и специфических обстоятельствах». Таким образом, для применения к практике в различных областях (менеджмент, консалтинг, ПР и пр.) необходимо наиболее четко определиться с образцами взаимоотношений между различными организационными переменными. В данное время перед специалистами стоит необходимость проведения большой работы по подготовке применения общей теории систем как основы современной теории организации.

Резюмируя вышесказанное, можно смело говорить об актуальности системной мысли применительно к решению многих теоретических и прикладных задач, а также и к организационному управлению. К примеру, в последние годы все большую популярность приобретает **концепция обучающейся организации** – имидж предприятия/фирмы складывается не только из его продуктов, но и его внутреннего климата, если говорить грамотно, – **корпоративной культуры**. И сегодня обучение персонала направлено на применение системного мышления и умение решать проблемы.

Системные методы повышают процесс обучения, представляя учебную информацию в удобном для восприятия и запоминания виде. Системный подход позволяет выявлять пробелы в знаниях о каких-либо объектах, обнаруживать их неполноту, давать прогнозы и определять задачи исследований.

Все развивается, совершенствуется, как мы, так и окружающие нас системы, соответственно, растут наши потребности, возможности, расширяются цели. И, несмотря на некоторые проблемы в применении, все-таки системные представления в данном случае очень удобны и порой незаменимы.

ФИЛОСОФИЯ И СМЕРТНАЯ КАЗНЬ

Иванова Р.И.,
доктор философских наук, профессор,
член-корреспондент РАЕН
Сибирский государственный
технологический университет
(г.Красноярск)

*Для философии одна из наиболее трудных задач –
спуститься из мира мысли в действительный мир.
К. Маркс*

Сущностью глобальных проблем является рассогласованность в системе «человек – мир» разных аспектов: человека с природой, с техникой, с самим собой и т.д. Причиной этой рассогласованности являются неучёт, игнорирование определенных реалий и закономерностей их развития. Речь идёт не о законах физики или химии, не об усилении научной составляющей практики. Речь идет о необходимости усиления её философской компоненты.

Однако общепризнанность того, что философские идеи являются важным элементом теоретической основы практики, ещё не означает, что они ими являются. Философия как вид знания не реализует свои потенциальные возможности, не занимает авангардные мировоззренческие, методологические потенции ни в мировой духовной культуре, ни в практике (особенно социальной).

Этот отрыв философии от реальной жизни существовал и раньше, и его отмечали многие мыслители прошлого. «Мир не

сочувствует ничему глубокому, он отвращает взор от великих убеждений, глубокая идея его утомляет,» – писал П.Я. Чаадаев. Н.Бердяев, отмечая всегдашнюю неприязнь людей к философии, называл её самой незащищённой стороной культуры. Похоже, мало что изменилось в этом смысле и сейчас, о чем с сожалением говорят современные философы. «Человек до сих пор веками слишком много действовал и слишком мало мыслил», – писал М.Хайдеггер. «Человечеству, – пишет К. Ясперс, – существенно не хватает размаха, чтобы прикоснуться к началам вещей, это обрекает человека на "метафизическую немощь"»¹.

Обострение глобальных проблем и не только это, но и ситуация в нашей стране показывают необходимость превращения объективной потребности в обращении к философским ориентирам в более конкретную и императивную категорию – социальный заказ к философии. Мы считаем, что понятие «социальный заказ» применимо и в отношении к философии предполагает наличие следующих условий:

- осознание необходимости обращения к философии при решении конкретных практических вопросов, достигшей критической точки, когда дальнейшее продолжение действий в данной сфере становится практически невозможным;

- появление определенной группы людей, осознавших эту потребность (как со стороны практиков, так и со стороны теоретиков одновременно);

- обращение не к философии вообще, а к конкретным её разделам, соответствующим отдельным видам практики (например, проблеме человека, этической проблеме и т.д.);

- создание институционно-организационных механизмов потребления философских идей в различных видах практики.²

В настоящее время социальный заказ к философии хотя и есть, но носит локальный характер. Так, он достаточно определенно обозначается в педагогической сфере по вопросу о том, кого должна воспитывать современная школа. Аналогичным образом обстоит дело с появлением социального заказа по ряду этических проблем, который должен регулировать некоторые спорные вопросы в медицинской практике. Например, проблемы, связанные с новыми «технологиями детопроизводства», эвтаназией, генной инженерией, трансплантацией органов, клонированием и т.д.

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М., 1994. – С. 114.

² Подр. об этом: Иванова Р.И. Философия как вид духовного производства и потребления. – Красноярск, 2001. – С. 93.

К сожалению, недостаточен социальный заказ к философии в политической практике, в которой «делается бытие» и в которой при принятии решений более всего необходимы взвешенные оценки и экспертизы. Хотя, казалось бы, здесь, как нигде в другой сфере практики, необходимы надежные философские ориентиры. Однако именно в этой сфере востребованность к философской теории минимальна. Например, в современной юридической теории и практике приобрел острый характер вопрос о смертной казни. В 2002 году состоялся Гражданский Форум, посвященный этому вопросу. Высказали свое отношение и аргументацию все, начиная от политиков высшего ранга до частных лиц (референдумы), не говоря уже о юристах. И аргументы приводились самые различные. Президент РФ аргументировал тем, что сохранение моратория на смертную казнь является условием вступления России в Европейский Союз, другие – тем, что принцип Талиона («око за око») для современного общества не годится, т.к. им руководствовалось первобытное общество. Сторонники сохранения моратория на смертную казнь руководствуются подчас личными мотивами. И только философы молчат, хотя им есть что сказать по этому поводу. Из ста человек, подписавших обращение к президенту о необходимости снятия моратория на смертную казнь, философов было только двое: Ю.А.Жданов и Т.И.Ойзерман.

Между тем философам есть что сказать по этому поводу, что могло бы служить методологическим основанием решения данной проблемы. Это, прежде всего, положение о механизмах антропогенеза, т.е. как, каким путём он происходит, и связанное с антропогенезом понимание сущности человека (видовой и родовой, что не одно и то же, как иногда это трактуется некоторыми авторами).

Существенной особенностью этого механизма является то, что антропогенез осуществляется не только путём одной, разовой мутации, в ходе которой сразу появляется человек во всей полноте его признаков, а в ходе накопления комплекса морфологических и психологических свойств, составляющих «синдром человека», и разрушения ранее сложившихся форм ранее сложившегося приспособления.

Переход от просто биологической сущности к биосоциальной означает лишь отличительную особенность человека как вида (в отличие не от какого-то вида животных, а от животных вообще), появление нового вида (видовая сущность), включающего в себя признаки, в которых проявляются и созидательные, и разрушительные тенденции. Видовая сущность, таким образом, – это ступень эволюции животного мира, и она

означает вектор развития и оценку. Ею обладают все, включая и тех, кого называют «нелюди».

От видовой сущности следует, на наш взгляд, отличать родовую сущность.¹ Она выражается с таких чертах, как наличие преобладания созидательного, а не разрушительного начала, уникальности, стремления к самосовершенствованию и т.д. Данные признаки составляют «родовую сущность» как норму, как более глубокую человеческую сущность, выражающую тенденции, соответствующие магистральной линии общеэволюционного процесса. Это более узкое понятие, чем понятие «видовая сущность», позволяющее отличать от неё то, что не соответствует норме. И тех, кто не «дошёл» до неё в процессе антропогенеза («не вышел в люди») или утратил её (норму). Понятие «родовая сущность» позволяет увидеть также различия в самом виде (по горизонтали) и различия индивидуальных таксономических признаков, как соответствующих норме, так и отклоняющихся от неё (степеней девиантности).

Исключительный интерес в плане сказанного представляет статья С.С.Хоружего «Человек и три его дальних удела»². Анализируя облик современного человека, автор пришел к выводу, что он всё более расходится с традиционно понимаемой сущностью человека. Это всё более проступающая в действиях и поступках трансгрессия уже превратила антропологическую проблему в глобальную. Автор выдвигает понятия «Горизонт человека», «Антропологическая граница». Чрезмерно большой процент людей, выходящих за неё, приводит, по мнению автора, к опасному по своей сущности «скольжению» человечества по своей границе.

Анализ механизмов антропогенеза, результатом которого является появление видовой и родовой сущности, показывает, что подобно тому, как возникновение человеческого вида произошло не путем единой, разовой мутации, так и дальнейший процесс (ведь антропогенез не закончен) перехода на качественно новый уровень развития или, наоборот, деградации произойдёт аналогичным образом. То есть путём накопления особей как соответствующих родовой сущности, так и с отклонениями от неё (избыточная агрессия, доминирование животности, преобладание

¹ Впервые необходимость выделения этого понятия мы обосновали в статье: Иванова Р.И. Родовая сущность человека // Личность, творчество и современность: Межвузовский сборник. Вып.4. – Красноярск, 2001.

² Хоружий С.С. Человек и три его дальних удела // Вопросы философии. – 2003. – № 1.

разрушительной тенденции, выраженной в том числе в склонности к убийству и т.д.). И исход борьбы, увы, не предзадан.

Понятно, что философы не решают: оставлять мораторий на смертную казнь или нет. Это делают юристы и политики. Но проигрывание различных вариантов решений, предвидение последствий того или иного сценария, прогнозирование, словом, методологическая проработка вопроса – это дело философов. Неиспользование методологических возможностей философии в социальной практике ведёт к потере мощного резерва выживания человечества.

ПРОБЛЕМА МНОГОУРОВНЕВОГО СИСТЕМНОГО МЫШЛЕНИЯ В СОЦИАЛЬНО- ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ

Стариков П.А.,
кандидат философских наук
Красноярский государственный
университет
(г.Красноярск)

Одним из коренных вопросов конца XX – начала XXI вв. становится обустройство социального пространства – ключ для решения множества болезненных проблем современности. При этом важно понимать, что формирование социального пространства требует анализа, учета, мобилизации потенциала разнообразных факторов и тенденций.

Как считают В.Н.Иванов и В.И.Патрушев, именно социология как наука должна ответить на вызов времени – осуществлять анализ сложных, многозначных социальных процессов и активно влиять на практическую жизнь общества, формировать человека как творца социума. Пока этой функции социология не выполняет. Идет поиск новой социологической парадигмы, в рамках которой сформировались бы современные социальные технологии. Сущность социальных технологий понимается Ивановым и Патрушевым как инновационная система выявления и использования скрытых потенциалов социальных систем, получения наибольшего результата при наименьших затратах.¹

Соглашаясь с авторами в целом в то же время отметим: важным методологическим ресурсом для понимания закономерностей функционирования и эволюции социальных систем является представление о сложном, многоуровневом и закономерном характере их организации, сформулированное в парадигме минимального универсума.² При этом в понятие «системное мышление», с нашей точки зрения, должно войти осознание системных закономерностей, проявляющих себя на разных уровнях организации универсумной жизни.

¹ Иванов В.Н., Патрушев В.И. Инновационные социальные технологии государственного и муниципального управления. – М., 2001. – С.5.

² Немировский В.Г. Современная теоретическая социология. – Красноярск, 2003.

Цель данной статьи – выделить в самом общем виде некоторые актуальные для развития социальных технологий принципы системного мышления, системного подхода. Однако необходимо признать, что широкомасштабная трансформация современной научной картины мира обуславливает как активность процесса формирования общих принципов, методов системного мышления, так и определенную степень эклектичности поисков, сопровождается достаточно интенсивным процессом научного мифотворчества. В данной статье рассматриваются три актуальных подхода: система как сеть взаимосвязанных элементов, система с точки зрения функционального единства, система в контексте мифа, символа, образа.

Система как сеть взаимосвязанных элементов. Сложность социальных, психологических миров, существенная нелинейность процессов, происходящих в них, обусловила актуальность формирования навыков системного мышления, интерес к возможностям системного подхода как со стороны теоретиков, так и практиков. Сегодня нашему коллективному выживанию, как считает П.Сенге, угрожают медленные постепенные изменения, создаваемые чрезвычайно сложными – и в смысле структуры, и в динамическом плане – процессами. В то же время бессознательные способы мышления как лидеров, так и широких «масс» являются линейными, несистемными. Для решения сложных проблем, стоящих перед человечеством, необходимо изменить не только идеи, но и сами способы мышления – научить подсознание тому, как организовывать информацию в соответствии с системными архетипами.¹

В системном подходе центр тяжести лежит в схватывании особой сущности целого, в выделении особых целостных свойств, позволяющих считать некоторую структуру не конгломератом разрозненных частей, а именно системой. Система как совокупность взаимодействующих элементов обладает определенными свойствами. В частности, Дж.О.Коннор предлагает рассматривать систему взаимодействующих элементов как прочную упругую сеть.² Если сместить какой-либо ее элемент, он будет оставаться в новом положении лишь до тех пор, пока к нему прикладываются усилия. Но как только его отпустить, он вернется в прежнее состояние под влиянием многочисленных связей. Такое «сопротивление» определяет трудности целенаправленного

¹ Сенге П. Пятая дисциплина. – М., 1999.

² Джозеф О.Коннор, Ян Мак-Дермотт. Искусство системного мышления. – К., 2001.

изменения различных систем. Чем большее количество связей содержит в себе система, тем больше ее системная устойчивость.

В этой связи Дж.О.Коннор определяет основным принципом системного подхода следующую стратегию. Вместо того чтобы тратить энергию на изменения «в лоб», которые могут истощить как ваши силы, так и ресурсы системы, необходимо задать себе вопрос, который при системном подходе является главным: что препятствует нужному изменению? Изменение произойдет само собой, если будут выявлены и изменены связи, удерживающие часть целостной системы.

В основе системного подхода лежит умение мыслить циклически, а не линейно – так определяет проблему формирования системного мышления П.Сенге. По мере овладения системным языком и сознание, и подсознание постепенно приучаются структурировать данные в виде замкнутых циклов обратной связи, а не линейных последовательностей. П.Сенге пишет о том, что переключение на новый способ мышления происходит также, как при изучении иностранного языка – «мы начинаем видеть сны на новом языке, используем в разговоре его выражения и конструкции»¹. Системное мышление предполагает внимательно отслеживать и усиливать/ослаблять изменения, рассматривая их потенциальное значение в контексте нелинейной динамики положительных обратных связей.

В рамках подхода – система как сеть взаимодействующих элементов особое значение, с нашей точки зрения, занимает системный архетип «деньги к деньгам», выделенный П.Сенге. Данный архетип описывает результат конкуренции между отдельными частями, направлениями деятельности в условиях ограниченности ресурсов, которые перераспределяются в зависимости от успехов частей. Чем больше успех одного, тем щедрее снабжается это направление за счет другого. В такой системе присутствуют положительные обратные связи, которые с «нарастающей силой» усиливают незначительное случайное отклонение от начального равновесия. В конечном итоге одно из направлений начинает преуспевать, а второе – бедствовать.

С нашей точки зрения, имеются основания полагать, что системный архетип «деньги к деньгам» представляет собой универсальную ситуацию, проявляющуюся на всех уровнях функционирования психических и социальных систем, где присутствует конкуренция за ограниченные ресурсы. Ситуация «деньги к деньгам» является универсальным системным

¹ Сенге П. Пятая дисциплина. – М., 1999. – С.355.

механизмом развития дисфункциональных отношений. В конечном итоге возникновение ситуации «деньги к деньгам» требует метасистемной координации.

Система с точки зрения функционального единства. Системное мышление определяет умение устранить избыток информации. Для этого необходимо знать, на какие переменные следует обращать внимание, а какими можно пренебречь. Широкие возможности реализации такого подхода открывает использование идей структурно-функционального и генетического анализа. В данной статье не рассматриваются продуктивные подходы к анализу социальной реальности, развитые в рамках теоретической социологии. Здесь мы только акцентируем внимание на некоторых аспектах использования структурно-функционального подхода, которые представляют потенциальный интерес для развития социальных технологий.

Особенностью системного мышления является осознание факта, что выделение элементов в системе как определенных, отдельных предметов достаточно условно. Хорошо об этом говорит Григорий Померанц: «То, что мы называем предметом, только узелок бесконечной сети, где все связано со всем и конец становится началом. Даже то, что физически легко обособить, – яблоко, например, – всего лишь миг в цепи отношений: яблони, почвы, солнца, ветра, сорвавшего плод ...»¹. Целостность, с точки зрения Померанца, постигается посредством тринитарного мышления. Мир в рамках тринитарного мышления может мыслиться не как совокупность предметов, а как совокупность отношений, связей всего со всем.

Такую природу целого подчеркивает, например, теория функциональных систем Анохина, согласно которой организм состоит не из органов, а функциональных систем. Поэтому развитие организма это не органогенез, а системогенез. В практическом плане понятие функциональной системы позволяет отделить полезные для всего организма целевые функции и различные «пути», которыми они могут быть реализованы. Цели, средства, результаты, критерии оценки замыкаются по принципам обратной связи в отдельные функциональные системы или функциональные акты.

Здоровье организма в конечном итоге обеспечивается гармонией межсистемных отношений – гармонией межфункциональных отношений, а болезнь является прямым

¹ Померанц Г., Курочкина М. Тринитарное мышление и современность. – М., 2000. – С. 215.

следствием нарушения этой гармонии. Поэтому не органы надо лечить, а восстанавливать гармонию межсистемных отношений – необходимое условие самоисцеления органов.

Следует обратить внимание на существование тесной связи между функциональным подходом к системе и творческим процессом как таковым. Уход от объективизации, опредмечивания функции, от «функциональных стереотипов» лежит в основе многочисленных современных технологий творческого решения проблем. Совокупность творческих приемов – поглощение, слияние, совмещение функций позволяет приходить к нестандартным и эффективным решениям. Наиболее развит данный подход в отечественной школе решения изобретательских задач – ТРИЗ, сближающей организацию творческого процесса и функциональный подходы. Мышление в понятиях системных функций, переход от административных противоречий к выявленным физическим противоречиям (если выполнение одной функции улучшается, то выполнение другой – ухудшается, и наоборот), запрет на компромиссные решения (инициирование смелости и оригинальности догадок) определяют перспективность использования ТРИЗ в социальных технологиях. В частности, сделан ряд попыток реализовать данный подход для решения проблем организации связей с общественностью.

Однако простой перенос известных технологий ТРИЗ для решения социальных, психологических проблем представляется малоэффективным. Прежде всего, необходимо учитывать эффекты самоактивности социально-психологических систем. Далее, существуют известные трудности с выделением и описанием самих функций. Перспективным, с нашей точки зрения, является путь синтеза стратегий ТРИЗ, рефрейминга как актуальных путей творческого конструирования социальной реальности и мертоновской парадигмы функционального анализа как эффективного способа выявления и описания социальных единиц.

В частности, особый интерес для развития социальных технологий представляют анализ и выработка актуальных подходов к решению проблемы разбалансированности между культурными целями и институциональными средствами их достижения. В свете вышесказанного данная проблема должна решаться как в контексте реализации функционального единства социальной системы, так и в контексте перспективы формирования культуры творчества. Так, в работах Н.Бердяева, Б.К.Вышеславцева суть происходящих и необходимых для мира изменений определяется как рождение этики Творчества, этики Сублимации. Этика Творчества выходит за рациональное видение

мира – это есть этика энергетическая и динамическая. Повышение энергии жизни, качественное и количественное, творческий подъем энергии становятся при этом одним из критериев нравственной оценки. Для этики творчества борьба со злом происходит не столько пресечением и уничтожением зла, сколько творческим осуществлением добра и творческим преображением злого в доброе.

В то же время анализ проблем формирования культуры творчества неизбежно приводит к онтологическим вопросам о природе человека и мира. «Величайшая тайна жизни скрыта в том, что удовлетворение получает лишь дающий и жертвующий, а не требующий и поглощающий. – пророчествовал Н.Бердяев, предвеля открытие истин духовно-нравственного мира в работах Э.Фромма, В.Франкла, А.Маслоу. – И только в нем энергия жизни не иссякает. Творчество же есть ее неиссякаемость»¹.

Система в контексте мифа, символа, образа. В целом использование системного подхода для решения задач социальной инженерии связано с развитием понятийно-категориального аппарата как социальной философии, так и теоретической социологии и психологии. С нашей точки зрения, новые, актуальные принципы системного подхода развиваются в рамках активно формирующейся современной научно-методологической парадигмы. По мнению Р.У.Сперри, в основе таковой лежит пересмотренная логика причинного детерминизма, которая вводит холистские и ментальные свойства в качестве нередуцируемых и неустранимых причинных конструкторов в объективную сферу научного объяснения. Таковыми являются понятия мифа, символа, архетипа как адекватные глубине и сложности системного описания мира. Широкий спектр современных подходов, основанных на осознании потенциальных возможностей мифа, символа, образа, выходит за пределы редуцирующей, рациональной парадигмы научного мышления, за пределы представлений о мире как суммы частного, лишенного потенциальной целостности. В частности, перспективные прототипы такого подхода можно видеть в аналитической психологии, мифологическом синкретизме всеединства, психосинтезе, методе глубинной демократии и других концепциях.

В целом весь юнгиановский подход – это решение вопроса: какую форму принимает миф для современного человека? Как универсальный язык коллективного бессознательного?

¹ Бердяев Н.А. Творчество и объективация / Сост. А.Г.Шиманского, Ю.О.Шиманской. – Мн., 2000. – С.168.

Бессознательное по Юнгу осуществляет компенсаторную функцию по отношению к односторонним установкам сознания, потенциально способно восстанавливать нарушенную целостность, можно сказать, обладает «системным видением мира». В то же время символы оказывают целесообразное и эффективное действие только тогда, когда они обеспечивают изменение нашего психического состояния или сознательной установки. Их воздействия неоправданны и опасны, когда мы поддаемся искушению применить символический образ к внешним, физическим реальностям магическим путем с целью манипулирования этими реальностями в наших интересах. Общий, универсальный юнгиановский подход – трансформация «тревожного» симптома в символ посредством осознания его архетипических основ. Следует подчеркнуть, архетипы – современная жизнь мифа по Юнгу являются, прежде всего, трансформирующей, организующей и трансцендирующей силой. Это определяет своеобразную этику взаимодействия с символами, мифами.

Близкая к юнгиановской позиция в отношении значимости символической жизни развита в рамках психосинтетического подхода (Р.Ассаджиоли). Согласно этому подходу три важнейшие функции символов определяют огромные и пока еще мало осознанные потенциальные возможности символов в организации динамики психической жизни. Психодинамическая эффективность символов последовательно выражается в притягивании психических энергий, в их накоплении с последующей трансформацией, а затем в использовании этих энергий в целях интеграции. Согласно Ассаджиоли символы обладают самоактивностью, направляют определенные внутренние бессознательные процессы. Остается только наблюдать за результатами предъявления символов бессознательному.

Необходимо отметить, что поиск новых методологических принципов системного подхода основан на осознании единства современных научных представлений системного уровня и закономерностей образно-символического восприятия мира. Показательна здесь тенденция воплощать современные естественно-научные концепции в технологии «взаимодействия с коллективным бессознательным».

Например, физик-теоретик А.Минделл объединяет теорию поля, приемы работы с индивидами и группами в общий методологический подход (принцип глубокой демократии). Развивая идеи коллективного бессознательного, он вводит понятие потенциально разумных полей, которые являются «сноявью»

социальных групп, этносов, Геи-Земли в целом, разрабатывает уникальные технологии осознания этих полей, решения групповых конфликтов через сотрудничество с ними, их трансформацию. Не разбирая подробно спектр представлений А.Минделла, укажем, что во многом он возрождает на новом системном уровне древнюю традицию шаманизма. При этом лидер-эксперт чувствует групповые поля, которые «всегда поляризуют нас на различные проявления духа и словно гипнотизируют людей, когда они отождествляются с тем или иным состоянием духа или становятся одержимыми этими состояниями». Суть метода глубокой демократии – осознать и выразить непредставленные явно части единого поля. Поля имеют тенденцию сами по себе восстанавливать равновесие, но это требует знания, внимания к происходящему, поощрения явных и скрытых устремлений (первичных и вторичных процессов) и помощи им выразиться более полно.

Сложность проблем организации социальной жизни в ее нормативных, психологических, культурных аспектах порождает активные поиски новой методологической парадигмы, определяющей основные цели и технологии социального развития, социальной эволюции. В статье были выявлены проблемы использования системного мышления в процессе формирования человеческой общности на новых принципах. Представляется, что развитие навыков восприятия социальной реальности в контексте распознавания объективно существующих циклов обратной связи, функциональных отношений являются необходимой базой системного мышления для диагностики и творческого конструирования социальных отношений. Актуальной проблемой, с нашей точки зрения, является использование потенциальных возможностей мифа, образа, символа как языка человеческой интенциональности и «целостности».

ГЕРОНТОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ АДАПТАЦИИ

Иванова Т.И.,
кандидат социологических наук,
доцент
Красноярский филиал Московского
государственного социального
университета
(г.Красноярск)

В современном мире проблемы геронтологии имеют большую социальную значимость. Это обусловлено демографическими и социальными изменениями, происходящими в большинстве экономически развитых стран мира в XX веке, к которым относится и процесс старения населения.

Датский социолог Е.Фриз выделял социальную адаптацию пожилых людей как одну из важнейших в социологии старения. Под ней он понимал то, как старые люди, получившие новые качества в силу своего возраста, приспосабливаются к обществу и как общество приспосабливает их к себе.

Некоторые авторы называют старость «возрастом плохой адаптации», что объясняется соматическими и психическими изменениями личности, а также переменами в семейной жизни и окружающей социальной среде.

Быстро меняющиеся условия жизни современной России, экономические, политические и социальные трансформации вызывают изменения в сознании, экономическом и социальном поведении населения. Отказ от части старых и восприятие новых ценностей и поведенческих установок – условие адаптации к новым жизненным реалиям.

Тот смысл, с которым термин «адаптация» используется в современной социологии, восходит к общеупотребительному латинскому значению слова *adaptatio* – приспособлять, прилаживать, устраивать. Однако известно несколько дефиниций адаптации, которые требуют специального рассмотрения. Нам необходимо также выработать такое определение социальной адаптации, которое могло бы стать основой для рассмотрения различных аспектов данного процесса у пожилого человека и результата его приспособления к конкретным социальным ситуациям.

В зарубежной литературе значительное распространение получило необихевиористское толкование адаптации, которое встречается, в частности, в работах Г.Айзенка, В.Арнольда, Р.Метли и др.¹ Они дают общее определение адаптации, а затем в свете данного подхода предлагают определение социальной адаптации. Адаптацию они трактуют двояко: а) как состояние, в котором потребность индивида, с одной стороны, и требование среды – с другой, полностью удовлетворены, т.е. состояние гармонии между индивидом и социальной средой; б) как процесс, посредством которого это гармоничное состояние достигается.

¹ Савинов Л.И., Герасимова Н.В. Социальная адаптация пожилых людей к современной ситуации. – Саранск, 2002. – С.19.

А.А.Налчаджян справедливо отмечает, что состояние адаптации – это состояние адаптированности.¹ Его можно описать в общих теоретических понятиях, поскольку на практике достижима лишь относительная адаптация в смысле оптимального удовлетворения индивидуальных потребностей.

Бихевиористы понимают социальную адаптацию как процесс (или состояние, достигающееся в итоге этого процесса) физических, социально-экономических или организационных изменений в специфически-групповом поведении, социальных отношениях или культуре.

Следует отметить, что адаптацию групп бихевиористы, по-видимому, не считают специфическим процессом, отличным от процессов индивидуальной адаптации ее членов. Это не вполне верно, поскольку: а) группа адаптируется к своим новым членам одновременно с внутригрупповой адаптацией последних; б) группа адаптируется также к более широкой социальной среде, в частности к другим группам; в) адаптация группы есть суммарный процесс адаптивной активности ее членов; г) адаптированность группы к более широкой социальной ситуации не обязательно предполагает внутригрупповую адаптированность каждого ее члена; д) механизмы групповой адаптации не идентичны механизмам индивидуальной внутригрупповой адаптации. В силу данных обстоятельств проблему социальной адаптации групп следует считать специфической проблемой другого, более высокого уровня.

Согласно интеракционистской концепции адаптации, которую развивает, в частности, Л.Филипс, все ее разновидности обусловлены как внутриспсихическими, так и средовыми факторами. Определение, даваемое интеракционистами «эффективной адаптации личности», содержит элементы, которые в бихевиористском определении отсутствуют. Такое название они предлагают для той разновидности адаптации, при достижении которой личность удовлетворяет минимальным любованиям и ожиданиям общества. С возрастом же все более сложными становятся ожидания, которые предъявляются к личности.

По Л.Филипсу адаптированность выражается двумя типами реакции на воздействие среды: 1) принятием и эффективным ответом на те социальные ожидания, с которыми встречается каждый в соответствии со своим возрастом и полом. Данную адаптированность Л.Филипс считает выражением конформности в отношении норм, которые общество устанавливает для личности;

¹ Там же. – С.8.

2) проявлением гибкости и эффективности при встрече с новыми и потенциально опасными условиями, а также способностью придавать событиям желательное для себя направление. В этом смысле адаптация означает, что человек успешно пользуется создавшимися условиями для достижения своих целей, ценностей и стремлений. Подобная адаптированность может наблюдаться в любой области деятельности и характеризуется успешным принятием решений, инициативностью и ясным представлением собственного будущего.

Это второе, более специфическое понимание социальной адаптации личности представляет значительный интерес, так как в нем содержится идея социальной активности личности. Личность, ориентированная преимущественно на названную форму адаптации, не уходит от проблемных ситуаций (т.е. не пользуется стратегией бегства от проблем), а подчиняет их реализации своих стремлений, основных притязаний. Такие индивиды во многом сами осуществляют будущее и не склонны пассивно ждать помощи и указаний со стороны других (как это свойственно какой-то группе пожилых и престарелых с выраженным зависимым характером).

Ведущим признаком эффективной адаптированности, в согласно интеракционистам, является адаптированность: а) в сфере внеличностной, социально-экономической активности, где индивид приобретает знания, умения и навыки, добивается компетентности и мастерства; б) в сфере личных отношений, где устанавливаются интимные, эмоционально насыщенные связи с другими людьми. Отметим еще одну важную особенность их понимания адаптации. Т.Шибутани – представитель этого течения указывает расхождения между адаптацией и приспособлением: «Каждая личность характеризуется комбинацией приемов, позволяющих справляться с затруднениями, и эти приемы могут рассматриваться как формы адаптации. В отличие от понятия «приспособление», которое относится к тому, как организм приспособливается к требованиям специфических ситуаций.¹

Г.Гартман различает адаптацию как процесс и адаптированность как его результат. Хорошо адаптированным он считает человека, у которого продуктивность, способность наслаждаться жизнью не нарушены. В ходе адаптации активно изменяются как личность, так и среда, вследствие чего между ними устанавливаются отношения адаптированности.

¹ Савинов Л.И., Герасимова Н.В. Указ. соч. – С.20.

В современной научной литературе широко используются введенные еще З.Фрейдом понятия «аллопластических» и «аутопластических» изменений и, соответственно, выделяются две разновидности адаптации: а) аллопластическая происходит благодаря изменениям во внешнем мире, которые человек совершает для приведения его в согласие со своими потребностями; б) аутопластическая обеспечивается изменениями личности (ее структуры, навыков и т.п.), с помощью которых она приспособляется к среде. К этим двум Г.Гартман добавляет еще одну: поиск индивидом среды, благоприятной для функционирования организма.

Единомышленники ученого придают большое значение социальной адаптации личности. Г.Гартман отмечает, что задача адаптации к другим людям стоит в течение всей жизни. Человек не только участвует в жизни общества, но и активно создает те условия, к которым он должен адаптироваться. Все в большей степени свою среду человек создает сам.

Необходимо заметить, что приведенные определения только частично отражают существенные особенности социальной адаптации. В отечественной литературе встречается более широкое ее понимание: это итог процесса изменений социальных, социально-психологических, морально-психологических, экономических и демографических отношений между людьми, приспособление к социальной среде.¹ В качестве ее специфических черт называются: активное участие сознания; влияние трудовой деятельности человека на среду; активное изменение человеком результатов своей социальной адаптации в соответствии с социальными условиями бытия. В этой связи общество само представляет собой адаптивно-адаптирующую систему, поскольку человеческая деятельность имеет преобразовательную природу.

Если следовать тому, что адаптированность зависит от способа удовлетворения потребности личности в группе и от того, в какой мере она оправдывает ожидания ее членов, очевидно, что при развитии теории адаптации важно не только ясное представление о разновидностях и иерархии потребностей и ее ценностных ориентациях. Существенно то, что не все потребности и ценности способствуют правильному функционированию организма, его социальной адаптации. Целесообразно предложить классификацию потребностей и мотивов личности: а) адаптивные

¹ Философские проблемы теории адаптации / Под ред. Г.И.Царегородцева. – М., 1975. – С.232.

в данной социальной среде; б) ведущие к дезадаптации личности при их удовлетворении, т.е. дезадаптивные. Адаптивность или дезадаптивность потребности зависят от того, на какие ценности она направлена, из какого спектра социальных ценностей индивид должен выбрать объект и цель для ее реализации.

На основе анализа и обобщения механизмов адаптации можно выделить следующие виды адаптации личности: 1) нормальная адаптация; 2) девиантная, или неконформистская, адаптация; 3) патологическая адаптация. Нормальной можно считать процесс, приводящий к устойчивой адаптированности в типичных проблемных ситуациях без патологических изменений структуры личности и без нарушений норм той социальной группы, в которой протекает ее активность. В результате нормальной адаптации (если берется только отрезок жизненного пути, ограниченный данным процессом) ни в названной структуре, ни в группе не происходит существенных, т.е. порождающих возникновение качественных новообразований, изменений. Девиантная (отклоняющаяся, неконформистская) социальная адаптация обеспечивает удовлетворение потребностей личности в данной группе или социальной среде, в то время как ожидания остальных участников не оправдываются ее поведением. Патологической она становится, если активность личности в социальных ситуациях полностью или частично осуществляется с помощью патологических механизмов и форм поведения и приводит к образованию патологических комплексов характера.¹

Для теории адаптации особую важность имеет выделение еще двух разновидностей адаптации: а) путем преобразования и фактического устранения проблемной ситуации; б) с сохранением данной ситуации. В первом случае адаптивные ресурсы и механизмы личности мобилизуются для реконструкции реальной социальной ситуации, а сама личность претерпевает сравнительно небольшие и преимущественно положительные изменения. Во втором случае эти сдвиги более глубокие, но, как правило, не способствующие ее самоактуализации и самосовершенствованию. Для обозначения последней разновидности правомерно использование термина «приспособление». Все разновидности конформизма являются механизмами и отражением приспособления в специфическом смысле.

Рассмотрим адаптивные процессы на социологическом уровне. Каждая личность как результат индивидуального процесса социализации обладает специфической структурой, в частности,

¹ Савинов Л.И., Герасимова Н.В. Указ. соч. – С.32-37.

характерной подсистемой (иерархией) мотивов. Личности, взаимодействующие в различных социальных группах, вовлечены в социальные процессы, многие из которых адаптивны. С позиции социологии адаптивные процессы бывают трех типов: а) сотрудничество; б) соперничество; в) конфликт.

Какую бы разновидность адаптации мы не взяли, в ней можно обнаружить некоторые обязательные элементы.

Социологи выделяют несколько уровней адаптации: 1) она может ограничиваться психической переориентацией, причем на уровне целенаправленного конформизма. Приспосабливающийся индивид знает, как должен действовать в новой среде, как вести себя, но внутренне не признает ее и, где возможно, отвергает систему ценностей новой среды, придерживается старой системы; б) развиваясь, адаптация может подняться до этапа взаимной терпимости: и личность, и социальная среда проявляют толерантность к ценностям и формам поведения. Говоря об этом уровне, Я.Щепаньский утверждает, что на нем стороны признают равноценность своей и чужой систем ценностей; в) на основе терпимости возникает более глубокий уровень адаптации – аккомодация, связанная с взаимными уступками. Индивид воспринимает основные ценности новой социальной среды, а она, в свою очередь, усваивает некоторые из ценностей нового члена. Аккомодация, как справедливо отмечает Я. Щепаньский, является самой распространенной формой социальной адаптации и выступает методом решения социальных конфликтов; г) полное приспособление – ассимиляция наступает тогда, когда индивид отказывается от своих прежних ценностей, замещая их системой ценностей новой среды. Принятие последних не всегда уничтожает старые даже на уровне отдельной личности, а обычно лишь вытесняет их из сферы сознания, затрудняет или делает невозможным их сознательную, произвольную актуализацию.

Адаптация и ее результат – адаптированность личности имеют непосредственное отношение к уровню автономности индивида в данной социальной среде. Можно утверждать: чем выше уровень адаптированности, тем больше уровень автономности.

Наблюдения свидетельствуют, что в одних и тех же проблемных ситуациях разные люди адаптируются по-разному и с различной степенью успешности. Подобные факты говорят о том, что существует способность к адаптации, или адаптивность, которая значительно варьирует.

Для конкретизации и углубленного изучения отдельных аспектов, форм и механизмов адаптивных процессов личности

необходимо иметь рабочую классификацию и описание типичных социальных ситуаций, требующих от индивида адаптивного поведения. В зависимости от ситуаций используемые личностью механизмы, их комплексы, особенности их проявления и адаптивные стратегии будут различными.

Существует два основных типа жизнеобеспечения человека:

- опора и расчет преимущественно на свои силы;
- ориентация на поддержку извне, использование чужих ресурсов.

Рассматривая группу пожилых людей, можно выделить третий тип – смешанный.

Предположим, что зависимость будет определяться рядом факторов (возраст, состояние здоровья, структура семьи, ценностные ориентации и др.). Конечно, людей целиком самостоятельных в своем жизнеобеспечении практически не бывает. Но отличия в уровне зависимости у пожилых лиц значительны. «Независимость» означает, что индивид сам является субъектом экономической поддержки, на что указывают и данные нашего исследования, когда пожилые люди, получающие пенсию, становятся единственным «источником дохода» в семье. С другой стороны, и «независимые» все же испытывают влияние общей экономической конъюнктуры, государственной политики, блокирующей либо поощряющей те или иные виды деятельности. И такого рода зависимость – не показатель иждивенчества, но отражение включенности человека в функционирование «большого общества».

Независимое жизнеобеспечение представляет «позитивную» форму адаптации, предполагающую самореализацию личности, участие в общественном производстве, создание материальных и духовных ценностей. Использование же чужих ресурсов если и вызывает адаптацию (повышение жизненного уровня или удовлетворенности средой), то, как отмечают социологи, реализующуюся в негативной форме, деструктивной как для самой личности, так и для общества.

Анализируя адаптацию пожилых людей через призму потребления ими чужих ресурсов, социальные работники, естественно, осознают, что порою человека постигают такие болезни и беды, которым не каждый способен противостоять. В подобном положении необходима милосердная деятельность тех людей, которые в состоянии добровольно помочь. Традиции оказания содействия старым, больным, детям – неотъемлемая, органичная часть нравственной культуры.

Можно отметить, что социально-экономическая зависимость вписывается в типологию адаптации Р.К.Мертона, представляя соответственно «ритуалистский» и «инновационный» типы.¹ В первом случае человек, используя «нормальные» модели экономического поведения (ожидание патернализма государства, экономическая пассивность), приходит к отвергаемой культурной цели - к бедности, потере социального статуса.

Датский социолог Е. Фрииз выделял социальную адаптацию пожилых людей как одну из важнейших в социологии старения. Под ней он понимал то, как старые люди, получившие новые качества в силу своего возраста, приспосабливаются к обществу и как общество приспосабливает их к себе.

Некоторые авторы называют старость «возрастом плохой адаптации», что объясняется соматическими и психическими изменениями личности, а также переменами в семейной жизни и окружающей социальной среде.

По мнению социальных геронтологов, одним из главных факторов успешной социальной адаптации пожилых людей считается вовлечение их в производство. Американский социолог В.Шевчук обобщил данные, касающиеся тех условий, в которых они могут плодотворно трудиться с учетом специфики их психофизиологических возможностей. С.Форсман исследовал возможности привлечения старых людей к производству и трудности, встречающиеся на пути практического решения этого вопроса. Американский социолог П.Мильхоль считает, что к сложностям адаптации относится нежелание старых рабочих менять свою высокую квалификацию: они предпочитают остаться вне производственной деятельности, чем терять прежнюю квалификацию, приобретая новую.

К проблеме адаптации старых людей примыкает и такой аспект, как передвижение сроков пенсионного возраста. Наступление его, по мнению Н.В.Паниной, становится переломным моментом в жизни человека, который значительно отличается от предыдущих периодов диффузностью конвенциональных и неопределенностью возрастно-ролевых ожиданий. Статус пенсионера чаще ассоциируется с сужением круга ролей, нежели включением в новые роли. Выход на пенсию и вызванная им утрата производственного статуса влекут за собой снижение ролевой (как социальной, так и личностной) определенности.

¹ Мертон Р.К. Социальная структура аномалия // Социол. исследования. – 1992. – №3. – С.104.

Эмпирическое исследование, проведенное Н.В.Паниной, показало, что социальная адаптация пожилых людей к положению пенсионера осуществляется стихийно, их ролевые ожидания носят расплывчатый характер. Это сказывается на формировании отношения к выходу на пенсию и нередко приводит к пассивному образу жизни и невысокой степени удовлетворенности после прекращения работы. Н.В.Панина констатирует отсутствие у отдельных групп неработающих пенсионеров ценностных ориентаций и связанных с ними планов, имеющих, общественную значимость и направленность. Скромное место в жизни этих пенсионеров занимает и семейно-бытовая сфера (и по объему затрачиваемого времени, и по субъективной значимости). Пожилые люди не только не ориентируются на домашнюю работу, но и дают невысокую оценку удовлетворенности ею. Сокращаются их коммуникативные связи вследствие крайне низкой активности в сфере досуга.¹

Один из «инновационных» типов адаптации представлен социальным паразитизмом, при котором для достижения одобряемой цели (экономическое благополучие) используются институционально не закрепленные средства (противоправные действия, «отмена» ценности труда). В крайне нестабильной среде, каковая наблюдалась в России в 90-х годах, даже самые социально продвинутые группы демонстрируют вынужденную адаптацию: согласие с одними ценностями и руководство в жизни другими. Поведение даже наиболее активных субъектов экономической деятельности может быть охарактеризовано как аккомодация, приспособление к условиям среды.

Е.С.Балабанова указывает на четкую выраженность гендерной специфики адаптации. Мужская модель предполагает жесткую направленность на собственные усилия, подкрепленные «стартовым капиталом» в виде связей, собственности, власти. Женская адаптация гибче, но успешные ее образцы представлены обычно «зависимой адаптацией» на уровне индивидуальных социальных связей.

Целесообразно рассмотреть социальную адаптацию пожилых людей на трех уровнях:

- общество: степень сближения ценностных ориентаций различных половозрастных групп и степень совпадения авто- и гетеростереотипов пожилых;
- семья: степень ролевой адаптации и степень позитивности;

¹ Способы адаптации населения к новой социально-экономической ситуации в России / Отв.ред. И.А.Бутенко. – М., 1999. – С.104.

– личность: приспособление к самому процессу старения и степень позитивности личностной идентичности.

Человек входит в широкую систему профессиональных, деловых, межличностных, социальных отношений, которые позволяют ему адаптироваться в данном социуме. Система социальной адаптации включает разные виды: производственную и профессиональную; бытовую; досуговую; политическую и экономическую; к формам общественного сознания (наука, религия, искусство, мораль и т.д.); к труду и пр. Мы склонны к пониманию адаптации как процесса и результата взаимодействия индивида (группы) с кардинально меняющейся средой, в ходе которого постепенно согласуются требования и ожидания обеих сторон, индивид получает возможность выживания, а макросреда – воспроизведения и вступления в иную восходящую стадию.

Адаптация предстает многообразным, комплексным явлением в жизни социальных субъектов. Можно выделить четыре основополагающих аспекта ее изучения: как разновидности социального отношения, социальных процессов, социальной деятельности и институциональной формы.

Адаптация как общественный феномен представляет собой сложное структурно-функциональное духовно-практическое образование, проявляющееся на всех уровнях социальной жизни пожилых людей. Благодаря этому она становится одним из важнейших универсальных способов преодоления кризисных общественных ситуаций и подготовки людей к включению в инновационные социальные системы. Тем самым адаптация обеспечивает последовательность и закономерность эволюционной трансформации общества, снижение риска образования деструктивных тенденций и гармонизацию складывающихся социальных отношений.

Социальным работникам полезно знать мифы и предрассудки о пожилых людях. **Предрассудок первый.** Большинство пожилых людей постоянно находятся в больницах, домах престарелых и тому подобных учреждениях. Однако, по данным американских ученых, вероятность помещения в больницу равна приблизительно 1% для лиц 65-74 года, 7% для тех, кому 75-84 года, и 23% для тех, кому более 84 лет. Отечественная практика свидетельствует, что почти половина пожилых людей в течение года к врачам не обращается. Заметим, что работающие пенсионеры посещают врачей чаще, чем неработающие, что связано с необходимостью оформления больничных листов. Согласно данным Института Гэллапа, главное, что побуждает пожилых людей работать, – это быть полезным. Таким образом, пожилой человек отличается

высоким уровнем трудовой активности, во всяком случае большим, чем «больничная активность».

Предрассудок второй. Многие пожилые люди недееспособны и из-за болезни много времени проводят в постели.

Предрассудок третий. Большинство пожилых людей испытывают серьезные финансовые трудности. Но пожилые люди не составляют некую однородную массу людей. Отнесение к бедным слоям пожилых людей не вызывает сомнений, хотя именно они в какой-то степени социально защищены или, по крайней мере, находятся в центре общественного внимания.

Предрассудок четвертый. Большинство пожилых людей одиноки и удалены от своих семей, как и от других значимых для них социальных связей. В этой связи обратимся к результатам опроса общественного мнения, проведенного С.Харрисом (1981), согласно которым хотя 65% общества и предполагают, что большинство пожилых людей одиноки, только 13% лиц 65 лет и старше рассматривают одиночество как серьезную проблему. Кроме того, примерно у четырех из каждых пяти пожилых людей есть дети; около 75% опрошенных пенсионеров «не падают духом в своем одиночестве».

Предрассудок пятый о консерватизме, аполитичности пожилых людей, неприятии ими всего нового. Вопрос о политической активности пожилых людей остается дискуссионным. В любом случае лица пожилого возраста составляют до 25-30% электората во многих индустриально развитых странах. Степень участия их в голосовании в 1,5 раза выше, чем в среднем для населения, и в 2 раза выше, чем для молодежи.

Таким образом, существует значительный разрыв между реальными условиями жизни пожилых людей, их представлениями об этих условиях и тем, как другие описывают их.

Наиболее значимыми проблемами пожилого населения являются неудовлетворенность состоянием здоровья, малообеспеченность и одиночество, низкая оценка уровня качества оказания медико-социальной помощи.

В настоящее время формы медико-социальной помощи пожилым людям весьма разнообразны. Вместе с тем, учитывая высокие темпы старения населения, они не обеспечивают потребности в данном виде помощи.

КОСМОНОМИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ КАК ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ

СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Кудрявцева В.И.,
кандидат социологических наук,
доцент
Белорусский государственный
университет
(г. Минск)

Развитие личности и общества в социологии нередко рассматривалось как равномерное движение по восходящей эволюционной линии, предполагающей некие общие механизмы регулирования и управления жизнедеятельностью. Однако в настоящее время углубляется понимание чрезвычайной сложности, многомерности и многослойности человеческого бытия. Возникла острая необходимость преодолеть трудности, заключающиеся в широком распространении представлений о человеке как о существе сугубо рациональном, полностью осознающем свои влечения и действия и преследующем свои интересы. В настоящее время формируется новая картина мира, основанная на синтезе западных и восточных представлений, на единстве строгого рационального познания и феноменологии. К этому процессу имеют самое непосредственное отношение феноменологическая и универсумная социология, космономия, синергетика, теория жизненных сил, религиозная социология и др.

Коллективные представления – это сложные переплетения рационального и иррационального научного знания и «здорового смысла жизни», часто выражающегося в форме мифа. Миф в данном случае рассматривается как иносказание о реальном человеческом опыте, который коллективно выражен в некоей закодированной, образной форме, относительно доступной для восприятия и переживаемой как реальность. Говоря о феноменологии, следует отметить, что нет ничего удивительного в том, что социальный процесс всегда находит свое символическое выражение, оформляясь в символический универсум.

В космономическом моделировании самые разные феномены рассматриваются как синхронные в своей динамике с известными ритмами движения ритмозадающих факторов (космическими ритмами). Символический универсум благодаря космограмме (закодированной особым образом врожденной программе тенденций жизнедеятельности человека или общественной структуры) структурируется не только в систему ритмозадающих факторов космосферы, но и в соответствующую им систему

прообразов. А значит, на основе космограммы можно не только прогнозировать временной период вероятного яркого воплощения тенденций развития (что не дает никакой другой известный метод прогнозирования), но и их мифологические контуры, образную форму представления.

То, что чаще всего ускользало от исследователей, пытающихся использовать миф для объяснения социальных или психических явлений, – это скрытые в нем смысл, идея, а не просто красивый аргумент, аналогия либо обоснование любимой теории. При этом без веры в реальность отношений, напоминаемых в иносказании, миф превращается в мертвый музейный экспонат либо причудливую фантазию. Давно известно, что массы не могут образоваться и сдвинуться с места, пока не сработает какой-то внутренний пусковой механизм, пока во главе массы не встанут вожди, увлеченные идеей и верующие в нее, пока не оформится сама идея, витающая в воздухе.

В качестве примера можно рассмотреть кампанию по избранию Президента России в 2000 году. Обратимся к космономической модели Демократической России (от 21 августа 1991 года, подписание указа Б. Ельциным во время путча). Поскольку одним из ракурсов рассмотрения космограммы являются символическая трактовка социального образования, его символический универсум, то активизированные ритмозадающие факторы (имеющие отношение к идеологии и структуре правительства, президентской власти) раскрывают символический смысл разворачивающихся событий, а значит, и востребованный в данное время миф. Итак, в космономической программе Демократической России был зашифрован и развернулся в соответствующее время (которое вполне можно было спрогнозировать, если бы стояла такая задача) митраистский миф о человеке смелом, решительном, предприимчивом, являющемся воином, который ничего не боится. При этом Митра олицетворяет закон, соблюдение заповедей, верность, договор. И Митру в мифологии можно увидеть или в образе Солнца, или блистающего Богатыря-победителя, или всадника с колесницей. Это зависит от того, какая грань человека в борьбе за закон будет раскрыта в личностном аспекте. Как уже было выше сказано, в данном случае акцентирована черта воина. Вспомним, на какой мощной волне решительной борьбы с терроризмом, как источником вселенского Зла, обозначился на политической арене и воин, и юрист В.Путин. Именно такой мифологический тип и был востребован. Любопытно также то, что символ задействованной точки космограммы указывает на вероятность падения высоких зданий в

процессе разворачивания данного мифа. Взрыв зданий в Москве лишь подчеркнул воинский дух будущего лидера, отсутствие страха, спортивную закалку борца, его буквально митраистскую беспощадность в устремлении соблюдения закона. Да и основное дело, которым занялся лидер государства, – серьезная законотворческая деятельность. Не забыты были и иные грани Митры: «всадник на колеснице» – моментальные перемещения и пилотирование самолетом, «Солнце» – поощрение деятелей культуры, даже сравнение В.Путина (по имени) в историческом контексте с Владимиром Красно Солнышком.

Таким образом, приближенный к архетипу миф, витающий в воздухе, был угадан и осуществлена опора на древние слои укоренившихся представлений. Поэтому искусство массовой коммуникации посредством общего зрелища или действия вызвало эффект мощного народного подъема. Однако до сих пор социология и философия с трудом определяются в признании мобилизующего фактора мифологии в контексте объективной социально-политической реальности, занимаясь, по сути, иррациональной борьбой с феноменами. Но ведь в подобном признании не скрыт обман, поскольку рождение мифов опирается на историю и социально-экономические основы жизни, знакомые массе в общедоступной форме или преподносимые ей в качестве откровений. И никакого социального сдвига масса не признает, не найдя для него символа, не испытав удовлетворения от идеи. Ведь сами по себе ни «чистая», рациональная наука, ни религия, ни социальные и политтехнологии, а идейные представления и «живой миф» позволяют в определенное время в человеческих общностях разыграть пьесу, завораживающую человека и дающую руководство к жизни и деятельности с незапамятных времен.

Конечно, идеальный архетипический мифсюжет нельзя создать. Но приблизиться к нему можно, вникая в смысл через «одежду» культурных, национальных и исторических особенностей той или иной социальной общности. Определить время и возможную форму, варианты проявления такого мифа в той или иной стране возможно, благодаря применению и дальнейшим исследованиям в области космономического моделирования. При этом, конечно, должны соблюдаться адекватное понимание самодетерминации в ответ на возможности, предоставляемые социальной средой, учитываться свобода выбора того или иного пути дальнейшего социально-политического развития. Ведь отличительная черта человека как родового существа не столько инстинктивно социальная, сколько духовная, предполагающая способность к творчеству, а также стремление к

высшим ценностям, к Абсолюту. Именно духовности человечество обязано своим прогрессом, но прогрессом не материальным, не научно-техническим, а нравственным.

Понимание смысловых, причинно-следственных связей развития событий невозможно без учета этнокультурных особенностей восприятия людей, к которым относятся: ценностные ориентации; межэтнические установки и ориентации; популярность основных идеологем национализма; ориентация на суверенитет; жизненные ценности этнических групп, позволяющие судить о возможном конфликте ценностей в процессе трансформации общества; углубление или ослабление культурных границ; авто- и гетеростереотипы и др.

Космономическое моделирование и модели, построенные на основе теории циклов, обладают значительным потенциалом в применении также в сфере международных отношений. В этом смысле можно отметить достижения универсальной социологии В.Немировского с разработками вопросов социальной динамики и циклов, системное описание циклической динамики социальных процессов Ю. Яковца, обширные исследования 30-летних циклов в политической теории США Артура Шлезингера, исследования политической истории России О.Ширгазина.¹

В частности, О.Ширгазин полагал, что средний период «авторитаризма» и «переходной демократии» в России длится примерно 14 лет. Существенно преобладают во времени «авторитарные» циклы (20 и 17 лет) по сравнению с «демократическими переходными» (13, 14 и 8 лет), что может быть связано, по мнению автора, с затянувшимся периодом сталинизма, совпавшего по времени со второй мировой войной. Вместе с тем эта особенность может являться характерной чертой политического процесса России, для которого авторитарные формы более привычны, а демократическое обновление происходит в резкой форме и длится недолго. И если утверждение той или иной формы «авторитаризма» на определенный период неизбежно, то, по мнению О.Ширгазина, следует подумать не о том, как его избежать, а о том, как сделать этот период по возможности более конструктивным с точки зрения задач развития России.

Сфера международных отношений представляет собой своего рода стохастическую вселенную, картину причудливого

¹ Ширгазин О.Р. Применение циклических закономерностей для региональных и глобальных прогнозов // Человек. – 2000. – №1. – С.57-67.

переплетения многообразных событий и процессов, причины и следствия которых носят несимметричный характер, поэтому их описания и объяснения в духе детерминизма, предопределенности, безальтернативности, исключения случайности неплодотворны. В то же время, социологический подход, направленный на сравнение международных событий и процессов, на выявление между ними подобия и различий, на построение определенной типологии, обнаруживает, что при всей специфике происходящего в сфере международных отношений в ней обнаруживаются некоторые «повторяемости», закономерности. Исследователь может надеяться на обнаружение повторяемостей, и что важно – времени их проявления, в цепи разрозненных фактов, ситуаций и событий международных отношений, благодаря применению космономического моделирования. При этом он придерживается такого понимания, в соответствии с которым существует множество альтернативных путей развития, в том числе и для всей человеческой истории. При разработке метода космономического моделирования в качестве эмпирического материала автором данной статьи была исследована социальная история США, Великобритании и Испании, что позволило выявить закономерности и тенденции развития социально-политического процесса, упорядочить информационную базу, свойственную тем или иным циклам.

Задача космономического прогнозирования в дипломатии заключается в том, чтобы повысить эффективность воздействия на будущее в целях соблюдения национальных интересов с учетом закономерностей общественного развития, расстановки сил на международной арене и субъективного фактора сознательных действий людей, принимающих решения на государственном уровне.

Как нельзя более наглядно метод космономического моделирования показал свою эффективность при работе с объектом, имеющим важное культурное значение для Республики Беларусь, – Мирским замком. Данный метод позволил автору определить год и дату включения ритмов жизнедеятельности в стенах замка, в то время как историки до сих пор определяют эту дату в промежутке конца XV – начала XVI веков. На основе космограммы, построенной в соответствии с найденной точной датой, еще в 1994 году были разработаны прогнозы в отношении этапов реставрационных работ, времени открытия в замке первой очереди музейной экспозиции, а также деятельности по включению первого белорусского культурного объекта – Мирского замка – в Список Мирового Наследия ЮНЕСКО. Как

отмечено в Акте Комитета по охране историко-культурного наследия, рассмотрение и вынесение окончательного вердикта ЮНЕСКО пришлось именно на ту дату, которую спрогнозировала автор примерно за полтора года до события, как оптимальную для принятия положительного решения – 29 ноября 2000 года. В этом документе утверждается: «... космономический метод социального прогнозирования показал высокую эффективность в деле прогнозирования деятельности по восстановлению одной из уникальнейших историко-культурных ценностей Беларуси – замка в п.Мир. Особенно наглядно это проявилось в 1998-2000 годах при проведении организационных мероприятий по приданию указанному объекту надлежащего международного статуса».

Прикладные социологические исследования в области космономического моделирования и прогнозирования убедительно доказывают не только теоретическую ценность, но и практическую реализацию того факта, что центр внимания современной социологии перемещается на эволюционирующий посредством человека социум в единстве его природно-космических, социальных, духовных связей и проявлений, относящихся как к объективной реальности – внешнему миру, макрокосмосу, так и к реальности субъективной – внутреннему миру, микрокосмосу.

ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ – СТАРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

Сорокина Л.Я.,
кандидат философский наук, доцент
Иркутский государственный
университет
(г.Иркутск)

Современная социология – наука многогранная. В ней существует большое количество направлений, отражающих особенности того или другого спектра жизнедеятельности общества. Несмотря на достаточно сложную структуру современного социологического знания, реальная действительность оказывается еще более многогранной – постоянно возникают новые проблемы, требующие своей постановки и изучения. Двадцать первый век, не успев начаться, поставил перед современной наукой много вопросов, о серьезности которых можно было только предполагать. К такого рода проблемам, например, относится проблема «старения» населения Земли, которая не обходит стороной и Россию. Только в Иркутской области на 1 октября 2002 года пенсию по старости, по данным Управления социальной защиты населения, получали 625236 человек, из них в г. Иркутске – 91 400 человек. В Иркутске в настоящее время проживают 149 человек в возрасте 95 лет и старше. Или, например, по данным облкомстата Иркутской области, в 2003 году в Приангарье смертность превысила рождаемость на 11 690 человек. Тем не менее нельзя сказать, что проблема старости является на сегодняшний день популярной в современной социологии. Научная мысль отдает предпочтение, и совершенно справедливо, изучению проблем молодежи. Однако планка молодости слишком невысока – приблизительно до 30-35 лет. После этого возрастного рубежа для многих начинается как бы «подготовка к пенсии», что означает жизнь по инерции. Но есть люди, которые выбирают другой путь, продолжая жить ярко, насыщенно, творчески, как будто в их жизни не происходит ничего особенного. Просто им исполняется 40, 50, 60, 70, 80, 90 лет. Год от года они становятся мудрее и начинают все больше понимать и ценить жизнь. Почему это происходит? Какие факторы вызывают массовое старение населения Земли? Поиском ответов на эти и многие другие непростые вопросы, связанные со старением, занималась до сегодняшнего дня наука геронтология, в том числе социальные аспекты старения освещала социальная геронтология, которая, изучая социальные аспекты старения

человека, сосредоточивает свое внимание, главным образом, на представителях пожилого и старого возраста.

Медицинские проблемы старости, изучаемые сегодня наукой гериатрией, издавна обращали на себя внимание. Трудно не заметить те физиологические изменения, которые происходят с человеком в преклонном возрасте: обвисшие мышцы, сутулая спина, морщинистое лицо и т.д. Значительно труднее выделить психические и социальные факторы, ускоряющие или замедляющие процессы старения человека. Этим занимается социальная геронтология, которая акцентирует свое внимание на технологии ухода за старыми людьми и возможных формах содержания пожилых и старых людей. Социокультурный аспект старения населения на сегодняшний день оказывается за пределами исследования.

В 2002 году состоялась вторая Всемирная ассамблея по проблемам пожилых людей. Это свидетельствует о том, что весь мир сегодня озабочен проблемой старения населения Земли. Почему это происходит? Какие факторы лежат в основе этого процесса? Какие причины приводят к возникновению данного социального феномена? Вряд ли кто-нибудь возьмет на себя смелость однозначно и определенно ответить на эти непростые вопросы. Тем не менее в современной науке есть немало попыток проанализировать ситуацию или ее отдельные аспекты. Такую попытку предприняли и мы, очертив рамки и выделив специфику исследований по данной проблеме в аспекте современного социологического знания.

Данная проблема, по-нашему мнению, распадается на два сектора: во-первых, это проблемы, связанные со старением населения Земли, и, во-вторых, роль и значение социальных факторов в процессе старения общества. Научный анализ перечисленных выше вопросов оказывается невозможным без введения в научный лексикон дополнительных терминов, отражающих специфику изучаемых явлений. Такими понятиями, на наш взгляд, являются «геронто-социология», «геронто-среда», «геронто-сфера» и «геронто-культура».

Геронто-социология – это термин, которым автор данной статьи предлагает назвать новое направление в социологии, посвященное изучению проблем старения населения.¹ Содержание этого направления, а точнее сказать, предмет изучения напрямую зависит от предмета изучения социологии как целостной и

¹ Сорокина Л.Я. Проблемы геронто-социологии // Труд и социальные отношения. – 2003. – №3. – С.97.

системной науки. Сформулируем его так: социология изучает объективные законы развития социальной материи через поведение взаимодействующих людей.¹ В этом случае предмет изучения геронто-социологии можно сформулировать следующим образом: геронто-социология изучает объективные законы старения населения через поведение взаимодействующих людей. Другими словами, геронто-социология должна рассматривать процесс старения населения как результат действия многих факторов : природных и социальных.

Три других термина относятся к разряду ключевых слов. Например, понятием «геронто-среда» мы предлагаем именовать слой населения, который по классификации 1963 года принято считать пожилыми (60 лет – 74 года), старыми (75-90 лет) и долгожителями (91 год и более).²

Геронто-сфера – это термин, определяющий совокупность факторов и условий, в которых происходит старение человека или сообщества.

Категория «геронто-культура» определяет, по-нашему мнению, специфический пласт общепринятой культуры, который, с одной стороны, включает ее элементы, способствующие старению населения, а с другой стороны, ценностно-нормативные и социокультурные приоритеты пожилых людей, т.е. выражает особенности субкультуры геронто-среды как единого целого.

Необходимость введения в научный лексикон данных терминов, на наш взгляд, объясняется отсутствием в современной социологии понятий, интегрально выражающих специфику населения пожилого и старческого возраста, например, «молодежь», «молодежная культура», «молодежная среда», «молодежная политика» и т.д.

Геронто-социология рассматривает проблему старения населения как социокультурное явление, связывая ее с общекультурными процессами, происходящими в обществе, в частности с процессом социализации личности, который, как известно, не заканчивается в 18,20 или 30 лет. Изменяются интенсивность и содержание процесса социализации, которые напрямую связаны с социальной политикой государства, очень часто зависящей от уровня изученности социальных проблем. Так же как и увеличение или сокращение продолжительности жизни населения напрямую зависят от социально-экономических условий

¹ Сорокина Л.Я. Указ.соч. – С.99.

² Ярцемирская Р.С., Беленькая И.Г. Социальная геронтология: Учебное пособие. – М., 1999. – С.19.

данного общества. Если исходить из утверждения, что культура создает внегенетическую программу поведения человека, то можно предположить, что социальные условия могут оказывать существенное влияние на физиологические процессы, происходящие в организме человека, в том числе и процессы старения.

Геронто-социология, по-нашему мнению, должна изучать социальные аспекты старения человека и социальных групп, рассматривая их во взаимовлиянии с социальным окружением, т.е. выделяя в них объективные и субъективные факторы старения. Таким образом, в отличие от социальной геронтологии геронто-социология имеет два уровня исследований: макроуровень (теоретический для решения проблем фундаментальной науки) и микроуровень (прикладной для решения частных проблем, требующих незамедлительного решения).

Большую роль в изучении социальных аспектов старения населения имеют физиологические, генетически закодированные в нас природой, т.е. существующие объективно, процессы старения, которые распадаются в свою очередь на объективные и субъективные факторы.

Объектом исследования данных проблем в отличие от социальной геронтологии являются не только сами пожилые и старые люди, но и все общество с его культурой и социальной политикой. А центральным понятием является «социальное взаимодействие».

Если в качестве гипотезы «старение» населения Земли рассматривать как процесс объективный, т.е. возникающий на основе действия законов развития общества как социальной материи (человечество как биологический вид), то можно предположить, что это не что иное, как процесс его «взросления». В этом случае целью геронто-социологии является выяснение механизмов (природных и социальных), которые лежат в основе данного процесса. Поэтому новое направление тесно сотрудничает со многими естественными и общественными науками, такими как медицина (в том числе и гериатрия), биология (объективные законы развития органической материи), экология (воздействие природной среды на продолжительность жизни человека), геронтология (в том числе и социальная геронтология), демография (закономерности рождения и смертности населения в различных точках Земного шара, психология (особенно возрастная психология), педагогика (влияние различных педагогических школ на продление жизни человека), экономика (выяснение зависимости продолжительности

жизни людей от уровня жизни населения и решения материально-экономических проблем пожилых и старых людей в современном обществе как в России, так и за рубежом), политика (особенно социальная политика), социология (направления: социология личности, социология культуры, антропологическая социология, социология молодежи, социология семьи, социология свободного времени, городская и эмпирическая социология, социология конфликта, экономическая социология, инвайронментальная социология, социология политики и т.д.)

Можно предположить, что геронто-социологию ожидает большое будущее. Основанием для такого предположения является то, что, как установлено, продолжительность жизни населения растет по мере роста уровня жизни людей. Вместе с увеличением продолжительности жизни населения Земли увеличивается и средний его возраст, а значит, будет увеличиваться и необходимость всестороннего его изучения.

«ИРКУТСКАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА»: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Грабельных Т.И.,
доктор социологических наук,
доцент
Иркутский государственный
университет
(г.Иркутск)

На рубеже XX-XXI вв. существенно изменились роль и место социологии в современном обществе. Процессы социальной трансформации сопровождаются реформированием социологической науки. Реформирование социологии в России имеет свои специфические черты, свою внутреннюю динамику. Так, политика в области реформирования социологии в России напрямую затрагивает деятельность профессиональных социологических сообществ, в том числе региональных, судьба и проблемы развития которых достаточно сложны. Возникает целый комплекс вопросов внешнего и внутреннего порядка относительно определения путей развития фундаментальной, эмпирической и прикладной социологии в том или ином регионе.

«Иркутская социология» – не исключение. Она также нуждается в серьезном реформировании, необходимость в котором, как показывают ее история и современные проблемы,

назрела уже давно. Вопросы институционализации и профессионализации социологии на земле Иркутской фактически приобрели гипертрофированный характер. На сегодняшний день в г.Иркутске и Иркутской области отсутствует специализированный совет по защите кандидатских и докторских диссертаций социологического профиля; нет специализированных институтов и отделов регионального уровня в рамках Российской академии наук (наблюдаются слабые контакты с отделом социологии Института философии и права СО РАН, г.Новосибирск); недостаточно эффективно в аспекте консолидации усилий и совместной деятельности на уровне региона функционируют общественные организации социологов; существует ограниченное число центров социологических и маркетинговых исследований, центров независимых исследований, исследовательских групп, служб и лабораторий в таком большом регионе, в то время как остро стоит проблема с трудоустройством выпускников-социологов иркутских вузов; не развита практика управленческого консультирования на предприятиях, в организациях, фирмах г.Иркутска и Иркутской области; с точки зрения востребованности социологического знания представителями системы государственного управления недостаточно развиты традиции по проведению «круглых столов» иркутских социологов в администрации города и области, масштабному проведению социологических исследований государственными структурами и подразделениями и др. К сожалению, приходится констатировать, что на настоящий момент в г. Иркутске и Иркутской области всего два доктора социологических наук, незначительное число кандидатов. Обозначилась социальная потребность в научной продукции иркутских социологов. Нельзя не отметить в этом отношении отсутствие специализированных журналов по всему комплексу социальных проблем в регионе, а также специализированных выпусков известных отечественных журналов, состоящих в основном из публикаций иркутян.

Из вышеизложенного следует, что иркутская социология переживает трудный, точнее, переломный этап в своем развитии. Отсутствие консенсуса по базовым принципам и общей стратегии развития иркутской социологии, бесспорно, вызывает вопросы и беспокойство в профессиональной среде. Хотя и здесь, заметим, такие вопросы носят, скорее, точечный характер и во многом обусловлены своими научными, ведомственными и другими интересами.

«Иркутская социология», «иркутская социологическая школа», «иркутское социологическое сообщество»... Часто ли мы

сами – те, кто развивает фундаментальную науку, кто преподает социологию, кто проводит прикладные исследования на земле Иркутской, – используем в своем обиходе эти понятия, даем им «жизнь»? Идентифицируем ли мы себя с иркутским социологическим профессиональным сообществом и выступает ли оно в качестве цементирующего элемента всей или определенной части нашей деятельности? В этой связи можем ли мы выделить иркутскую составляющую современной отечественной социологической науки?

Изначально признавая право на иное мнение, мы считаем, что и «да», и «нет». Зачастую руководствуясь общими императивами своего времени и современной социальной науки, мы не используем потенциал тех организационных структур, в особенности региональных, которые, по сути, призваны ориентировать исследователя в научном поиске. Социальное пространство, которое мы формируем и с необходимостью расширяем и в котором занимаем свое место, неразрывно связано с пространством научного поиска путей решения социальных проблем, или, другими словами, с научным пространством. Та или иная организационная структура неизбежно является смыслообразующим компонентом как социальных, так и научных пространств. Другой вопрос: каковы ее статус и критерии устойчивости, степень легитимности на уровне «большого» и «малого» профессиональных сообществ? В зависимости от ответа на этот вопрос социолог конструирует свою научную и социальную позиции, выстраивает исследовательскую стратегию.

Учитывая это обстоятельство, следует говорить о сильной и слабой сторонах региональных профессиональных сообществ, в том числе, об их адаптивных возможностях и механизмах, принимая во внимание особенности развития науки, природу и характер социальных изменений. Предполагаем, что чем выше и устойчивее научный и социальный статус региональной социологической школы, тем больше оснований выстраивать свою позицию в рамках методологических и теоретических перспектив, разделяемых ее представителями, и тем самым идентифицировать себя с данным профессиональным сообществом.

При ответе на поставленные вопросы есть и другая сторона, связанная, прежде всего, с тем обстоятельством, что фактор принадлежности к конкретному региональному сообществу еще не служит основанием для признания всего комплекса профессиональных заслуг ученого. Речь идет о разграничении «институционального» и «почвообразующего» аспектов на региональном уровне, столь необходимых для организации и

проведения исследования. Выделенные нами аспекты, бесспорно, взаимно дополняют друг друга, носят включающий характер. Однако в ряде случаев, а по г.Иркутску и Иркутской области в значительной мере, «почвообразующий» аспект в проведении исследований, в особенности при формировании их базы, превалирует, позволяя опираться на первичный «материал» как на уровне федеральном, так и региональном, но без участия исследователя в региональных организационных структурах. Поэтому мы можем говорить в полной мере об иркутской составляющей отечественной социологии, учитывая личный вклад отдельного ученого в развитие науки, в своих исследованиях опирающегося на «иркутский материал».

Не вызывает сомнений, что сочетание «институционального» и «почвообразующего» аспектов в указанной интерпретации открывает целый ряд возможностей и альтернатив в развитии науки на региональном уровне. При этом возникает другой вопрос: готовы ли мы сами к переменам, а именно: 1) серьезному переосмыслению деятельности традиционных социологических структур; 2) основывать и развивать новые традиции в развитии социологии на региональном уровне; 3) объединиться и действовать в рамках новых организационных структур с учетом современных требований?

В подтверждение своей точки зрения и поставленных вопросов обратимся к основным вехам развития социологии в г.Иркутске и Иркутской области. На наш взгляд, наиболее продуктивным в аспекте исследования состояния современной социологической науки в том или ином регионе будет проведение многоспектрального анализа, предусматривающего выделение по меньшей мере шести уровней: 1) научный; 2) вузовский; 3) заводской; 4) управленческий; 5) собственно социальный; 6) системно-организационный.

По мнению лидеров Иркутского отделения Российского общества социологов М.В.Лисаускене, Б.Л.Токарского, М.И.Яковенко, становление иркутской социологии начинается в 1960-е годы XX в., когда возрождается интерес к научному изучению социально-экономических проблем. Региональная тематика уже в это время привлекает внимание исследователей в силу специфики социально-экономических процессов и промышленного освоения Сибири.¹ Большую роль в становлении

¹ Лисаускене М.В. Развитие Иркутской социологической школы / М.В.Лисаускене, Б.Л.Токарский, М.И.Яковенко // Российское

социологической науки в Сибири в этот период и на последующих этапах ее развития сыграла профессор, доктор экономических наук Н.М.Токарская. С именем Н.М.Токарской по праву связывается возникновение экономической социологической школы в Иркутской области (1962-1966 гг.).

По признанию иркутских ученых, Иркутская социологическая школа начинает свой путь в научном пространстве двух Иркутских вузов: Иркутского государственного университета (ИГУ) и экономического института (ИИНХА, ныне – БГУЭП – Байкальский государственный университет экономики и права).¹

Опираясь на данные Иркутского регионального отделения РОС, воспроизведем хронику основных событий в развитии иркутской социологии.

1965 г.: в Иркутском государственном университете при кафедре научного коммунизма впервые в Восточной Сибири была создана хоздоговорная лаборатория социологических исследований, специализирующаяся на проведении исследований для крупных промышленных предприятий.

1970-е гг.: интенсивно развиваются как вузовская, так и заводская социология, при этом большое внимание уделяется социальному развитию трудовых коллективов. В 1971 г. в Иркутском институте народного хозяйства создается социологическая лаборатория трудовых ресурсов, ныне – лаборатория социально-экономических исследований. Основные направления научной деятельности данной лаборатории Байкальского государственного университета экономики и права тесно связаны с вопросами формирования рынка труда в регионе и социальной защиты. В конце 1970-х гг. при заводе «Радиоприемник» была организована первая в Иркутской области социологическая отраслевая лаборатория, которая просуществовала 10 лет. В это время создаются социологические лаборатории на крупных промышленных предприятиях области – в Ангарске, Саянске, Братске, Усолье-Сибирском, которые сотрудничают с высшими учебными заведениями областного центра. Заводская социология, базирующаяся на предприятиях, просуществовала до перестроечных времен, с экономическим

общество социологов: Структура и основные направления деятельности.

– Тюмень, 2003. – С.35-39.

¹ Лисаускене М.В. Развитие Иркутской социологической школы / М.В.Лисаускене, Б.Л.Токарский, М.И.Яковенко.– С.36.

упадком предприятий социологические лаборатории были ликвидированы. Гибель заводской социологии в г. Иркутске и Иркутской области, как и в целом по России, была связана с развитием рыночных отношений и коммерциализацией социологии. В 1978 г. приказом ректора ИГУ была основана региональная лаборатория социологических исследований. Со дня основания и до настоящего времени лабораторией руководит кандидат философских наук, доцент М.В.Лисаускене.

1980-е гг.: социологическая наука – как фундаментальная, так и прикладная, – в г. Иркутске и Иркутской области продолжает развиваться. Проводятся ежегодные научные конференции и семинары, к участию в которых привлекаются специалисты и из других регионов. Появляются новые направления исследований – социология города, социология общественного мнения, социология образования и др. Долгие годы профессор Н.М.Токарская объединяет и координирует деятельность иркутских социологов. С середины 1980-х гг. лаборатория социологических исследований ИГУ проводит исследования в рамках целевой комплексной программы «Общественное мнение», входящей в число приоритетных и важнейших направлений научно-исследовательской работы Министерства высшего образования СССР. Лаборатория активно участвует в исследовании региональных проблем, сотрудничает с ведущими российскими и зарубежными социологическими и маркетинговыми центрами.

К концу 1980-х гг. получает развитие «административная» социология. В 1989 г. при Иркутском ГК КПСС и горисполкоме был создан социально-экологический центр, который занимался проведением прикладных социологических исследований, связанных с вопросами управления городом, разработкой социальной карты города.

1990-е гг.: наряду с вузовской и «административной» социологией в этот период получает развитие коммерческая социология. Так, в 1990 г. по постановлению губернатора Иркутской области при областной администрации был создан социологический хозрасчетный центр «Мнение», который со временем приобрел статус независимой научно-исследовательской организации, ориентированной на изучение общественного мнения, исследование деятельности промышленных предприятий Восточно-Сибирского региона. В настоящее время Центр успешно сотрудничает с крупными промышленными предприятиями области, областной и городской администрациями.

В 1994 г. в Иркутском государственном техническом университете была открыта специальность «Социология». До этого времени первый опыт подготовки кадров по специальности «Социология труда» в г. Иркутске принадлежал Иркутскому институту народного хозяйства. С 1998 г. начинает осуществлять подготовку социологов Иркутский государственный университет. Университетская социология несет большой научный потенциал, открывает широкие возможности для создания новых научных направлений.

Открытие факультета социальных наук в ИГУ в 1998 г. положило начало проведению многих исследований в регионе – как фундаментальных, эмпирических, так и прикладных. Большую роль в организации факультета сыграл доктор философских наук, профессор В.А.Решетников, со дня основания и по настоящее время – декан факультета, заведующий кафедрой социальной философии и социологии. В январе 1999 г. к факультету присоединилось отделение регионоведения под руководством профессора Ю.Ф.Абрамова, что усилило творческий потенциал факультета. В 2000 г. была открыта новая специальность – «Менеджмент в социальной сфере», позднее переименованная Министерством образования в «Менеджмент организаций». В структурном отношении факультет социальных наук ИГУ объединяет работу кафедр социальной философии и социологии, культурологии и управления социальными процессами, регионоведения и социальной экономики. Работают очное и заочное отделения, аспирантура по социологии управления, научно-производственный Центр «Регион». На факультете фактически локализованы Совет по защите докторских диссертаций по философии, Иркутское отделение Академии социальных наук, Иркутское отделение Российской социологической Ассоциации.

Факультет активно сотрудничает со специалистами областной администрации, муниципальных органов местного самоуправления, Главного управления социальной защиты населения области, психологических центров и др. Широкое развитие на факультете получает «управленческая» социология. Профессорско-преподавательский состав факультета имеет прямое отношение к разработке, принятию и реализации управленческих решений на областном и городском уровнях: осуществляет экспертизу областных государственных социальных проектов и программ, участвует в разработке социального паспорта по той или иной социальной проблеме и др. В процессе сотрудничества

факультет ориентирует на профессионализацию управленческих кадров, в том числе, в социальной сфере.

Таким образом, управленческий и собственно социальный аспекты (развитие социальной сферы, специфика социальной работы и социального обслуживания граждан в условиях рыночной экономики, профессионализация социальных работников на федеральном и региональном уровнях) обозначенного нами многоспектрального анализа состояния и путей развития Иркутской социологии на базе университетской социологии нацеливают на необходимость разработки современной концепции развития региональной социологии.

Системно-организационный аспект также имеет большое значение, отражая взаимосвязь социологии, социальной статистики, демографии и других дисциплин родственного и родного для социологии круга. Системно-организационный аспект, безусловно, отражает процессуальный и институциональный параметры развития науки и социальных изменений.

С учетом современных требований к социологической науке и накопленного ею наследия мы можем утверждать, что идеалы и нормы, в соответствии с которыми она развивалась до конца XX столетия, сегодня требуют пересмотра, в особенности на региональном уровне. Проведенный анализ показал, что приоритеты в развитии социологии изменились. Иркутской социологии еще предстоит стать «школой» при соответствующих предпосылках и основаниях, но это будет уже новая Иркутская социологическая школа.

На сегодняшний день приоритетными направлениями научной деятельности иркутских социологов являются: экономическая социология и социология труда (Н.М.Токарская, Т.Г.Озерникова, Т.Г.Бахматова, В.П.Беклемешев), социология организаций и управления (Л.Л.Антонова, М.И.Яковенко, Б.Л.Токарский, Т.И.Грабельных, Т.В.Хлопова), социология образования (М.В.Лисаускене, Т.И.Лихачева, Е.Н.Струк), социология культуры, духовной жизни (Т.И.Грабельных, В.С.Федчин), социология социальной сферы (В.А.Решетников, Т.И.Грабельных, Л.И.Сорокина), динамика социальной дифференциации (С.Б.Панин, М.П.Храпунков), этносоциология (В.Х.Харнохоев, М.И.Яковенко, А.И.Бобков), социология регионального развития (Ю.Ф.Абрамов), социология общественного мнения (М.В.Лисаускене, М.И.Яковенко, Т.И.Лихачева), геронто-социология (Л.Я.Сорокина), символический социализм (О.А.Кармадонов), социология

пространственных измерений (Т.И.Грабельных),
инвайронментальная социология (М.В.Лисаускене).

Как уже отмечалось, в г.Иркутске и Иркутской области накоплен большой научный потенциал, на уровне вузов проводится целенаправленная политика по его сохранению, развитию и использованию. От того, насколько грамотно мы готовы его использовать и развивать, зависит будущее иркутской социологии.

COMPUTATIONAL SOCIOLOGY В ИНСТИТУТЕ СОЦИОЛОГИИ

Давыдов А.А.,
доктор философских наук
Институт социологии РАН
(г.Москва)

В Институте социологии РАН под руководством автора с 1992 года¹ ведутся исследования в рамках computational sociology (вычислительной или компьютерной социологии). В данной статье кратко охарактеризован мировой уровень развития computational sociology и представлены основные результаты, полученные автором в рамках computational sociology.

Тенденции развития Computational Sociology. В последние годы за рубежом быстрыми темпами развивается computational sociology², которая обладает новыми и полезными возможностями для решения социологических теоретических, эмпирических и практических задач. Изданы многочисленные монографии, существуют специализированные журналы Journal of Artificial Societies and Social Simulation, Social Science Computer Review, действуют международные ассоциации Social Science Computing Association (SSCA), European Social Simulation Association (ESSA), проводятся конференции, посвященные компьютерной социологии, во многих зарубежных университетах, например, Гарварда (США), Массачусетса (США), Мичигана (США), Оксфорда (Великобритания), Манчестера (Великобритания), Гумбольта (Германия), Рима (Италия), Цюриха (Швейцария), Гронингена (Нидерланды), Порто (Португалия) на кафедрах социологии, social computer science (социальной компьютерной науки), computer science (компьютерной науки) существует спецкурс или специализация – компьютерная социология.

Компьютерная социология была создана для разработки и проверки социологических теорий, измерения различных социальных явлений, выявления принципов, законов и закономерностей строения и функционирования различных социальных явлений, процессов, социальных систем, прогнозирования социальных явлений и процессов, разработки рекомендаций по управлению различными социальными

¹ Давыдов А. А. Социология как метапарадигмальная наука // Социол. исследования. – 1992. – № 9. – С. 85-87.

² Цит. по: Давыдов А.А. Computational sociology: обзор зарубежного опыта // Социол. исследования. – 2004. – №9 (в печати).

явлениями, процессами, социальными системами с использованием компьютерных моделей, предназначенных для проведения имитационного компьютерного моделирования и анализа данных. Компьютерная социология располагается «между» теоретической и эмпирической социологией, являясь при этом разделом Social Computer Science (социальной компьютерной науки), которая, в свою очередь, является разделом Computer Science (компьютерной науки). Теоретическим базисом компьютерной социологии являются классические и современные социологические теории, компьютерные социологические теории, теории математической социологии, достижения Computer Science (компьютерной науки) и ее раздела Social Computer Science (социальной компьютерной науки), Neurocomputer Science (нейрокомпьютерной науки), Systems Science (науки о системах или системологии), Cognitive Science (науки о знаниях) и других современных дисциплин, в частности, в компьютерной социологии используются общая теория систем, теории глобалистики, регионов, организаций, городов, теории игр, самоорганизации, фракталов, детерминированного хаоса, сложности, когнитивных систем, клеточных автоматов, «нейронных сетей» и т.д.

Главным теоретическим понятием компьютерной социологии является понятие Artificial Society (искусственное общество), которое представляет собой реально функционирующую компьютерную систему, состоящую из одной или нескольких компьютерных моделей для проведения имитационного компьютерного моделирования. Таким образом, в отличие от традиционных классических социологических теорий, существующих в форме текстов, или математических социологических теорий, существующих в виде аксиом, математических формул и теорем, в компьютерной социологии теория – это реально функционирующая компьютерная система.

В последние годы в компьютерной социологии произошел переход от моделей «факторов», основанных на принципе социологического реализма и парадигме Equation-Based Modeling, включающей разнообразные математические численные модели, например, системы дифференциальных уравнений, описывающих взаимодействие между социальными явлениями (факторами), к парадигме Multi-Agent-Based Simulation, модели которой базируются на принципе социологического номинализма и локальной детерминации, а также следующих постулатах. Artificial Society (искусственное общество) является многоуровневой мультиагентной системой. В качестве «агента» могут выступать индивид, организация и т.д., что в целом близко

к традиционно используемому в теоретической социологии понятию «actor». Каждый «агент» имеет возможность принимать индивидуальные решения и действия, имеет неполную информацию или возможности и способности к решению проблемы и, таким образом, имеет ограниченную точку зрения, не имеется никакого глобального управления, «агенты» относительно автономны и децентрализованы, взаимодействия между «агентами» параллельны и асинхронны.

Одной из задач компьютерной социологии является верификация некоторых положений классических социологических теорий, например, структурно-функциональной теории Т.Парсонса, теории солидарности Э.Дюркгейма, символического интеракционизма, теории коммуникативного действия Н.Лумана, теорий рационального выбора, обмена, конфликтов, которые поддаются проверке в результате имитационного компьютерного моделирования. Проведенные многочисленные компьютерные имитационные эксперименты показали, что многие проанализированные положения вышеперечисленных классических социологических теорий являются ошибочными и представляют собой социологические мифы. Полученные результаты компьютерного моделирования подтверждают известное высказывание В.Парето: «История науки сводится к истории ошибок компетентных людей».

Прогресс в развитии Computational Sociology специалисты связывают с разработкой систем Artificial Social Intelligence (искусственный социальный интеллект), которые представляют собой компьютерную систему, в которой общество, организации, индивиды представлены как интеллектуальные «агенты», обладающие знаниями, эмоциями и способные к самообучению.

Компьютерное определение понятия «общество». Компьютерная социология предъявляет новые требования к социологическим теоретическим понятиям, в частности, конструктивность определения, под которой понимается возможность практической реализации данного определения с помощью какого-либо языка программирования и использования его в реально функционирующей компьютерной системе. С точки зрения компьютерной социологии существующие традиционные социологические определения понятия «общество» являются недостаточно конструктивными, поскольку не позволяют разработать адекватно функционирующую компьютерную систему, описывающую общество. Исходя из принципов общей теории систем и критерия конструктивности, принятого в

компьютерной социологии, автор¹ предлагает следующее новое определение понятия «общество», которое обобщает различные социологические определения понятия «общество» и которое следует рассматривать не как окончательное, а как предмет для дискуссии и постановки перспективных теоретических и эмпирических исследовательских задач в компьютерной социологии.

Общество – это определенный тип системы, состоящей из разнородных взаимосвязанных элементов и подсистем, свойств и отношений, созданной индивидами на основе механизма обратной связи, целью которой является реализация экстремальных принципов в жизнедеятельности индивидов с помощью законов, действующих в определенных границах.

Данное определение понятия «общество» можно рассматривать с точки зрения компьютерной гипертекстовой технологии как гипертекстовое определение понятия «общество», когда каждый термин в определении можно последовательно конкретизировать. Имеются основания полагать, что компьютерная система, описывающая общество, может состоять из многоуровневой геоинформационной гипертекстовой карты мира, изменяющейся в течение длительного периода времени; базы знаний, состоящей из известных свойств, отношений, законов и закономерностей, функционирующей в режиме обратной связи; иерархических множеств системных единиц с изменяемыми в процессе оптимизационного функционирования количеством системных единиц, их свойствами и отношениями. В какой мере признаки общества, используемые в данном определении, и пояснения терминов, а также предварительный перечень компонентов возможной компьютерной системы являются необходимыми и достаточными для разработки компьютерной системы? Для решения данных задач целесообразно воспользоваться разработанной А.Н.Чураковым методологией Social Software Engineering (инженерия социологического программного обеспечения). Данная методология представляет собой итеративную процедуру, когда происходит программирование компьютерной системы, затем проводятся эмпирические исследования и компьютерные эксперименты с использованием данной системы, по результатам которых изменяется компьютерная система, и данный процесс продолжается до тех пор, пока не будут выявлены основные

¹ Давыдов А.А. К вопросу об определении понятия «общество» // Социол. исследования. – 2004. – №2. – С.12-24.

содержательные закономерности, т.е. программирование компьютерной системы выступает в качестве метода исследования. Разработанная с помощью данной методологии и адекватно функционирующая компьютерная система, может быть, и будет являться современным социологическим компьютерным «определением» понятия «общество»?

Теория «социальных фрагментов» - общая социологическая теория. В рамках компьютерной социологии автором¹ была разработана общая социологическая теория «социальных фрагментов». *«Социальный фрагмент» – это онтолого-гносеологическая теоретическая модель, которая является системой, состоящей из трех взаимосвязанных иерархических уровней, а именно: уровня принципов, законов и социальных явлений.* Множество «социальных фрагментов» образуют «социальный фрагмент-коллаж», в котором объединены различные «социальные фрагменты» на основе принципов и законов композиции или на основе субъективных предпочтений социолога, вытекающих из целей, задач и других факторов конкретного социологического исследования. Между принципами и законами, между законами и социальными явлениями внутри одного «социального фрагмента» и между «социальными фрагментами» существует определенная мера когерентности (согласованности). Когерентность в широком смысле включает в себя принципы соответствия, подобия, дополнительности, комплементарности, синхронизацию во времени и т.д. Фундаментальными классами «социальных фрагментов» являются четыре класса, а именно классы, основанные на математической, гуманитарной, естественно-научной и системной парадигмах в социологии. Имеются теоретические и эмпирические основания полагать, что главной причиной возникновения, изменения, стабильности и исчезновения «социальных фрагментов» в обществе являются стремление и действия индивидов или групп индивидов к созданию и поддержанию оптимального уровня когерентности (согласованности) внутри «социального фрагмента» и между «социальными фрагментами». Многочисленные наблюдения показывают, что изменения «социальных фрагментов» наиболее вероятно происходят в сторону «ближайшего» «социального фрагмента» и определяются принципом экстремальности, а именно при экономии усилий, наименьшем

¹ Давыдов А.А. Теория социальных «фрагментов» – общая социологическая теория // Социол. исследования. – 2004. – №7 (в печати).

времени, наименьших изменениях и т.д. Более редко наблюдаются изменения «социального фрагмента» в сторону максимально удаленного «социального фрагмента», что также можно объяснить с помощью экстремального принципа, а именно стремления к максимуму, например, разнообразия между «социальными фрагментами». Предложенная теория «социальных фрагментов» изначально планировалась автором таким образом, чтобы ее можно было использовать в компьютерной социологии. В частности, можно составить коллекцию «социальных фрагментов» и использовать тип правдоподобных рассуждений Case Based Reasoning (рассуждение на примерах), который используется в компьютерных системах искусственного интеллекта для вывода новых знаний, а также осуществить автоматическое составление целостных и содержательно осмысленных «социальных фрагментов» на основе различных парадигм и вытекающих из них критериев. Теория «социальных фрагментов» позволяет осуществить системный синтез классических социологических теорий, использовать для предсказания ранее неизвестных социальных явлений, законов и принципов, в практике социального управления, проведения рекламных и PR-акций и т.д., в частности, для создания и изменения «социальных фрагментов» с помощью управленческих воздействий на уровень когерентности внутри «социальных фрагментов» и между «социальными фрагментами».

Теория социологических алгоритмов. В настоящее время в компьютерной социологии используют различные классы компьютерных алгоритмов¹, например, гибридные алгоритмы, которые включают в себя некоторые положения классических социологических теорий, социологических компьютерных теорий и алгоритмы из других научных дисциплин. В рамках данного класса в последние годы развиваются концепции Social Computing (социальное «вычисление») и Social Programming (социальное программирование), которые основаны на системах программирования SWARM, Moduleco, MIMOSA, CORMAS, Repast, LSD, Ascape, MadKit, SDML и т.д.

Автор предлагает следующее определение социологического алгоритма. *Социологический алгоритм – это однозначно определенная совокупность предписаний (конечная последовательность точно определенных действий), приводящих*

¹ Цит. по: Давыдов А.А. Теория социологических алгоритмов // Социол. исследования. – 2005. – №1 (в печати).

к достижению результата (решению поставленной социальной задачи).

Социологический алгоритм описывается семью параметрами: 1) совокупность возможных исходных данных, 2) совокупность возможных результатов, 3) совокупность возможных промежуточных результатов, 4) правило начала, 5) правило непосредственной переработки, 6) правило окончания, 7) правило извлечения результата. Основные свойства социологических алгоритмов – массовость, эффективность, польза (ущерб). Основные классы социологических алгоритмов – явные, латентные, индивидуальные, групповые, национальные, государственные, мирового сообщества, управленческие, вероятностные, самоорганизующиеся и т.д. На основании проведенных исследований можно выдвинуть следующий тезис.

При решении большинства задач Homo sociologicus (человек социологический) действует как алгоритмически устроенный человек, реализующий простые детерминистские алгоритмы, основанные на принципе оптимальной экстремальности, в алгоритмически устроенном обществе.

Принцип оптимальной экстремальности выражается в том, что происходят не абсолютная максимизация значений положительных для индивида показателей (эмоции, чувства, смыслы, материальные и духовные продукты и т.д.) и минимизация значений отрицательных показателей, а только оптимальная экстремальность в пределах объективно существующих или воображаемых индивидом ограничений.

Можно полагать, что основной социологический алгоритм основан на системном синтезе гуманитарной, естественно-научной и математической парадигм в социологии и системном представлении об обществе¹, представляя собой комбинацию и параллельное многоуровневое функционирование вспомогательных алгоритмов сохранения и развития, индивидуальных и коллективных алгоритмов, где основным правилом переработки исходных данных в результат является контекстуальное (зависимое от других людей, организаций, норм, символов и т.д.) полезное и оптимальное «вычисление». Данное «вычисление» автор обозначил как Sociological Computing (социологическое «вычисление»), которое включает в себя, как частные случаи, различные классы «вычислений», использующиеся в социологических компьютерных алгоритмах. В

¹ Давыдов А.А. К вопросу об определении понятия «общество» // Социол. исследования. – 2004. – № 2. – С.12-24.

частности, Digital Computing (числовые вычисления), Symbolic Computing (символьные вычисления), Neuro Computing (нейровычисления), Soft Computing («мягкие» вычисления), Affective Computing (эмоциональные вычисления), Context Computing (контекстуальные вычисления), Qantun Computing (квантовые вычисления), Deep Computing («глубокие» вычисления), Parallel Computing (параллельные вычисления) и т.д.

Многочисленные исследования показывают, что для российского государства массовым являлся алгоритм, основанный на принципе «государство важнее индивида», т.е. экономический, индустриальный и военный рост России всегда имел приоритет над правами и свободами граждан России, а граждане России относились к государству патерналистически. При этом массовым алгоритмом государственного управления являлся авторитарный алгоритм решения задач общества. Массовым социологическим алгоритмом поведения россиян на протяжении длительного периода времени являлся алгоритм, основанный на принципах коллективизма («один за всех и все за одного», «побеждают (проигрывают) все», «все получают поровну», «быть как все» и т.д. Среди российских социологических алгоритмов выделим также массовый алгоритм решения социальных задач индивидами, группами индивидов, государством, который основан на принципе силы: «кто сильнее, тот и прав», а также массовые алгоритмы, основанные на вере в другого человека, в общество, в идеал. Российским алгоритмом успеха являлся алгоритм, основанный на принципах везения, родственных и дружеских связей, «не подмажешь, не поедешь» и т.д. В целом имеются основания полагать, что массовым российским социологическим алгоритмом, для большинства решения социальных задач, является алгоритм, который основан на принципах сохранения, принципе «пока гром не грянет, мужик не перекрестится», который можно классифицировать, как пассивный адаптивный алгоритм. Также имеются основания полагать, что данный массовый социологический российский алгоритм относится к классу латентных социологических алгоритмов, изначально заданных для российского общества. В этой связи отметим, что Россия всегда отставала от развитых стран мира, в частности, в 2000-2002 гг. по значению Human Development Index (индекс человеческого развития), который используется в глобальной международной программе ООН Millenium Development Goals (цели тысячелетия для развития человечества)¹, Россия занимала 60-е место в мире, в

¹ Human Development Report. 2002. Oxford.: Oxford University Press,

значительной мере, с точки зрения автора, потому, что массовым российским социологическим алгоритмом является латентный пассивный адаптивный алгоритм, основанный на принципах сохранения.

Системы Soft Computing. В 1991 году по инициативе группы математиков из Университета Беркли (США) был предложен термин «soft computing» («мягкие» вычисления), который объединяет Fuzzy Sets («нечеткие» множества) Л.Заде, анализ «вербальных» чисел, анализ «грубых» чисел, анализ «мягких» чисел, нейровычисления, основанные на «нейронных» сетях», интервальные вычисления, генетические алгоритмы, квантовые вычисления, вероятностные рассуждения и некоторые другие неклассические вычисления. «Мягкие» вычисления, в отличие от hard computing («жесткого» вычисления), терпимы к неточности, неуверенности, частичной правде и приближению. Л.Заде полагает, что образцом подражания для «мягкого» вычисления является человеческое мнение, а руководящий принцип «мягкого» вычисления можно сформулировать следующим образом. Терпимость к неточности, неуверенности, частичной правде и приближению позволяет достичь легкости в анализе данных, устойчивости к ошибкам и низкой стоимости решения. В целом «мягкие» вычисления основаны на принципах вероятности, оптимизации, компьютерных вычислениях и множественности, в частности, здесь используются не какая-либо одна математическая функция или модель, а различные семейства функций и моделей. Потребность в «мягких» вычислениях была обусловлена, во-первых, ограниченностью традиционных математических методов «жесткого» вычисления для решения сложных, слабоструктурированных и слабоформализованных задач, которые часто встречаются в практике, во-вторых, возросшим интересом математиков к решению задач, возникающих в Cognitive Science (когнитивной науке), в частности, к психологическим механизмам переработки информации человеком, в-третьих, развитием Neurocomputer Science (нейрокомпьютерной науки) и разработкой экспертных систем, основанных на искусственном интеллекте (ИИ). В настоящее время «мягкие» вычисления активно применяются в естественных, гуманитарных и технических дисциплинах и широко используются в практике.

Значение «мягких» вычислений для эмпирической социологии состоит в следующем. Многие задачи анализа и

прогнозирования социальных явлений, процессов, социальных систем являются сложными, слабоструктурированными и слабоформализованными задачами. В опросах общественного мнения и экспертных опросах источником информации является респондент, психологические механизмы переработки информации у которого в большинстве случаев не соответствуют принципам «жестких» вычислений, а в большей мере соответствуют принципам «мягких» вычислений. Кроме того, известно, что разные респонденты используют различные субъективные когнитивные правила формирования субъективных оценок.

В Институте социологии РАН автор разрабатывает методы «soft computing»¹ для интервального анализа социальных систем и для изучения мнений экспертов и респондентов. Так, например, автор, проводя экспертные опросы по политической проблематике, обнаружил следующий эффект в оценках экспертов, оценивающих вероятность противоположных событий, а именно $P(A) + P(\bar{A}) \neq 1$, где $P(A)$ – вероятность наступления события A , $P(\bar{A})$ – вероятность ненаступления события A . Наблюдаемый эффект не соответствует классической теореме о сумме вероятностей противоположных событий. Для анализа субъективных вероятностей, автор с помощью пакета NeuroSolution (версия 4.21) построил и обучил максимально «мягкую» нейронную сеть, а именно CANFIS Network, основанную на Fuzzy Logic («нечеткой» логике), функции принадлежности Белла, модели TSK Сугено, SoftMaxAxon («мягком» аксоне). На рисунке 1 представлена блочная архитектура построенной «нейронной» сети.

¹ Давыдов А.А. Интервальный анализ социальных систем // Социол. исследования. – 1997. – №11. – С. 96-100.

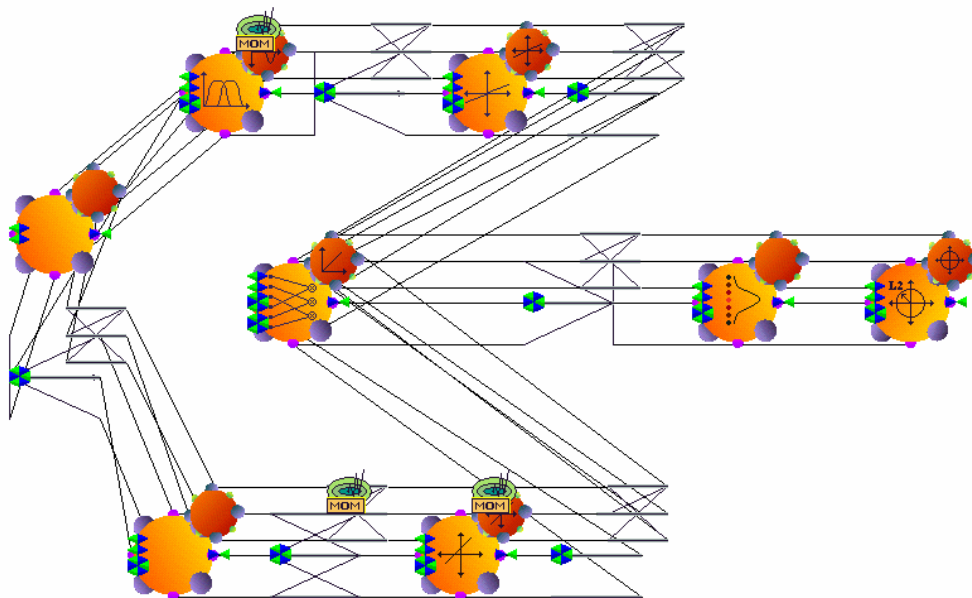

Рис.1. Блочная архитектура построенной CANFIS Network

Обучение построенной нейронной сети осуществлялось с помощью генетического алгоритма со следующими характеристиками. Количество эпох – 3000, размер популяции – 300, количество поколений – 150, оператор селекции -Roulette («рулетка»), вероятность кроссовера – 0.9, вероятность мутации – 0.01. После обучения «нейронная» сеть практически точно (максимальная абсолютная ошибка составила 0.01) аппроксимировала модельные данные. Обученная сеть может быть использована для прогнозирования значений субъективных вероятностей, которые выдают эксперты.

Системы Data Mining. Одной из традиционных проблем российской социологии является недостаточная подготовка социологов в области эмпирического анализа данных. Вследствие этого анализ эмпирических данных проводится, как правило, с помощью ограниченного количества относительно простых методов и в достаточной мере поверхностно. В этом легко убедиться, просмотрев публикации в ведущем российском социологическом журнале «Социологические исследования» за 1995-2004 гг. В этой связи представляется целесообразным рекомендовать российским социологам, проводящим эмпирический анализ данных, использование компьютерных систем Data Mining («извлечение знаний»), поскольку они работают в автоматическом режиме и позволяют даже

неподготовленному социологу быстро извлечь много новой и полезной информации из собранных эмпирических данных. Более того, многочисленные эксперименты показывают, что в подавляющем большинстве случаев компьютерные системы Data Mining быстрее и глубже анализируют эмпирические данные, дают более точные прогнозы, позволяют находить новые, нетривиальные и эффективные способы решения управленческих задач по сравнению с человеком, владеющим солидной математической подготовкой и обладающим хорошими навыками анализа данных и принятия управленческих решений.

За рубежом системам Data Mining посвящено большое количество публикаций. Так, например, на сайте (<http://www.amazon.com>) в начале 2004 года имелись в продаже монографии, учебники, справочные пособия по Data Mining (шт.32951). По Data Mining издаются международные специализированные журналы, например, Data Mining and Knowledge Discovery, Knowledge and Information Systems. Компьютерные системы Data Mining разрабатывают корпорации IBM, Microsoft, Фуджицу; компании, специализирующиеся на разработке компьютерных систем для анализа данных, например, SAS, SPSS, STATISTICA и т.д.; множество компаний, специализирующихся на разработке систем Data Mining; научные коллективы на кафедрах Computer Science (компьютерной науки) в зарубежных университетах. Существуют сотни компьютерных систем Data Mining, например, CART, MARS, HotSpotDetector, TreeNet¹, победившие в Кубке KDD 2000 (Knowledge Discovery and Data Mining) среди более чем 170-ти систем и получившие в 2003 году награду Стенфордского Университета (США) за точность прогнозирования, множество компьютерных систем «нейронных» сетей, например, NeuroSolution, NeuroShell, BrainMaker и т.д. По Data Mining проводятся ежегодные международные конференции, например, International Conference on Knowledge Discovery and Data Mining, на международной конференции IEEE International Conference on Data Mining (2003) на ниже перечисленных секциях рассматривались следующие аспекты Data Mining:

- Основы Data Mining.
- Data Mining и алгоритмы машинного обучения, методы традиционного анализа (классификация и кластерный анализ,

¹ Давыдов А.А., Игнатов А.И. КСЕНИЯ – компьютерная система для прогнозирования социальных систем // Тезисы II Международной конференции «Циклические процессы в природе и обществе». – Ставрополь, 1994.

регрессия, статистическое моделирование, ассоциативный анализ и т.д.) и нетрадиционного анализа (фрактальный анализ, вейвлет-анализ и т.д.).

- Data Mining текстов, полуструктурированных данных, пространственных временных и мультимедийных данных.

- Data Mining потоковых данных.

- Распознавание образов и трендовый анализ.

- Данные и представление знаний для Data Mining.

- Языки запросов и пользовательские интерфейсы для знаний.

- Сложность, эффективность и простота выводов в Data Mining.

- Предварительная обработка данных (сокращение размерности данных, отбор и трансформация данных, заполнение пропущенных значений).

- Результаты вторичного анализа Data Mining.

- Методы Data Mining для больших объемов информации.

- «Мягкие» вычисления («нейронные» сети, нечеткая логика, эволюционные вычисления, «грубые» множества и неопределенное управление).

- Интеграция data warehousing (систем хранения данных), OLAP (On-line Analytical Processing) и Data Mining.

- Взаимодействие человек – компьютер и визуализация Data Mining.

- Высокоскоростные, параллельные, распределенные системы Data Mining.

- Оценка качества и сравнения результатов Data Mining.

- Приложения Data Mining в различных областях знания.

В целом можно сказать, что Data Mining – это развитая индустрия анализа данных или индустриальный анализ данных, поскольку многие системы Data Mining предназначены для использования в крупных информационно-аналитических центрах.

В Институте социологии РАН под руководством автора ведется разработка систем Data Mining. Так, например, А.Игнатов¹ разработал компьютерную систему КСЕНИЯ для автоматического выявления закономерностей и прогнозирования качественных временных рядов, Д.Дубренский² разработал компьютерную

¹ Давыдов А.А., Игнатов А.И. КСЕНИЯ – компьютерная система для прогнозирования социальных систем.

² Давыдов А.А., Чураков А.Н. Модульный анализ и моделирование

систему для автоматического выявления количественных закономерностей ALEX (версия 2.0), А.Н.Чураков¹ разработал систему для автоматического выявления закономерностей в текстах и экспертно-диагностическую систему МАКС (версия 3.1)², в которой реализована система Data mining, включающая в себя преобразование исходных данных, автоматическую идентификацию классов частотных распределений, выявление прямо пропорциональных, аддитивных, мультипликативных и иных классов закономерностей, автоматическое прогнозирование. Пример использования системы Data Mining из экспертно-диагностической системы МАКС (версия 3.1), для выявления закономерностей в мониторинге общественного мнения ВЦИОМ, опубликован.³ Напомним, что методом полного перебора было установлено, что в данных мониторинга общественного мнения ВЦИОМ за период 1994-2001 гг. существуют 191169 аддитивных законов вида $y = x_1 + x_2$, где y, x_1, x_2 – доли ответов респондентов на градации вопросов мониторинга и 5447 мультипликативных закономерностей вида $y = x_1 \times x_2 \times x_3 \times x_4 \times x_5$, где $y, x_1, x_2, x_3, x_4, x_5$ – доли ответов респондентов на градации вопросов мониторинга. Таким образом, были выявлены два математических закона – закон аддитивности и закон мультипликативности. Далее с помощью компьютерной системы МАКС было установлено, что данные математические законы определяются двумя локальными принципами – системным принципом динамического равновесия системы общественного мнения и гуманитарным принципом неблагоприятной социально-экономической ситуации в России в данный период времени. Таким образом, была выявлена структура данного «социального фрагмента». Составить представление о новизне, пользе и наглядности результатов, полученных с помощью нетрадиционных методов анализа, использующихся в некоторых системах Data Mining, можно также на примере вейвлет-анализа⁴ социальных процессов. В целом можно обоснованно утверждать, что практически для любых эмпирических данных и большинства типичных задач анализа в

социума. – М., 2000.

¹ Чураков А.Н. Компьютерный контент-анализ. – М., 1997.

² Давыдов А.А., Чураков А.Н. Указ.соч.

³ Давыдов А.А., Чураков А.Н. Системный подход к анализу данных мониторинга общественного мнения // Социол. исследования. – 2002. – №7. – С.131-138.

⁴ Давыдов А.А. Вейвлет-анализ социальных процессов // Социол. исследования. – 2003. – №11. – С. 117-123.

эмпирической социологии можно найти одну или несколько систем Data Mining, с помощью которых даже неподготовленный социолог может быстро получить много новой и полезной информации, глубоко и полно проанализировать собранные эмпирические данные, сделать плодотворные содержательные выводы и разработать точные прогнозы.

В заключение отметим, что работы в области computational sociology позволили автору разработать новые социологические компьютерные теории, новые методы анализа социальных систем, выявить ранее неизвестные законы социальных систем¹ и успешно их использовать в прогнозировании электорального поведения избирателей, поведения потребителей, разработке сценариев PR-акций, сценариев развития России на длительную перспективу.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ИНТЕРАКТИВНОСТЬ КАК СПОСОБ ПОЗНАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Круглянина О.Н.,
кандидат социологических наук
Сибирский юридический
институт МВД России
(г.Красноярск)

Разница между мышлением неандертальца и мышлением человекообразной обезьяны, вероятно, была количественно невелика. Но в их отношениях с природой она была поистине огромной: животное продолжало бездумно подчиняться природе, человек же вдруг начал вопрошать. А для того, чтобы спрашивать, необходимо наличие двоих: вопрошающего и того, к кому обращены вопросы. Представляя единое целое с природой, животное не может обращаться к ней с вопросами. Для того, чтобы мог произойти этот переход от пассивной бессознательности к вопрошающему сознанию, необходим был раскол, разрыв, необходимо было вырваться из природы. Животным не нужны мифы и амулеты, им неведомо собственное невежество. Но разве мог ум человека, вырвавшегося из природы, не погрузиться сразу же во мрак, не испытать ужаса? Он почувствовал себя одиноким, предоставленным самому себе,

¹ Давыдов А.А. Системный подход в социологии: законы социальных систем. – М., 2004.

смертным, абсолютно невежественным – единственным животным на земле, которое знает лишь то, что ничего не знает.

С незапамятных времен люди смотрели на звездное небо, благоговейно любовались мерцанием бесчисленных миров. Величие Космоса поражало человека с самого начала его присутствия на Земле, погружало в думы о необъятности Вселенной, о беспредельности космического пространства.

Ум человека поражался этой беспредельности. Но также он никак не мог вообразить себе Космос предельным. Даже допустив, что существует где-то предел пространству, человек вопрошал: Что же находится за этим пределом? Если не пространство, то что именно? И каждый раз ум человека вынужден был признать – Космос не может иметь пределов, космическое пространство простирается беспредельно.

Но и вполне постичь беспредельность человеческий ограниченный ум тоже не в состоянии. Так и остается Космическая Беспредельность непостижимым понятием, перед которым немеет разум человека.

Дума о Беспредельности Космоса в пространстве невольно вызывала мысль и о Вечности его во времени. Так возникли древнейшие из древних вопросов: Было ли когда-то начало Вселенной? Будет ли ее конец? Или все это существует вечно? И остается таким же вовеки?

Человеку мучительно хотелось узнать об этом, раскрыть тайну происхождения миров, тайну космической вечности. Люди уходили в пустыни, удалялись в горы – становились отшельниками, чтобы никто не мешал им сосредоточиться на размышлениях о коренных вопросах Бытия. И они думали, думали. Легенды говорят о том, что напряженное, сосредоточенное, постоянное мышление тех, кто отказался от удовольствий обычной жизни ради познания тайн Космоса, притягивало пространственную мысль – они начинали слышать голос Безмолвия.

Знание о Космосе накапливается человечеством медленно. В течение веков человек открывает законы природы, законы космические.

Эти законы существовали и тогда, когда человек еще не знал о них. И сейчас есть законы, которые человечеством еще не открыты. То, что мы уже знаем, есть наше знание. То, чего мы еще не знаем, является для нас тайной. Но то, что для нас еще тайна, для кого-то является знанием – в Космосе, возможно, есть Существа, которые знают больше.

Знать что-то, значит, мыслить об этом. Так создаются мысли, и они живут независимо в пространстве. Пространство наполнено образами Истины, мы называем их идеями. Каждая пространственная мысль может быть достоянием человека. Искры знания могут открыть все тайны существования. Те, кто может напрячь свою психическую энергию в ритме пространственных энергий, проникнут в сокровища Знания. Пространственная мысль проявляется для ученого интуицией, для поэта – вдохновением, для ищущего – озарением.

Каждая легенда содержит нечто необычное. Не ведет ли эта необычность дух человеческий поверх сумерек механического стандарта? Легенда освобождает нас от подавляющих условий каждодневной рутины, обновляет наше мышление, позволяет погрузиться в новые глубины познания.

Вот как рассказывают легенды Космоса в Учении Живой Этики (Агни Йоги) о зарождении Вселенной:

«Чем же начинается Великое Зарождение Космической Жизни? Когда пробил час, из Неведомого и Непознаваемого Абсолюта – Парабрамана, из Беспричинной Причины всего сущего первой к Бытию возникает Первопричина Космоса, Великая Божественная Сущность, именуемая ЛОГОС – первое СЛОВО, раздающееся из Безмолвия. Это первый Звук, посредством которого зачинается Вселенная. Это вибрация, или движение Божественной Энергии, которая является одновременно и Светом, ибо Свет есть движение Материи, которая дает начало длиннейшему процессу созидания Вселенной.

Прежде чем начать работу над Вселенной, Логос создает на Плате Божественной мысли проект всей системы этой Вселенной, какой она должна быть с начала и до своего конца. Он создает все прообразы сил и форм, эмоций, мыслей и интуиций и определяет, как и через какие стадии каждый из них должен осуществиться в эволюционной схеме Его системы».

Таким образом, до возникновения Вселенной вся ее целостность заключается во Вселенском Разуме Логоса, существует в нем как идея.

Первичным материалом для Космической Материи является Пракосмическая Субстанция – непроявленная девственная материя. В восточных легендах она называется Мула Праkritи, что значит Корень Материи. Эта растворенная материя – невообразимо разреженная тонкая субстанция. Из нее создаются все виды Космической Материи – от тончайшего до самого грубого.

Легенды различают семь состояний Космической Материи – семь степеней тонкости ее. Из них только седьмое – самое низшее, самое грубое состояние – видимо физическим глазом: это материя нашего физического мира. Шесть высших состояний невидимы и нашим физическим чувствам недоступны.

«Каждое из семи состояний Космической Материи образует свою особую Космическую Сферу, свой особый план. Бесчисленные мириады первичных атомов и их комбинаций образуют Духо-Материю высочайшей (или первой) Сферы, называемой «Миром Божественным».

Затем Логос строит атомы следующей, второй сферы вокруг некоторых атомов первой сферы, образуя спиральные вихри из грубейших комбинаций материи той же сферы. Эти более грубые атомы образуют Космическую Материю второй сферы, называемой "Миром Монадическим".

Об этих двух наивысших Космических Сферах легенда говорит как о недоступных нашему пониманию, поэтому о них ничего неизвестно.

Кое-что известно о следующих двух сферах – третьей, называемой «Миром Духа», или «Миром Нирваны», и четвертой, называемой «Миром Блаженства», или «Миром Интуиции».

Значительно больше известно о пятой и шестой сферах – это уже сферы, доступные человеку. Пятая называется «Миром Огненным», а также «Миром Мысли», шестая – «Миром Тонким», или «Миром чувств, эмоций, желаний». Уже сами названия этих миров показывают, что они являются «человеческими».

И седьмая сфера – это наш физический мир – «Мир Плотный».

Каждая сфера – это область, заключающая в себе Духо-Материю, в основе всех комбинаций которой лежат определенного рода атомы. Эти атомы – однородные единицы, оживленные жизнью Логоса, скрытые под большим или меньшим числом покровов, в зависимости от сферы, к которой они принадлежат.

Во внутренних силах, которые скрыты в Духо-Материи физического мира, как бы завернуты в ней, коренится возможность эволюции. Весь процесс эволюции есть не что иное, как развертывание этих сил.

Слово «Духо-Материя» указывает на то, что в мире нет такой вещи, как «мертвая материя». Вся материя живет. Нет Духа без Материи и нет Материи без Духа. То и другое соединено: материя есть форма, дух есть жизнь. Даже Логос, проявляясь, облекается во Вселенную, которая и служит для Него формой.

У кого же появится сомнение, что в каждом земном предмете выражается чья-то воля? Без воли не создать земного предмета и не привести его в движение. Так на Земле, значит, так и в Высшем мире. Планета как земная твердь, так и целые системы небесных тел также нуждаются в импульсе воли. Нужно только осознать значение Воли, значение Мысли, значение великой Энергии».

Любой элемент, являющийся частью материального мира, окружен вибрациями. Звук, цвета, свет, минералы, люди и все сущее вибрирует на различных энергетических частотах. Между этими различными энергиями существует также феномен интерактивности.

Так, например, когда энергетические силы кварца или другого камня сливаются с нашей собственной жизненной энергией, такое слияние может привести к возникновению новой вибрационной силы. Если вибрационные силы человека встречаются с вибрационными силами драгоценного камня, то между ними естественным образом устанавливается гармония, что позволяет этому человеку возвести свои силы и энергии на более высокий уровень высшего сознания.

Человеческое тело функционирует по принципу электромагнетизма: когда мы касаемся рукой какого-нибудь предмета, через нас проходят электрические импульсы, наши пальцы улавливают вибрации, которые попадают сначала в нашу нервную систему, а затем в мозг, где этот предмет идентифицируется и анализируется.

Помимо этих импульсов на человека воздействуют внешние энергетические поля. Это энергии эфирного, эмоционального и мысленного полей, которые нас окружают, но которые мы не видим.

Эфирное поле: наш эпидермис окружен защитной оболочкой лучеиспускающей энергии, которая включает в себя энергии Солнца и Земли, энергии, которые затем питают нашу физическую структуру.

Астральное поле (это эмоциональная оболочка): оно накапливает такие чувства, как страх, смелость, радость, грусть, любовь, ненависть. Высвобожденные чувства передаются затем физическому полю. Большую активность астральное поле проявляет во время нашего сна.

Умственное поле (поле мысли): проявление нашего сознания, организация мысли. Умственное поле является стабилизирующим фактором двух других полей – эфирного и эмоционального. Оно задействует «активный разум», дисциплину, память, суждение и

рассудительность для того, чтобы оценить и обработать информацию.

Нарушение энергетического поля оказывает прямое воздействие на физическое поле. Эти поля состоят из атомов, вибрирующих на разных уровнях, совокупность этих вибраций составляет ауру человека, увидеть которую способны только люди, наделенные даром ясновидения. Другие три энергетических поля человека еще труднее разглядеть.

Если поведение животного зависит от его инстинкта, то человеку свойственно иметь сознание: он обладает ощущением своего собственного существования, способен воспринимать свои действия и чувства.

Принято считать, что самосознание включает в себя три формы сознания, которые оживляют человека и управляют им. Эти формы, тесно связанные с энергетическими полями, оказывают друг на друга постоянное взаимодействие.

Физическая форма: связана с нашим сознанием, заставляет нас следить за нашим телом как в питании, так и в гигиене. В материальном обществе, членами которого мы являемся, сознание занимает решающее значение. Воспитание, которое мы получаем в детстве, придает ему определенную структуру. Сознание пытается управлять всем: отношениями, работой, досугом и т.д. Но при каждом новом эксперименте оно взывает к памяти, чтобы найти решения проблемам, которые оно встречает, и собирает информацию на уровне подсознания.

Психические формы: эфирная, астральная и умственная. Эти три формы особым образом связаны с подсознанием, роль которого состоит в том, чтобы воспринимать, с одной стороны, ощущения материального мира (с помощью сознания), а с другой – ощущения материального мира (с помощью суперсознания – нашего внутреннего Проводника).

Прежде чем достигнуть рационального и материального сознания, влияние разума проходит сначала через подсознание. И наоборот, чтобы достигнуть разума, материальное сознание должно пройти сначала через подсознание.

Духовная форма: связана с подсознанием, которое является небесной Искрой внутри нас. Эта форма устанавливает связь между сознанием человека и высшими принципами, позволяющую ему экспериментировать с созидательной силой Разума, Любви и Небесной Мудрости.

Каждый человек скрывает в себе тайны изобретательности, которые готовы проявиться в любой момент, но он может не осознавать присутствия этих качеств и способностей у себя, так

как все зависит от того, насколько гармоничны энергии его различных полей.

Таким образом, человек, являясь микрокосмосом, в то же время является и частью Вселенной и вступает во взаимодействие с ней.

ИСТОРИЯ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Нагорный Н.Н.
Сибирский юридический институт
МВД России
(г.Красноярск)

Цель данной статьи – определить специфику и особенности социально-философского исследования прошлого.

История предстает для нас в двух формах. С одной стороны, как форма существования и развития человеческого общества в пространстве – времени, с другой – как знание об этом развитии. Разницу между исторической действительностью и знанием о ней можно обозначить как разницу между «историческим процессом» и «историческим познанием». Существенное отличие между процессом и познанием состоит в их временном качественном различии. Процесс устремлен из настоящего в будущее, познание – из настоящего в прошлое. Но, несмотря на разнонаправленность движения процесса и познания, они схожи тем, что открыты для будущего, процесс – в силу объективных причин, познание – в силу субъективных (субъект познания изучает прошлое, чтобы понять свое настоящее).

История как наука «изучает прошлое во всем многообразии его диахронных и синхронных проявлений: общество, власть, традиции и тенденции, события и их взаимосвязи, поведение индивидуумов и социальных групп, творчество отдельных личностей, стереотипы социального сознания и поведения». То есть история – комплексная дисциплина, стремящаяся изучать историческую реальность во всей ее конкретности и многообразии, исходя из наличных источников.¹

Предметом исторического познания является определенная область или сфера проявления себя человеком. Объект

¹ См.: Хвостова К.В. История: проблемы познания // Вопросы философии. – 1997. – №4. – С. 61-71.

исторической науки неизменен – это человеческое общество в своем становлении и развитии, а вот предмет изучения исторически изменчив и актуализируется как современным общественным развитием, так и развитием самой науки.¹

Спецификой исторического познания в структуре гуманитарных дисциплин является то, что ее объект познания — прошлое не представлен в настоящем в своем чувственно - наглядном виде и поэтому познанию прошлого свойственны такие черты, как **ретроспективность, реконструктивность и интерпретативность.**

Ретроспекция как инструмент познания имеет ряд положительных качеств. Прежде всего потому, что событие, на которое обращено наше внимание, произошло, и нам известны его вероятностные причины и следствия, а также разные оценки. Время не является помехой для исторического познания, наоборот, временное «отстояние» необходимо для более обстоятельного изучения динамики общественного развития потому, что субъект социального познания в большей степени ангажирован настоящим, являясь одновременно и субъектом социального действия. Он вовлечен в общественное бытие, что способствует аберрации зрения, когда явления второстепенного порядка будут казаться основными, скрывая главное.

Время, удаляя от нас некое событие, показывает нам его истинную цену. Все второстепенное уходит, размывается. «Лишь отмирание всех актуальных связей, – считает Гадамер, – делает зримым подлинный облик, сущность и содержание предмета или явления, создавая возможность для понимания претендующее на обязательность и всеобщность».²

Временное «отстояние» представляет позитивное условие исторического понимания, инструмент отделения ложных

¹ Исходя из предметной установки, историческое знание классифицируют по: степени охвата изучаемых явлений, выделяя всемирную историю и различные региональные виды истории, истории отдельных народов и государств.; принципу членения изучаемого процесса на отдельные эпохи и периоды (до - история, античность, средние века, новое и новейшее время), имеющие свои качественные свойства; способам производства или господствующей системы ценностей (первобытно-общинная – рабовладельческая – феодальная – капиталистическая по К.Марксу или сенсорная, идеонациональная и идеальная по П.А.Сорокину); выделению отдельных видов специализированной деятельности (военная история, история науки, история религии, и т.д.).

² Гадамер Г.- Г. Истина и метод. – М., 1991. – С.352.

предпосылок от истинных. Историк, опираясь на источники, может рассматривать исторические события и процессы как с внешней, так и внутренней стороны, выявлять не только причины, но и следствия. Однако при этом субъект познания не должен терять из виду следующее: а) историческую перспективу своего времени и б) историческую перспективу изучаемой им действительности. Соблюдение этих условий в значительной мере поднимает уровень объективности исторических знаний и степень их востребованности в качестве социального опыта для современного общественного развития.

Ретроспекция идет рука об руку с реконструкцией, потому что прошедшее, уже ставшее бытие, представлено в настоящем фрагментарно, в виде осколков – результатов материальной и духовной деятельности человека и общества. Именно источники, благодаря содержащейся в них информации об общественно-историческом развитии, являются своеобразными посредниками между прошлым и настоящим. Но ретроспекция и реконструкция исторического развития – весьма сложные и по своему замыслу, и по осуществлению гносеологические операции, нуждающиеся в интерпретации.

Интерпретация как операция мышления, как феномен духовно-познавательной деятельности человека дает возможность изучать прошедшее, уже ставшее общественное бытие, силой мышления и воображения, восстанавливать его, познавать закономерности общественного развития, понимать исторические события, выявлять их смысл и значение.

Главная задача исторической науки – дать знания о развитии общества. Целью исторического познания является выработка этого знания. Объектом изучения выступают становление и развитие различных социальных институтов (историческая реальность). Объект исторической науки отделен от исследователя непреодолимым барьером времени и недоступен для непосредственного восприятия и для преобразовательной деятельности субъекта познания, как это имеет место в других науках, прежде всего в естествознании. Объект исторического исследования – нечто прошедшее, свершившееся – может быть рассмотрен через «превращенные формы», которые нужно расшифровать и невозможно изменить. Скажем, при всем желании хоть как-то повлиять на процессы, происходившие в российской истории в феврале – октябре 1917 года, мы не в силах их изменить. Событие уже произошло. Наша задача состоит в осмыслении и оценке этого и последующих за ним событий для

того, чтобы исключить подобное в настоящем. Именно в этом и будет состоять усвоение урока истории.

Цель исторического познания – представить конкретное явление как случай, иллюстрирующий общее правило, потому что единичное не служит простым подтверждением закономерности, которая в практических обстоятельствах позволяет делать предсказания. *«Напротив, идеалом должно быть понимание самого явления в его однократной и исторической конкретности. В понимании того, каковы этот человек, народ, государство, каково было становление, другими словами, – как могло получиться, что они стали такими»*¹.

Раскрытие сущностных сил исторического процесса происходит опосредовано, через исторический источник – материальный «осколок» прошлого, существующий к данному моменту и доступный восприятию исследователя. Рассмотрение объекта исторической науки невозможно без «раскрытия» содержания исторического источника, без ее реконструкции и интерпретации.

В самом широком понимании **исторический источник** – «это любой продукт человеческой деятельности, характеризующий со стороны выполняемой им в процессе ретроспективного познания функции отражения прошлого». Если то, что мы принимаем и конституируем в качестве исторического источника (юридический документ, орудие производства, хроника и т.д.), не отражает в содержательном плане в той или иной мере исторический процесс, то мы не имеем права его так обозначать. Как правильно замечает Г.М.Иванов, самое главное в реликте прошлого представляет его способность **ре-презентовать** содержание общественных явлений, а не его вещественный субстрат (химические и физические качества).²

Все многообразие исторических источников можно разделить на две основные группы: археологические и текстовые (хроники, документы, письма). Результаты археологических изысканий необходимо расшифровывать дважды: первый раз при датировке – определении возраста материального остатка, а второй раз при соотнесении его с наличным уровнем исторического знания.

Источник, будучи отражением прошедшей исторической реальности, представляет собой **«превращенную форму»**³,

¹ Гадамер Г.-Г. Истина и метод. – С.46.

² Иванов Г.М. Методологические проблемы исторического познания. – М., 1986. – С.149.

³ «Преображенная форма» одновременно является и символом,

косвенным образом выражающую и символизирующую собой сплетение общественных связей и отношений, подлежащих распределению и вписыванию в современный социокультурный контекст. Для этого ее нужно подвергнуть реконструкции и интерпретации, восстанавливающей первоначальные смысловые связи и отношения, и проследить их изменение. Превращение остатка прошлого в источник исторического знания становится возможным лишь во взаимодействии с познающим историю субъектом. Иными словами, исторический источник конституируется посредством вопросов, которые ставит перед остатком прошлого историк. Процесс исторического познания представляет собой определенный «**вопросно-ответный цикл**» (Дж. Коллингвуд), где в качестве вопрошающего выступает человек современности, а отвечающего - человек прошлого. А диалог между ними происходит посредством исторических источников, содержащих в себе необходимую информацию. Если не существует вопроса, нет и познания, отпадает всякая его актуальность и социальная значимость. «Вообще ничего нельзя найти, если заранее не поставить определенный вопрос. Человек, задающий себе вопросы одного рода, узнает одно, человек, ставящий вопросы иного рода, – другое». Вопросно-ответный цикл образует «связку» вопроса и ответа, является «элементарной, исходной единицей» мышления об истории.

К.В.Хвостова называет исторический источник носителем множественной субъект-объектной корреляции. Историческая данность, представленная на основе источников, бездонна, и возможности возврата к одной и той же теме неисчерпаемы. Более того, время, прошедшее с момента свершения событий, отраженных в источниках, совокупный исторический опыт человечества и накопление историками знания позволяют взглянуть на прошлое по-новому, выделяя в нем все новые аспекты (глубины).¹

«Открытость», принципиальная незавершенность исторических источников определяет, по мнению В.И. Кемерова,

косвенно выражающим определенные отношения, и дискретным явлением, где все общественные связи «сжались» и образуют целое (предмет, вещь), обладающее квазисубстанциональностью, восполняющей и замещающей те связи и отношения, отражением которых она является.

¹ Хвостова К.В. История: проблемы познания // Вопросы философии. – 1997. – №4. – С. 68.

незамкнутый характер деятельности субъекта, «открытость» его теоретических и прочих описаний бытия, позволяя за вещами обнаружить социальные связи и отношения. Кроме того, последовательное проведение установки на отображение «открытости» социальной системы требует интерпретации «превращенных форм» как *средств*, как промежуточную продукцию общественной деятельности, как опредмеченных ее «сгущений» и кристаллизаций, а не как целей и ценностей, где эта деятельность замкнулась и исчерпала себя. Подобная интенциональная установка позволяет выявить в историческом источнике формы и нормы деятельности, освоение которых существенно обогащает субъекта познания. Социальная форма «замыкает» природный материал вещей, и в этой форме они остаются четкими и неживыми предметами, служащими людям. Но люди сами делают все возможное для того, чтобы вещи задвигались, объединились, «подпитались» новой энергетикой. И тогда вещи «выходят из себя», из границ своих пространственных «телосов», преодолевая дискретность социальных форм, обуславливают современное общественное развитие.¹

Таким образом, в социальном плане исторический источник есть предмет, имеющий в своем содержании «идеальное» – способность к воспроизводству социальной деятельности. А в познавательном аспекте каждый реликт прошлого представляет собой своеобразную «вещь в себе», содержащую большой объем потенциальной информации о различных сторонах, связях и отношениях исторической действительности, раскрытие которой во многом зависит от проблемной установки субъекта познания. Более того, исторический источник как «превращенная форма» является побудительным моментом, необходимым условием и движущей силой научно-исторического познания. **Побудительным фактором**, потому что реликт прошлого является отчужденным от человека символом, вещью или процессом, присутствующим и обуславливающим его бытие и которому поэтому необходимо придать смысл, присвоить его таким образом. **Непременным условием**, поскольку без него невозможен процесс исторического познания. Источник – это своеобразный информационный «сгусток», содержащий в себе «зацепы» – сообщения о прошедших событиях, необходимые для начала мышления о прошлом. **Движущей силой**, потому что в развернутом виде источник как искаженное отражение сцепления

¹ Кемеров В.Е. Метафизика – динамика // Вопросы философии. – 1998. – №8. – С.64-67.

конкретных общественных связей и отношений представляет собой логический парадокс, порождающий исследовательские проблемы.

В сущности, все социокультурное пространство, пространство «второй природы» заполнено такими превращенными формами – предметами и процессами. Увеличение пространства отчужденных, неосвоенных и поэтому не включенных в структуру бытия личности «превращенных форм» превращает бытие человека в «Зазеркалье», некое хаотическое нагромождение, не позволяющее ему стать полновластным хозяином своих родовых сил.

Данную статью, посвященную изучению истории как объекта и предмета социально-философского исследования, хотелось бы закончить словами французского историка Л.Февра: «История – наука о Человеке, о прошлом человечества, а не о вещах или явлениях; она, разумеется, использует факты, но это факты человеческой жизни. Задача историка: постараться понять людей, бывших свидетелями тех или иных фактов, позднее запечатлевшихся в их сознании наряду с прочими идеями, чтобы иметь возможность эти факты истолковать. История, разумеется, использует тексты, но это человеческие тексты. Сами слова, которые их составляют, насыщены человеческой сутью. И у каждого из этих слов – своя история, каждое в разные эпохи звучит по-разному, и даже те из них, что относятся к материальным предметам, лишь изредка полностью совпадают по смыслу, лишь изредка обозначают равные или равноценные свойства»¹.

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИНЦИПА ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ Н.БОРА КАК НОВОЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕИ В ИЗУЧЕНИИ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ ЗА ДЕСЯТИЛЕТНИЙ ПЕРИОД РЕФОРМ

Базаревская А.Е.
Красноярский государственный
университет
(г.Красноярск)

¹ Февр Л. Суд совести истории и историка // Бои за историю. – М., 1991. – С.19.

За последнее десятилетие в Красноярском крае было проведено большое количество исследований, посвященных социокультурной трансформации российского общества. Был накоплен значительный эмпирический материал, однако продвижению в изучении качественных изменений в массовом сознании препятствовала разобщенность исследований, основная часть которых была посвящена социально-политическим проблемам.

Нами была предпринята попытка в преодолении раздробленности имеющегося эмпирического материала. Его основу составили: исследования 1991, 1992 гг., проводимые Центром социальных исследований, технологий, инноваций Красноярского государственного университета среди жителей Красноярского края; исследования, проводимые Отделом региональной статистики и анализа в мае 1995 года в городах Красноярского края; исследования, проводимые в декабре 1996г. – январе 1997 г. Красноярским краевым комитетом государственной статистики совместно с кафедрой социологии Красноярского государственного университета; исследование, проводимое в ноябре 2001 года в различных районах Красноярского края; материалы социологического анализа состояния дел с развитием социального партнерства в крае на основе проведенного в сентябре 2001 года массового опроса населения.

Данные, получаемые при исследованиях, дают основания полагать, что массовое сознание населения имеет двойственную природу. Приходится сталкиваться с рядом противоречий, суть которых заключается в том, что «один и тот же человек, одни и те же люди одновременно придерживаются взаимоисключающих социальных и политических ориентаций, одновременно исповедуют противоположные, противоречащие друг другу установки»¹.

Рационалистический подход при изучении общественного мнения давно себя не оправдывает, поскольку данные анкетных опросов, обработанные классическими методами, расходятся, а зачастую и противоречат реальному поведению избирателей.

Для изучения массового сознания в современных условиях необходима разработка такой методики, которая учитывала бы не только те ценностные ориентации, которые могут быть выявлены путем опроса, но и бессознательные структуры, которые находятся за пределами вербальной сферы.

¹ Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. – М., 2001. – С.112-113.

Системный подход к изучению социальных систем имеет одну важную особенность, которая позволяет использовать методы и знания других наук для более полного описания исследуемого объекта. В данном случае большой интерес представляет принцип дополнительности, сформулированный Нильсом Бором для изучения и описания развивающихся систем. Суть его состоит в использовании взаимоисключающих друг друга понятий в виде так называемых «дополнительных пар». В нашем случае дополнительными парами являются сознательное и бессознательное.

В социологической литературе принцип дополнительности рассматривается как один из основных методов для объяснения сущности и содержания одной из форм проявления парадоксов сознания и поведения. Применение этого принципа предполагает, что социальное явление, процесс могут быть объяснены и интерпретированы с различных взаимоисключающих друг друга позиций, но в целом все же сводимых к единому феномену. Несмотря на то, что эти позиции взаимоисключающие, они выступают целостным образованием, которое можно расчленить в процессе нашего познания, но которое едино для субъекта этого сознания. Таким образом, принцип дополнительности, признавая существование взаимоисключающих восприятий социальной действительности, все же предполагает, что в рамках более общего, единого, цельного подхода эти противоположные позиции теряют свою значимость, что позволяет более полно, системно и всесторонне представить то или иное явление или процесс, как обладающее уже иными характеристиками, чем составляющие его элементы»¹.

Идея дополнительности состоит в том, чтобы не отдавать предпочтение какому-либо отдельному наблюдению, аспекту, стороне, свойству, а считать, что все различные наблюдения, аспекты, взгляды необходимы как взаимодополняющие друг друга элементы, дающие максимально полное в данной познавательной ситуации описание объекта исследования.

Цель нашего исследования заключалась в том, чтобы с позиции системного подхода, основываясь на методологической идее дополнительности Н.Бора, выявить различные уровни структуры массового сознания жителей Красноярского края и показать их изменения в условиях трансформации российского общества. В результате были отобраны те данные, которые пригодны для их сопоставления. Дальнейший анализ позволил

¹ Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек.

выявить общие индикаторы для фиксации ценностных ориентаций, присущие большей части проводившихся исследований.

Специфика подхода, реализуемая в исследовании, заключается в том, что массовое сознание анализируется на двух уровнях: а) уровне социальных стереотипов, которые подвижны и слабо влияют на социальную деятельность людей (сознательный элемент); б) уровне значительно более устойчивых, но малоосознанных представлений, непосредственно связанных с реальным поведением (бессознательный элемент).

Итоги нашей работы дают основание сделать вывод о некоторых тенденциях в динамике массового сознания населения Красноярского края за десятилетний период реформ.

Первая тенденция охватывает трехлетний период начала реформ (1991-1994 гг.) и характеризуется крайней противоречивостью и запутанностью массового сознания. В начале переходного периода оно формировалось главным образом под давлением СМИ, где достаточно жестко отрицались старые стереотипы, заменяясь новыми, а не формировались системные представления о действительности. Все это привело к ряду противоречий: стремление к рынку и отсутствие рыночной культуры, обожествление некоторых лидеров и быстрое разочарование в них, желание перемен и страх перед ними. Очевидно, что с потерей последних ориентиров в жизни среди населения Красноярского края возрос процент верующих. Люди, как правило, надеются только на себя, Бога и своих близких.

Но, несмотря на ухудшение социально-экономических условий жизни, большинство людей отдают предпочтение рыночно-демократическим преобразованиям. Однако было бы ошибкой считать, что это на самом деле люди с демократическими политическими убеждениями и рыночными ориентациями. Это, скорее всего, противоречие между стереотипами массового сознания, сформировавшегося под воздействием СМИ, с одной стороны, и реальными, не всегда ясно осознанными, мотивами поведения людей – с другой.

То же самое касается и материальных ценностей. Несмотря на возникшую остроту материальных проблем, крушение прежних идеалов и жизненных стандартов, на глубинном уровне отмечалась небольшая значимость ценностей материального характера.

1995 год можно назвать переломной точкой в сознании жителей Красноярского края. С этого момента начала проявлять себя вторая тенденция. Основная ее особенность заключалась в том, что к этому времени образовавшиеся в процессе

трансформации социальной структуры российского общества маргинальные (имеющие переходное положение) социальные группы в своем большинстве адаптировались к новым социально-экономическим условиям и стали менее подвижны в своем социальном статусе. Это имело ряд последствий. Во-первых, рост поляризации населения по материальному признаку сформировал две группы проблем: «проблемы богатых» и «проблемы бедных». К числу «проблем богатых» относятся: недостаточное финансирование науки, образования, культуры, рост преступности, обострение межнациональных отношений, коррупция в органах власти, экологический кризис, кризис морали. «Бедных» больше беспокоят иные проблемы: рост цен; задержка выплаты заработной платы; отсутствие уверенности в завтрашнем дне; ситуация в Чечне; рост безработицы; расслоение на богатых и бедных. Во-вторых, ценности духовно-нравственного характера начали вытесняться ценностями сугубо материального, прагматического характера. В-третьих, в 1995 году преобладающими жизненными стратегиями населения Красноярского края являлись иждивенческая (государство должно обеспечить прожиточный минимум каждому гражданину) и утопическая (социальные гарантии следует расширить выше минимального уровня потребления, обеспечить каждому члену общества достойную жизнь). Исключение составляла немногочисленная социальная группа, удовлетворенная своим материальным состоянием.

Все это позволяет говорить нам о том, что социально-политические и духовно-нравственные ценности зависят от материального состояния граждан. Неудивительно, что социально-экономические факторы встали у основания ценностных ориентаций и как бы вытеснили духовно-нравственные и демократические ориентации, учитывая, что в течение многих лет реформирования общество решало для себя, по сути, одну задачу – выживание.

Последняя тенденция в динамике массового сознания населения Красноярского края фиксируется с 1999 года. Она характеризуется тем, что доминировавшие на глубинном уровне ценности, которые являлись приоритетными в начале периода реформ, вышли на поверхностный уровень. В 2001 году каждый третий респондент считает приемлемой для себя коммунистическую идеологию. Более того, иждивенческие ориентации также фиксируются и на глубинном уровне (исключение составляет молодежь и немногочисленная социальная группа, удовлетворенная своим материальным состоянием, в

основном это жители города). В этот период мы наблюдаем выравнивание ценностных ориентаций как на уровне социальных стереотипов, так и на более устойчивом, но не всегда осознанном глубинном уровне.

Это позволяет сделать неутешительный вывод о том, что реформы противоречат сознанию населения края. Люди боятся неопределенностей, противятся всем нововведениям, присущим демократическим обществам. Речь идет о реформах образования, ЖКХ, страховании гражданской ответственности и т.п., против которых неоднократно выступает общественность. Среди населения старшего и среднего возраста восстанавливаются тенденции, которые всегда были характерны для российского менталитета, а именно патерналистские, потребительские ориентации. Эти люди склонны считать, что улучшение их собственной жизни практически не зависит от них самих, поэтому у них существует потребность в защите со стороны государства посредством предоставления социальных льгот и гарантий. На наш взгляд, это как раз тот случай, когда граждане являются главным препятствием на пути создания нового демократического общества. Очевидно, что общество не только приспосабливается к изменяющейся социальной действительности, но и оказывает непосредственное воздействие на нее.

Однако среди жителей края все-таки есть небольшая социальная группа людей, которые придерживаются самостоятельной стратегии и в большинстве своём полагают, что улучшение их жизни зависит непосредственно от них самих. Они не склонны считать (в отличие от приверженцев утопической стратегии), что это зависит от профсоюза, администрации города или района, губернатора или Законодательного собрания края, Правительства России или Государственной Думы. Как уже упоминалось выше, это в основном молодежь и люди, удовлетворенные своим материальным положением.

Отсюда вытекает иллюзорность мнений об успехе демократических и рыночных реформ. На наш взгляд, любые действия властей должны учитывать подобные свойства массового сознания.

Методика анализа массового сознания, используемая в данном исследовании, видится нами достаточно эффективной для решения задач, связанных с внедрением каких-либо социально-экономических и политических решений, поскольку комплексный анализ сознательного и бессознательно уровней массового сознания наиболее точно отражает социальную реальность и позволяет делать прогноз о том, будут ли успешны нововведения.

ПРИКЛАДНЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ, ЭКОНОМИЧЕСКОМ И ПОЛИТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ

СОЦИАЛЬНАЯ АНАЛИТИКА И МАСС-МЕДИА В ВЕК ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Нескрябина О.Ф.,
доктор философских наук, профессор
Сибирский юридический институт
МВД России
(г.Красноярск)

Задачей социальной аналитики является объяснение событий, происходящих в обществе. Социальная аналитика в современном обществе – достояние не только академической науки. Она присутствует в публицистике, распространяющейся по каналам масс-медиа. Субъектом аналитической журналистики являются, во-первых, эксперты, которых приглашают в СМИ. Это социологи, политологи, психологи, историки и другие специалисты в области обществознания. И, во-вторых, сами журналисты. Было бы неправильным ставить под сомнение право корреспондента на выражение своей точки зрения по какому-либо социальному вопросу, в пределах жанровой специфики, разумеется, когда четко выдерживается разделение между журналистикой факта и журналистикой мнения.

Сегодня нет недостатка в комментариях и оценках, однако их качество вызывает нарекания. В докладах ежегодной конференции «Журналистика в 2003 году» отмечалось, что масс-медийная аналитика переживает не лучшие времена. А в кампании по выборам в Госдуму обнаружился полный провал умения ставить вопросы и отвечать на них.

В журналистском сообществе зреет понимание того, что необходимо усилить чувство ответственности автора за качество аналитических суждений. Вопрос в том, как этого достичь. Г.В.Лазутина считает, что необоснованное мнение в журналистском материале – профессиональная ошибка, и это должно быть отражено в законодательстве.¹

¹ Лазутина Г.В. Авторское творчество журналиста как профессиональная деятельность: пространство свободы // Журналистика. – 2003; Материалы научно-практической конференции (Москва, 3-6 февраля 2004 г.). – М., 2004. – Т.2. – С.52.

На это можно возразить, что введение санкций за ошибки может привести к тому, что корреспонденты будут воздерживаться от высказывания собственного мнения. Известно, что ужесточение наказания за ошибку приводит к тому, что профессионалы начинают избегать риска и не берут на себя ответственных решений. С «пресной» журналистикой мы жили несколько десятилетий. Если есть задача улучшить аналитическую функцию СМИ, то следует, прежде всего, выяснить причины, мешающие познанию реалий общества.

Можно назвать несколько причин отсутствия должной глубины социального познания в масс-медиа. Начнем с того, что в отечественных СМИ господствует установка на развлекательность. Это объясняет недостаточное присутствие экспертных оценок в СМИ, так как академический дух и развлекательность – две несовместные вещи. Вот характерный эпизод: на последнем перед выборами в Госдуму телеклубе «Свобода слова» один из присутствующих задал вопрос: «Почему на данном ток-шоу не обсуждаются значимые проблемы?». Смысл ответа ведущего сводился к следующему: всерьез вести разговор никто не рискует – ни политики, ни журналисты да и аудитории будет скучно, полетят рейтинги.

Другая причина – слабая мотивация. Журналисты незаинтересованы в глубоком анализе общества, т.к. не испытывают давления со стороны властей. Как отмечалось на конференции, в настоящее время резко понизился спрос на социальную аналитику со стороны власти. Роль СМИ видится не в отражении состояния общества, а в определенном на него воздействии. Одна из причин слабости социальной аналитики – политическая ангажированность масс-медиа, которая в настоящее время опосредуется их включенностью в рыночные отношения. По признанию одного известного редактора, управляющий сигнал поступает не от властей, а от владельца, который в свою очередь получает его от властей. Манипулятивные интенции СМИ во многом объясняют, почему журналистика не столько проясняет, сколько замутняет картину социальной реальности.

Отмечается недостаточный уровень квалификации журналистского корпуса. Количественный рост изданий, теле- и радиоканалов привел к тому, что в редакциях снизился процент дипломированных корреспондентов. Растет количество факультетов журналистики в учебных заведениях, не имеющих достаточной базы для подготовки журналистских кадров. По-видимому, на качестве социального познания сказывается отсутствие общепринятой методологии социального познания. У

журналистов нет понятийной сетки, которую они могли бы использовать для ориентации в мире социальных событий.

В последнее десятилетие стала популярной психологическая парадигма, т.е. использование психологических объяснительных схем в социальном познании. В постсоветское время психологизм оказывается предпочтительнее социологизма, так как последний ассоциируется с официальным общественным знанием времен исторического материализма. Однако спор этих двух методологий имеет глубокие исторические и эпистемологические корни и не должен сводиться к идеологической составляющей. И социологизм, и психологизм имеют свои объяснительные ресурсы и свои ограничения.

В одной из мартовских программ «Культурная революция» (канал «Культура») обсуждалась тема: «Восток и Запад – могут ли они понять друг друга?». За разными суждениями – аналитическими и синтетическими, дискурсивными и интуитивными – «скрылся» от прояснения вопрос: что значит «понимать». Историк С.Караганов высказал мнение, что Восток и Запад интегрированы в единое информационное, экономическое и социо-политическое пространство и поэтому вынуждены понимать друг друга. Думается, что никакая интеграция не снимает сама по себе проблему понимания. И здесь уместно, на наш взгляд, социологические обобщения редуцировать к психологии человеческих взаимоотношений. Никакая взаимозависимость не решает проблему взаимопонимания супругов в семье или коллег в производственном коллективе и не снимает с людей ответственность за выстраивание отношений.

Психологическое объяснение в СМИ несет на себе отпечаток профессии. В силу имманентно присущей журналистике спешки в обработке информации и стремлении к развлекательности отдаются предпочтения наиболее простым и наименее ответственным объяснениям. Это выражается в преобладании обобщающих выводов над дифференцированными оценками. Ведь обобщающее суждение не может оскорбить, т.к. возводит некое свойство, отмеченное у имярек, в ранг социальной нормы. Понятие о природе человека при этом снижается, т.к. сводится к базовым качествам (мотивам, ценностям), поскольку только они, по определению, присущи всем людям.

Иногда объяснение дается на уровне особенного. Это значит, что какой-то феномен подводится не под родовое понятие, такое как «природа человека», а под видовое. Но и в этом случае зачастую ощущается недостаток индивидуализации в объяснении. Свежий пример: 2 апреля сего года на 22 канале канд.псих.наук

Т.Шевеленкова, рассказывая научную биографию Миклухо-Маклая, сделала акцент на том, что наш выдающийся соотечественник был авантюристом. И как у всех авантюристов, у него отсутствовала четкая самоидентификация. Следовательно, считает психолог, Миклухо-Маклай мог ответить на вопрос «Кто я есть?», только совершив нечто экстраординарное. Данное объяснение недостаточно, т.к. неясно, почему, собственно, именно у авантюристов существуют проблемы с самоидентичностью и почему именно с ней. У легендарного ученого могли быть и более возвышенные мотивы, равно как и более прозаичные, для того, чтобы совершать свои научные подвиги. Такого рода теоретизирования мало что проясняют и в личности ученого, и в духе авантюризма. Оно отдает сенсационностью, что как раз и требуется от медиа-текста.

Одно время казалось, что появление новых информационных технологий, в частности Интернета, приведет к прорыву в области социального познания. В литературе (отечественной и зарубежной) до сих пор много «технологического оптимизма». Известные теоретики СМИ назвали статью, посвященную развитию Рунета в 2003 году, «Коллективный разум»¹. В самом деле, в Сети есть то, чего нет в других масс-медиа: информационная сверхпроводимость, анонимность, бесцензурность, интерактивность. Дискуссионность – отличительная черта интернет-коммуникации. Все эти особенности должны способствовать творчеству. Однако за десять лет, прошедших с появления глобальной сети, не произошло качественного сдвига в социальном познании.

Интернет не изменил степень «прозрачности» общества. Он отражает состояние социума и содержит в себе все его особенности, включая внутреннюю деструктивность и стремление сохранить в тайне некоторые мысли и поступки. Метафоризация и мифологизация присутствуют в семантическом поле новых информационных технологий едва ли не в большей степени, чем в обычных СМИ.

Интернет не увеличивает и количество субъектов аналитического процесса. Он создает лишь абстрактную возможность такого увеличения творческого потенциала общества. «Интернет создает исключительные по сравнению с другими областями культуры возможности для формирования

¹ Делицин Л.Л. Коллективный разум. Интернет в России в 2003 году / Л.Л.Делицин, И.И.Засурский, И.Г.Куриной // Информационное общество. – 2003. – №3. – С.32-49.

каждым пользователем позиции автора», – считают исследователи.¹ Добавим: не предъявляя при этом к нему никаких требований, а это чревато снижением качества. Квазианалитика, скандальность, ничем не контролируемое словотворчество – эти признаки массовой культуры присутствуют в виртуальной среде.

Интернет остро ставит проблемы ответственности за использование информации в условиях ее доступности. Сегодня стало очевидным, что чувство ответственности подверглось эрозии во многих областях информационной промышленности.² А в Интернете положение усугубляется анонимностью. Как известно, анонимность рождает уверенность в безнаказанности и снижает этические стандарты. Таким образом, Интернет, предоставляя богатые возможности для творчества и познания, предъявляет новые требования к зрелости и ответственности общества как коллективного пользователя и коллективного субъекта.

О СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ И ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ И ПРОБЛЕМАХ ОПТИМИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ТРУДОВЫМИ РЕСУРСАМИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Логвинов А.М.,
кандидат социологических наук
Красноярская архитектурно-строительная академия
(г.Красноярск)

Сегодня российскими учеными совершенно справедливо отмечено, что в России происходит не просто трансформация экономики, а, прежде всего, ломка и преобразование самого типа культуры, в том числе, общей, управленческой, организационной, профессиональной и других ее разновидностей.³ Неблагополучие в сфере культуры, в свою очередь, отражается на затянувшихся кризисных явлениях в экономике, а значит, на росте

¹ Чудова Н.В. Психологические особенности коммуникативного пространства Интернета / Н.В.Чудова, М.А.Евлампиева, Н.А.Рахимова // Проблемы медиапсихологии. – СПб., 2002. – С.130.

² Роль прессы в формировании в России гражданского общества: Сборник. – М., 2000. – С.97.

³ Экономическая психология / Под ред. И.В.Андреевой. – СПб., 2000. – С.45.

дифференциации доходов и формировании значительной доли бедного населения. В Красноярском крае численность бедных составляет свыше 40% населения. Но чем же опасна распространяющаяся устойчивая бедность значительной части населения? Как справедливо, на наш взгляд, отмечает А.Нещадин¹, во-первых, она создает ограничения для развития экономики, так как формируется порочный круг: низкая покупательная способность населения → низкий спрос на товары и услуги → сокращение внутреннего рынка → низкая покупательная способность. Бедное население не может накапливать денежные средства и быть источником инвестиций. Во-вторых, бедность не позволяет привлекать кредиты и инвестиции. Российская экономика – это «экономика недоверия» населения: тотальная конфискация сбережений населения в 1992 и 1998 годах разуверила граждан в возможностях и добропорядочности российской банковской системы и государственных органов власти. В-третьих, бедность понижает качество трудовых ресурсов, отражаясь на здоровье нации, на качестве образования, на мотивации к труду и социальной активности населения, без которых экономический рост страны нереален. В-четвертых, большую опасность представляет воспроизводство субкультуры бедности. Сегодня многим бедным будущее видится в мрачных тонах, и родители начинают отрицать возможность получения своими детьми образования, достижения жизненного благополучия. У значительной части молодых людей возникает социальное безразличие. Они начинают осуществлять образ жизни, ориентированный на выживание, а не на самореализацию, самоактуализацию. В-пятых, бедность препятствует вертикальной и горизонтальной мобильности. Так, человеку из бедных слоев, «из глубинки», все труднее становится получить образование в крупных городах и столице, так как обучение фактически платное, проезд и проживание дорогие, стипендия, если она есть, мизерная. И человек оказывается привязан к месту, где вырос. В-шестых, бедность разрывает экономические и социальные связи. В-седьмых, бедность сказывается на режиме питания, профилактике и лечения заболеваний, возможностях зачать, родить и выходить здорового ребенка. И так далее.

В Красноярском крае за 1990-2003 годы, по данным госстатистики, численность постоянного населения сократилась на 6 процентов. В 2002 году число умерших превысило число

¹ Нещадин А. Бедность – порок России // Человек и труд. – 2004. – №1. – С.9-10.

родившихся в 1,4 раза.¹ Уровень детской смертности в крае постоянно и значительно превосходит средний уровень по России, в 4-5 раз превышая соответствующий показатель по развитым странам Запада. Каждый третий – взрослый умерший в трудоспособном возрасте. Смертность мужчин в 3,5 раза выше женщин, особенно в трудоспособном возрасте. Мужчины, в среднем, не доживают до пенсионного 60-летнего возраста. Сформировавшиеся тенденции в области естественного движения и миграции населения (преимущественно убыль населения за пределы края) предопределяют на десятилетия вперед дальнейшее сокращение его численности и старение. Но при этом заметно увеличится демографическая нагрузка на все уменьшающуюся часть трудоспособного населения. По прогнозам к 2015 году она возрастет на 17,3% и будет составлять 685 нетрудоспособных лиц на 1000 человек людей трудоспособного возраста, в том числе, 56,3% составит нагрузка стариками. Серьезные проблемы вызвало изменение структуры трудовой занятости: произошло значительное сокращение числа занятых в производственных отраслях и увеличение в непроизводственных. Многим людям трудоспособного возраста в свои 45-50 лет, потерявшим рабочие места из-за структурной перестройки и развала государственных предприятий, стало весьма сложно переквалифицироваться на новую профессию, привыкнуть к новой системе трудовых отношений, нормативно-правовому регулированию и социальному порядку, идентифицировать себя с какими-то социальными группами. Среди наиболее тревожных проблем использования трудовых ресурсов на территории края – неудовлетворительная структура и динамика спроса и предложения, потребностей в рабочей силе, особенно по отношению к старшим возрастам и женщинам, высокая дифференциация в оплате труда (межотраслевая и внутриотраслевая), несовершенство механизмов территориального регулирования и финансирования на рынке труда. Действующая официальная статистика по безработице не отражает реального положения дел. На самом деле, если считать по методике МОТ, она в 3-4 раза выше, чем оценивает действующая упрощенная статистика, и достигает, на наш взгляд, 12-14%. Кроме того, на многих действующих предприятиях рабочая сила недозагружена производственными заданиями, трудится на устаревшем оборудовании, в неблагоприятных для здоровья, а часто и просто опасных условиях труда, имеет очень

¹ Доклад комитета труда администрации Красноярского края (на правах рукописи). – 2003. – С.15.

низкую производительность труда. Упала квалификация рабочих кадров. В ряде отраслей из-за низкой оплаты труда, неблагоприятных условий для здоровья и неудовлетворительного морально-психологического климата создан дефицит на рабочие кадры. Молодежь зачастую не хочет идти в материальное производство, поэтому кризисные явления тут налицо. Как показывают наши исследования в области использования трудовых ресурсов, на промышленных предприятиях с началом радикальной пререстройки в 90-х годах начались негативные процессы дегуманизации, упрощенчества в управлении персоналом.¹ Практика использования богатого в прошлом механизма социально-психологических и организационно-управленческих методов влияния на трудовое поведение работников предприятий основательно забыта новыми их владельцами и представителями нового менеджмента. Но вместе с тем развивающаяся дегуманизация труда противоречит ментальности российского работника, привычной ему организационной культуре, ценностям, установкам, стереотипам трудового поведения: мобилизационной готовности к интенсивному труду, жажде общественного признания своих трудовых усилий, представлениям о предприятии как о своем «втором доме», «второй семье», где всегда помогут в трудной ситуации, подбодрят, по достоинству оценят его инновации, творчество.

Процессы дегуманизации, забвение высокой роли «человеческого фактора» – это путь в тупик. Такие тенденции противоречат всей мировой практике оптимизации использования трудовых ресурсов, в том числе и отечественному опыту. Весьма тревожны наблюдаемые у нас в крае, как и в стране в целом, процессы маргинализации и аномии общества, особенно применительно к трудоспособному населению.² Духовная и материальная люмпенизация неработающего, но трудоспособного и незанятого (частично занятого) населения, привыкающего к

¹ Логвинов А.М. Социальное влияние на организационное поведение: трансформация методов социального влияния на организационное поведение работников крупного промышленного предприятия в 70-е и 90 -е годы XX века. В 2 кн. – Красноярск, 2002. – Кн. 1. – С.304-323.

² Логвинов А.М. О влиянии низкого уровня жизни и маргинализации населения на экономическую безопасность государства: анализ тенденций, путей преодоления кризиса / А.М.Логвинов, О.Б.Власова, Е.В.Войнова. – Красноярск, 2000. – С.5-20.

самым простым материально-бытовым потребностям, государственным социальным подачкам в виде мизерного пособия по безработице или субсидиям на оплату коммунальных услуг и тому подобного, унижениям и страху перед криминальными «отморозками» – все это и многое подобное ведет к разрушению трудовой мотивации (зачастую необратимой). Теряются моральная регуляция поведения, самоконтроль и самодисциплина, основанные в прошлой трудовой деятельности на интериоризованных нормах общей, трудовой, профессиональной культуры. Происходит десоциализация личности и переход регуляции ее поведения с высших, социальных уровней на низшие, биологические (установка на выживание). Развивается цинизм и жестокость более сильного по отношению к более слабому и беззащитному. Средства массовой информации и официальная статистика такого рода факты доносят ежедневно до читателя и зрителя телевидения и кино. Происходят атомизация людей в обществе, потеря личностью собственного «Я», идентификация себя с какими-либо профессиональными группами, ее распад до полуживотного состояния. Распад прежних идеологических оков и отмена прежних строгих правил, норм, условностей обрекли массы людей на ощущение ненадежности их положения, породили растущую неуверенность в своих силах, возможностях, успешности каких-либо созидательных действий. Государственная власть не нашла адекватной замены прежних тяжелых и достаточно обременительных политизированных и идеологизированных «конструкций и механизмов» влияния на социальное поведение чем-то новым и адекватным изменившимся условиям с целью формирования стабильности в обществе, поддержания трудового энтузиазма работающего и находящегося в поиске работы временно незанятого трудоспособного населения. Более того, она попросту ушла из сферы постоянного изучения (в том числе, социологическими методами) мироощущений людей, их реальных ценностей и потребностей, поиска мер повышения доверия к своим управленческим потугам.

Наши наблюдения последних пяти лет стиля государственного управления краем и особенно трудовыми ресурсами сегодня приводят к выводам, что целостного системного государственного управления, как такового, по сути дела, и не было. А был, скорее всего, преимущественный интерес к вопросам собственности и ее дележке, манипулированию финансами и «латанию дыр», в рамках стратегии выживания большинства территорий края, находящихся на постоянных финансовых дотациях, спасения от краха некоторых предприятий

и отраслей экономики (как реакции на забастовки и требования профсоюзов). Стил ь такого управления по многим признакам можно охарактеризовать как сугубо технократический. Но не лишним будет вспомнить, что еще такие значимые теоретики, как Т.Парсонс, Р.Дарендорф, Г.Гарфинкель, П.Бурдь е, Э.Гидденс и ряд других небезосновательно считали, что нельзя сводить социальную жизнь к сугубо экономическим отношениям. Даже приверженцы веберовской теории социального действия дистанцировались от любой формы экономического редукционизма. В нынешние же времена состоялась своего рода «атака экономики на социологию: ...подчинение человека социологического человеку экономическому¹», если считать, добавим мы, «экономическими человеками» нынешних представителей управления отраслями экономики в структурах государственной власти и в органах местного самоуправления.

Явный технократизм и вульгарный «финансизм – экономизм» и отсутствие социологического мышления у руководителей и специалистов органов власти, также как и у многих и многих управляющих предприятиями всех форм собственности, не дает им возможность серьезно задумываться над поисками именно социальных резервов в социально-экономических преобразованиях. Подобная ущербная управленческая культура не позволяет ее носителям заглянуть и в копилку прошлого отечественного опыта управления трудовыми ресурсами, где можно было бы почерпнуть немало продуктивного и приемлемого для решения проблем нынешнего кризисного состояния общества. Упомянув прошлый опыт, мы имеем в виду разработки социологов, психологов, специалистов в области управления персоналом 20-30-х годов и 60-80 -х годов XX века. В частности, директор известного в 20-е годы ЦИТа А.К.Гастев в отличие от западных ученых по научной организации труда утверждал: «...Нами создана активная методика, которая имеет целью активизировать рабочие массы, вселять в них беса изобретателя, беса, который заставляет постоянно пробовать, постоянно приноравливаться, заставляет быть активным и настороженным при всех условиях»². И тейлоризму, и фордизму была чужда идея, составляющая фундамент гастевской концепции, – идея « социализации

¹ Култыгин В.П. Теория рационального выбора – возникновение и современное состояние // Социс. – 2004. – № 1. – С.27-28.

² Корицкий Э.Б. Научный менеджмент: российская история / Э.Б.Корицкий, Г.В.Нинциева, В.Х.Шетов. – СПб., 1999. – С.16-17, 39-61.

трудового процесса», идея решающей роли человеческого фактора в социально-экономическом развитии общества. Добавим, что в условиях нехватки инвестиций в труднейшие периоды недалекой российской истории, периоды «опоры на собственные силы» всегда одним из важнейших ресурсов был трудовой человек, «человеческий фактор». В нынешней разрушенной экономике обращение к опыту, традициям, менталитету российского работника, к этой «палочке – выручалочке» было бы как нельзя кстати. Можно было бы более внимательно в этой связи также учитывать положительный опыт использования культуральных факторов, национальных особенностей в догоняющих модернизациях других стран мира и, прежде всего, в Японии.

Какие же выводы и предложения напрашиваются для преломления нынешней десоциализации трудовых ресурсов и дегуманизации управления ими в крае? Обозначим некоторые из них.

Во-первых, самое сложное – это необходимость осознания руководителями органов краевой власти и местного самоуправления пагубности голого технократического и вульгаризованного экономического мышления и соответствующего такому мышлению управленческого поведения. Какие тут могли бы быть способы переоценки существующих стереотипов мышления и поведения, это отдельный разговор, не вмещающийся в рамки данной статьи.

Во-вторых, дополнительно к разработанной недавно «Программе социально-экономического развития Красноярского края до 2010 года» необходимо подготовить специальные мероприятия по социализации труда, трудовых отношений. В рамках этой задачи можно было бы обратиться прежде всего к наработкам отечественных ученых и специалистов в области научной организации труда, социологии труда, психологии труда, инженерной психологии. Здесь не обойтись без возрождения систематических прикладных социологических и социально-психологических исследований трудовой сферы и положения дел в системе социально-трудовых и социально-экономических отношений, выявления особенностей ценностно-потребностных ориентаций, трудовой мотивации, условий для профессиональной самореализации работающего населения и т.п. Надо предусмотреть финансирование, вовлечение в эти процессы вузовских ученых, руководителей предприятий, отраслей.

В-третьих, надо возродить интерес к задачам профессионального подбора кадров для работы в органах государственной власти, в органах местного самоуправления и на

должностях руководителей предприятий и организаций. От нынешней примитивной практики подбора кадров только лишь по соображениям личной преданности необходимо переходить к оценке кадров с учетом специально разрабатываемых «Словарей деловых качеств», «Перечней профессионально важных качеств (ПВК)» и описаний нормативных профессионально-деловых характеристик претендента на ту или иную должность, проведения серий тестовых испытаний и аргументированных прогнозов перспективности для организации принимаемого на соответствующий ответственный пост работника.¹

И в качестве последнего обобщающего предложения вносим следующее: необходимо в полной мере реализовать целостный системный подход к управлению трудовыми ресурсами края, который был разработан нами совместно с группой специалистов комитета труда администрации края и формально включен в «Программу – 2010». Он содержит семь блоков: 1) восстановление системы мониторинга формирования и рационального использования трудовых ресурсов; 2) создание системы координации подготовки всех уровней профессионального обучения и повышения квалификации кадров с учетом потребностей экономики и социальной сферы; 3) повышение занятости населения, достижение приемлевого равновесия в предложениях и спросе на рабочую силу; 4) становление целостной системы управления трудовой миграцией (внешней, внутренней); 5) развитие воспроизводственной функции оплаты труда, адекватного материального стимулирования работающего населения; 6) реализация комплекса мер по улучшению охраны труда работающего населения; 7) развитие системы социального партнерства в установлении цивилизованных трудовых отношений между работниками и работодателями, развитие трипартизма.

Добавим, что для организационно-управленческого обеспечения выполнения предложенных выше задач, которые можно отнести и к возрождению государственного и общественного интереса к такому явлению, как «качество трудовой жизни», необходимо всемерно укреплять систему органов по труду на краевом и муниципальном уровнях, содействовать возрождению служб по научной организации труда (НОТ), служб социального планирования (социально-психологического анализа персонала организаций и т. п.) на предприятиях и в организациях.

¹ Маркова А.К. Психология профессионализма. – М., 1996. – С.180-251.

СОЦИОЛОГИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ КРИМИНОГЕННОЙ ОБСТАНОВКИ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА: ПОИСК ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА

Невирко Д.Д.,
доктор социологических наук,
профессор
Сибирский юридический
институт МВД России
(г.Красноярск)

Россия в настоящее время в очередной раз переживает сложный и драматический период своей истории.

С 1992 года Россия идет курсом либеральных социально-экономических реформ. Задачи, выдвигаемые в начальный период реформирования, выглядели вполне благородно. Предполагалось на основе демократизации и либерализации экономической и политической жизни России создать необходимые условия для реального использования её уникального географического и геополитического положения, её огромного сырьевого и интеллектуального потенциала в целях подъема уровня и качества жизни народа. Иначе говоря, основной целью провозглашалось повышение культурного и материального благосостояния человека.

Однако выбранные методы реализации намеченных планов реформирования общества не выдержали испытания временем и деятельностью. Результаты, особенно первых десяти лет реформ плачевны: российское общество столкнулось впервые за многие годы своего существования с фактом системного кризиса, потрясшего основы существования практически каждого российского гражданина. «Разочарование, горечь несбывшихся надежд, чувство обмана охватило десятки миллионов российских граждан, оказавшихся в результате либеральных реформ в обществе, к которому они стремились и которого они не хотели, – подчеркнул с трибуны II Всероссийского конгресса социологов профессор В.И.Добреньков. – Реформаторы не знали (да и не хотели знать!) российского общества, не понимали его принципиального социокультурного и природно-географического своеобразия, его отличий от западноевропейского или

американского общества».¹ В силу непонимания объекта реформирования механическое следование западным рецептам общественного устройства оказалось для России не просто неэффективным, но, хуже того, губительным. Либерализм, граничащий с вседозволенностью и бесконтрольностью, в соединении с управленческой безграмотностью «основных реформаторов и организаторов России» завел общество в тупик. Духовные и материальные потери, которые понесла Россия за эти годы, неисчислимы, во многих сферах жизнедеятельности человека Россия за последние 10 лет по показателям перешагнула предельно критические рубежи.²

Заявленная реформаторами, и это сейчас признается всеми, гуманистическая цель не была достигнута. Средства её реализации оказались неадекватными. Десятилетний этап реформирования России сопровождался значительным снижением жизненного уровня народа. Во имя разрушения прежней общественной системы были принесены беспрецедентные жертвы.

Как следствие в Сибирском федеральном округе резко проявились ряд криминогенных факторов экономического, социального и политического характера, оказывающих негативное влияние на состояние правопорядка, личной и общественной безопасности. Это прежде всего:

- сложная ситуация в хозяйственно-финансовой сфере;
- резкое расслоение населения по материальному признаку;
- слабая социальная защищенность граждан, низкий уровень жизни;
- неэквивалентная эксплуатация федеральным Центром природных и трудовых ресурсов региона, возложение на Округ издержек социального развития и придание некоторым субъектам Округа статуса «регион-донор» без учета местных экономических особенностей;
- интенсивная миграция и освоение территорий Округа гражданами СНГ, Монголии и Китая;
- преимущественное переселение сельскохозяйственного населения в города;
- сосредоточение основной части населения Округа в крупных индустриальных центрах;

¹ Добренков В.И. Российское общество: состояние и перспективы (от социологии кризиса к социологии надежды). – М., 2003.

² См.: Осипов Г.В. Российская социология в XXI веке. – М., 2003. – С.126.

– наличие в ряде субъектов Округа благоприятных климатических условий для выращивания наркотикосодержащих растений и возможностей транзита для наркокурьеров;

– высокая концентрация спецконтингента, традиционно используемого в освоении территорий и природных ресурсов Округа;

– высокий уровень безработицы.

Кроме того, на состояние криминогенной обстановки в Округе также оказывает влияние углубляющийся правовой нигилизм определенной части населения. Как показывают социологические, криминологические исследования, отдельные формы противоправного поведения стали рассматриваться в массовом сознании как социально допустимые и даже обыденные.

Одной из ярко выраженных негативных тенденций преступности Округа, прежде всего, является рост преступности как в абсолютных, так и в относительных показателях. Несмотря на некоторое снижение количества зарегистрированных преступлений в 2002 году (-16,6%), темп прироста преступности в Сибирском федеральном округе в среднем составляет 2,3 %, что составляет около 39 тысяч преступлений в год.

Рост преступности наблюдается в большинстве субъектов Округа. Наибольшие темпы прироста в 2003 году отмечены в Красноярском крае (60823 преступления, темп прироста – 10,8 %), Новосибирской (66496, прирост – 15,5%), Томской (25246, прирост – 18,2 %) областях, республиках Алтай (4759, 27,3 %), Тыва (9030, 20,6 %), Хакасия (15526, 42,1 %), Агинском Бурятском автономном округе (1116, 5,4 %).

Повышение уровня преступности, то есть количество совершенных преступлений на 100 тысяч населения, началось в середине 90-х годов, когда запас социальной, экономической прочности, унаследованный от старой системы, практически был исчерпан. В 1998 г. в сравнении с 1997 г. абсолютный показатель увеличился с 1961 до 2224 преступлений, в 1999 г. достиг 2456, в 2000 г. наблюдалось некоторое снижение среднего уровня преступности до 2379 преступлений, однако в 2001 г. этот показатель был равен 2417 преступлениям. В 2002 г. происходит уменьшение среднего уровня преступности до 2017, однако в 2003 г. – увеличение до 2194,9. Средний коэффициент зарегистрированной преступности в 2003 г. превышает общероссийский в 1,14 раз.

Наиболее высокий уровень преступности в 2003 году зарегистрирован в Алтайском (2402,7) крае, республиках Алтай (2321,5%), Бурятия (2221,6), Тыва (2912,9), Хакасия (2695,5 %),

Иркутской (2392,8), Новосибирской (2447,4) и Томской (2379,5) областях.

Структурный анализ преступности в Округе в 2003 г. показывает, что она приобретает все более выраженную корыстную окраску.

Резко дестабилизирует обстановку рост преступлений, совершаемых в общественных местах. В 2003 г. прирост таких преступлений составил 10 %. Наибольшее количество таких преступлений совершено в Красноярском крае (11,2%), республиках Алтай (48,7%), Хакасия (43,2%), Новосибирской (38,7%), Томской (50,8%) и Читинской (20,6%) областях.

Сохраняется высоким удельный вес и уличной преступности. В общем массиве преступлений уличная преступность составляет 7%. Наибольшее количество уличных преступлений зарегистрировано в Красноярском крае (6,3%), республиках Алтай (46,8%), Хакасия (55,9%), Новосибирской (45,3%) и Томской (33,0%) областях.

Резко дестабилизируют обстановку негативные изменения среднестатистического портрета преступников. Значительным остается число преступлений, совершаемых в Округе лицами в состоянии алкогольного, наркотического и токсического опьянения, и составляет более 15 % всех совершенных преступлений. Наиболее высокие темпы прироста преступлений, совершенных в состоянии алкогольного, наркотического и токсикологического опьянения, в республиках Алтай, Тыва, Хакасия, Алтайском крае.

Наблюдается увеличение рецидивной преступности (темпы прироста в 2003 году составил 0,3%). Данные преступления также имеют высокий удельный вес (18,4% от общего числа преступлений). В среднем в Округе лицами, ранее совершившими преступления, совершаются около 33% убийств, более половины разбоев и умышленного уничтожения чужого имущества, почти каждое третье преступление – в сфере незаконного оборота наркотиков, изнасилований, краж, грабежей, вымогательств.

Рецидивисты наносят существенный вред обществу: они осложняют криминогенную обстановку в Округе, совершают значительное количество тяжких и особо тяжких преступлений. Отмечаются изменения качественных характеристик рецидивной преступности, которые проявляются в профессионализме (лица успешно уходят от ответственности, тем самым повышая уровень латентности), организованности, финансовой и технической оснащенности, информационном обеспечении.

В период с 1997 по 2003 годы на территории Сибирского федерального округа увеличился незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, вместе с тем в целом по России количество таких преступлений уменьшается. Наибольшее количество преступлений, связанных с незаконным оборотом предметов вооружения, зарегистрировано в республиках Алтай, Бурятия, Тыва, Новосибирской и Томской областях. Основное влияние на насыщение рынка вооружения оказывает спрос на оружие, который можно объяснить:

- во-первых, быстро растущей криминализацией общества и незащищенностью населения;
- во-вторых, развитием нормативной базы, регулирующей оборот оружия и способствующей облегчению процесса его приобретения;
- в-третьих, стремлением как государственных, так и негосударственных структур получить экономическую выгоду при реализации оружия населению.

Количество преступлений, совершаемых с применением оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, в 2003 году составило 1671. Наибольшее число таких преступлений совершено в республиках Алтай, Хакасия, Алтайском крае, Читинской области, Таймырском (Долгано-Ненецком) автономном округе.

Одной из особенностей Сибирского федерального округа является большое сосредоточение в нем исправительных учреждений, поэтому особо актуализируются проблемы пенитенциарной преступности.

Состояние, структура и динамика преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях Округа, в основном соответствует общероссийским тенденциям преступности в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Минюста России.

Преступлениям, совершаемым в местах лишения свободы, свойственна высокая степень латентности, имеющей как естественный, так и искусственный характер. Искусственно-латентный аспект пенитенциарной преступности проявляется в ошибочной уголовно-правовой оценке преступления, вследствие чего оно относится к неучитываемой категории либо к менее опасным деяниям; в регистрации общественно опасных деяний не в качестве преступлений, а в виде нарушений установленного порядка отбывания наказания; в признании предотвращенными деяний, которые по действующему законодательству следует считать преступлениями.

Анализ структуры зарегистрированной преступности среди лишенных свободы свидетельствует, что ее составляют в основном преступления, связанные с уклонением от отбывания наказания, и насильственные посягательства. Однако обращает на себя внимание значительное увеличение во всех видах мест лишения свободы незаконного оборота наркотических средств, что связано с общероссийской проблемой – наркотизацией страны.

По-прежнему сложен качественный состав спецконтингента, в основном из-за оттока положительно характеризующихся осужденных и увеличения массы осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления. Не ослабевает давление как на администрацию, так и на основную массу осужденных со стороны лидеров преступной среды, предпринимаются попытки противодействия законной деятельности администрации учреждений и органов уголовно-исполнительной системы. Велико количество случаев дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Имеют место случаи применения насилия в отношении сотрудников уголовно-исполнительной системы и их близких.

На фоне общих негативных тенденций преступности в Округе следует отметить некоторое снижение совершения тяжких и особо тяжких преступлений. Так, в 2003 году количество таких преступлений снизилось на 20,8% (для сравнения заметим, что общероссийский показатель составляет 19,8%). Вместе с тем количество тяжких и особо тяжких преступлений имеет значительную долю в общем количестве зарегистрированных преступлений в Округе (40,3%).

Наблюдается некоторое снижение преступности на объектах транспорта, однако данные преступления по-прежнему имеют высокий удельный вес. Серьезной проблемой остается предупреждение дорожно-транспортных происшествий, хищений цветных металлов из средств сигнализации, связи и энергообеспечения железных дорог, неблагоприятные тенденции наблюдаются в динамике неправомерных завладений транспортными средствами без цели хищения (угон).

Уменьшается количество преступлений, совершаемых государственными служащими и военнослужащими. Вместе с тем отмечен некоторый рост преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях.¹

¹ Данные приведены по: Состояние преступности в Сибирском федеральном округе за 1997-2003 гг. – Красноярск, 2003. – С.45-50.

И это проблемы и негативные последствия преобразований лишь в одной сфере человеческой жизнедеятельности – сфере правового регулирования общественных процессов. Подобные последствия имеют место практически во всех сферах. Хотя, как было отмечено участниками II Всероссийского конгресса, сегодня этот этап реформирования закончился. Его результатом стало создание качественно нового социально-экономического уклада и государственно-политического устройства России.¹ Исходя из признания этого факта следует, на наш взгляд, вернуться к решению первоначальных задач реформирования.

В связи с этим региональная социология, равно как и российская, должна воздействовать на социальную ситуацию с помощью создания концепций социального развития региона в условиях современной действительности, развивая не только классические, но и неклассические подходы к нахождению путей выхода из кризисного состояния. Необходимо обратить внимание на разработку концепций общественного развития в краткосрочном, среднесрочном и долгосрочном периодах. В этом контексте необходим плодотворный союз социологии и всех общественных сил – органов управления регионом и его субъектами, местного самоуправления, общественности. К сожалению, в возможности социологии сегодня многие не верят, но именно она может стать коллективным разумом всех социальных сил региона, стремящихся к его оздоровлению.

ПРЕВЕНЦИЯ МОЛОДЕЖНОГО НАРКОТИЗМА: ОТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ФЕНОМЕНА К ОБНОВЛЕНИЮ АНТИНАРКОТИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Комлев Ю.Ю.,
доктор социологических наук, доцент
Казанский юридический институт
МВД России
(г.Казань)

Социологическое изучение молодежного наркотизма в рамках исследовательских проектов «Социальные координаты наркотизма» и «Мониторинг наркоситуации в Татарстане» было реализовано в 2002-2003 годах под руководством автора

¹ См.: Осипов Г.В. Указ. соч. – С. 30.

социологами Казанского юридического института МВД России.¹ Продолжение этих исследований было поддержано Российским Гуманитарным Научным Фондом.²

Анализ эмпирических данных показал, что наркопотребление в Татарстане наиболее активно распространяется в среде 14-18-летних подростков, абсолютное большинство которых являются случайными дегустаторами легких наркотиков – производных конопли. Наркотизация в равной мере проникает во все этнокультурные слои общества. Самый большой удельный вес не только случайного, но и активного наркопотребления наблюдается в городской среде. Он наиболее характерен для безработных молодых людей, рабочих, учащейся молодежи в ПТУ и техникумах.

Исследования позволили установить, что в общей превенции наркотизма активно и с обнадеживающими результатами участвуют основные социальные институты социализации (семья, школа, СМИ, медицинские учреждения). Однако правовое регулирование и правоприменительная практика, реализуемая институтами формального социального контроля, не вполне адекватны наркоситуации, поскольку практически не ограничивают, по социологическим данным, предложение наркотиков на нелегальном рынке. Органы правопорядка, скорее, стигматизируют большинство начинающих или случайных наркоэкспериментаторов, привлекая их к административной или уголовной ответственности, чем понижают уровень молодежной наркотизации. Во многих случаях сложившаяся уголовно-правовая практика противодействия наркотизму превращает случайных наркопотребителей в изгоев общества, что отнюдь не способствует кардинальному снижению масштабов и социальной опасности этого сложного общественного феномена. Основная причина такого положения дел состоит том, что в основе антинаркотической правоприменительной практики лежит чрезмерно репрессивное в своей основе законодательство. Развитие же наркоситуации в стране требует перехода от жестких, репрессивных к более гибким превентивным моделям социального контроля над наркотизмом.

Работа выполнена в теоретических рамках современной социологии права и девиантного поведения, развитию которой в

¹ Комлев Ю.Ю., Садыкова Р.Г. Наркотизм в Татарстане: результаты эмпирического исследования. – Казань, 2003.

² Данная работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ проект №04-03-29001а/в.

определенной мере способствуют и региональные исследования казанских социологов. Как известно, различные формы негативной девиантности адаптивны, функциональны, поскольку выполняют явно или неявно определенные социальные функции (Р.Мертон). Именно поэтому они существуют тысячелетия и полностью принципиально не устранимы. Коль скоро это так, то в современной социологии права и девиантного поведения ставится вопрос не о преодолении, а о сокращении масштабов проявлений негативного девиантного поведения, о минимизации его общественно опасных последствий.

Наличие в переходном российском обществе устойчивой тенденции повышения уровня и масштабов наркотизма, особенно в молодежной среде, приводит к нарастанию процессов дезорганизации, что провоцирует государство и его правовые институты на репрессивные меры. Однако не только преодолеть, но и ограничить его распространение традиционными запретительно-репрессивными акциями не удастся, о чем свидетельствуют социологические опросы и статистика медицинских учреждений.

Анализ нормативных источников, работ зарубежных и отечественных социологов показывает, что существуют три основные стратегии социального контроля в отношении наркотизма: репрессивная («война с наркотиками» – «War on Drugs»), либеральная («уменьшение вреда» – «Harm Reduction»), рестриктивная (ограничительная).

Репрессивная стратегия рассматривает наркомана в качестве аморального, асоциального типа, маргинала, ответственного за свое собственное незавидное положение. Основным рецептом «исправления» являются уголовное наказание, изоляция и принудительное лечение. Особых различий между наркоманами и наркопотребителями не делается. Наркотизм в рамках этой модели в целом представляется как устранимое явление, стоит только раскрутить маховик репрессий. Опыт применения репрессивных моделей реагирования на наркотизм ни в одной демократической стране не дал впечатляющих и стабильно положительных результатов, несмотря на то, что были израсходованы колоссальные финансовые и материальные ресурсы. Войну с наркотиками там не выиграли.

Либеральная концепция гораздо более социально ориентирована. В ее рамках наркомана рассматривают как больного человека, ставшего жертвой личной предрасположенности или внешних обстоятельств. Наркотический опыт индивида продиктован его свободным и добровольным

выбором. Наркотизм неустрашим. Внимание общества сосредоточено не на наказании наркозависимых, не на подавлении проблемы с помощью правоохранительной деятельности, а на профилактической работе, на обеспечении жертв наркотизации социальной и медицинской помощью, в том числе и путем снятия запретов на свободную продажу и открытое употребление легких наркотиков. Либеральный подход в антинаркотической практике неизбежно влечет за собой легализацию наркотиков в целом. Стратегия либерального реагирования на наркотизм не бесспорна. Однако важно то, что она исключает слепую веру в силу запрета, рассматривая его как недостаточно эффективное и, разумеется, далеко не единственное средство решения проблем наркотизма.

Либеральная модель в целом неприемлема в современных российских социально-экономических и социокультурных условиях, поскольку в нашей стране все еще очень низка общая и правовая культура населения, отношение к правам и свободам личности оставляет желать лучшего. Снятие правовых запретов и ограничений на употребление легких наркотиков, легализация их оборота могут иметь опасные социальные последствия. Нужен иной путь. Он просматривается в рамках рестриктивной модели социального контроля.

Рестриктивный подход занимает промежуточное положение между рассмотренными выше двумя вариантами, поскольку включает в себя как меры дифференцированной общесоциальной и социально-медицинской профилактики наркотизма, так и меры репрессивного характера, направленные на пресечение незаконного оборота наркотиков и преследование тех лиц, которые наживаются на этой социальной проблеме, а не рядовых наркопотребителей.

В рамках рестриктивной модели приоритетом является превентивная практика информационно-психологического, воспитательного, медицинского, просветительского реагирования на наркотизм и мероприятия по минимизации вреда при несомненном запрете легализации наркотиков, жестком пресечении их незаконного оборота. В рамках рестриктивной модели широко используются: замещающая терапия наркомании, кабинеты по обмену шприцев и другие социально-медицинские практики по минимизации вреда.

Наркоман с позиций этого подхода – больной человек, нуждающийся в различных формах лечения и реинтеграции в общество. Между наркоманами и наркопотребителями проводятся четкие различия. Наркопотребители – основной объект превентивной антинаркотической работы. Наркотизм как явление

не устраним, но подвержен эффективному контролю и ограничению.

Рестриктивная модель более перспективна для России в отличие от либеральной или традиционно репрессивной. Законодательное оформление и использование рестриктивного подхода позволило бы понизить латентность и криминализацию явления, повысить в конечном счете продуктивность антинаркотической профилактики. Вместе с тем, как свидетельствуют данные опросов, в профессиональном и, тем более, общественном сознании все еще сильны ожидания относительно эффективности мер репрессивного социального контроля в отношении наркотизма. С другой стороны, в обществе постепенно нарастает осознание того, что необходимо соблюдать права человека в отношении всех людей, в том числе, наркодегустаторов и наркозависимых, совершающих «преступления без жертв».

Тем не менее отечественный законодатель принимает, прежде всего, репрессивно ориентированные нормативно-правовые решения в области противодействия наркотизму. Неслучайно многие авторитетные отечественные специалисты по проблемам девиантологии рассматривают превентивные возможности положений закона 1998 года ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» как шаг назад, сводящий на нет все робкие успехи по обеспечению помощи наркозависимым. Этот закон санкционирует «войну с наркотиками», выиграть которую репрессивными мерами в новых социальных условиях не представляется возможным. В итоге массовый наркопотребитель «ушел в подполье», оказался более зависимым не от государственной помощи, а от услуг криминала и наркобизнеса, стал способствовать росту преступлений ради добывания наркотиков, дальнейшей криминализации наркопотребления. Рынок наркотических препаратов фактически перешел под полный контроль криминальных корпораций, обогатил и продолжает обогащать криминальный мир сотнями миллиардов долларов.

Статья 4 указанного закона регламентирует репрессивную стратегию и тактику противодействия наркотизации населения. Среди принципов ее осуществления не содержится указания на приоритет прав человека. В соответствии с этим можно сделать вывод, что потребители наркотиков не расцениваются законодателем как личности, обладающие определенными правами. Правоприменительная практика, в соответствии с нормами этого закона, направлена на установление контроля над оборотом наркотических средств, психотропных веществ,

постепенное сокращение числа больных наркоманией, а также на сокращение количества наркопреступлений. Однако в законе не фиксируются такие важные цели политики в области наркотиков, как уменьшение числа новых наркопотребителей, снижение вреда, причиняемого здоровью наркоманов, снижение проблем их социализации и ресоциализации. Социально-правовой анализ норм Уголовного и Административного кодексов России показывает, что в них также закреплена система репрессивных мер, применяемых к наркопотребителям. В этих правовых актах отечественный законодатель также не фиксирует необходимость укрепления и защиты прав человека.

Современное правовое регулирование в области преступлений, связанных с наркотиками, недостаточно разграничивает задачи и средства борьбы с распространением наркотиков и их потреблением. Конечно, одно связано с другим. И, тем не менее, очевидно, что деятельность по производству (посеву, выращиванию), хранению, транспортировке наркотиков с целью сбыта и сам сбыт имеют особую общественную опасность. Между тем выявить и изобличить участников этой деятельности достаточно сложно, уличить же наркопотребителей значительно проще. Так называемая «палочная» система отчетности, существующая в органах внутренних дел, ставит их сотрудников в сложное положение, поскольку им нужны показатели. Выявляя рядовых наркопотребителей, они их «создают» без особого труда. С другой стороны, задержание лиц, занимающихся распространением наркотиков, требует применения значительно большего количества сил и средств, и эта работа ведется намного менее эффективно.

Возникает отнюдь не риторический вопрос: имеет ли право существовать система контроля и оценки, которая не дифференцирует столь различные по сложности выполнения действия? В результате существуют немалые возможности для почти беспрепятственного распространения наркотиков, сращивания отдельных представителей правоохранительных органов и наркопреступности. В силу несовершенства уголовно-правового регулирования наркотизации населения правоприменительная деятельность отвлекается от цели пресечения организованной преступной деятельности по незаконному обороту наркотиков на решение второстепенной проблемы – привлечения к административной или уголовной ответственности рядовых наркопотребителей. В итоге реально не ограничивается предложение наркотиков на рынке, несмотря на

фиксацию «успехов» в борьбе с наркотизмом ведомственной статистической отчетностью.

Интересам повышения эффективности социального контроля над наркотизмом не вполне соответствуют и некоторые ключевые положения Административного кодекса РФ. В нашей стране немедицинское употребление наркотических веществ наказуемо. За данное деяние предусмотрены альтернативные виды наказания: арест до 15 суток либо штраф в размере от 5 до 10 минимальных размеров оплаты труда. В данном случае, следуя рестриктивной логике, общественное осуждение должно проявляться в виде штрафа, но более значительного, чем предусматривает современное законодательство. Также необходимо увеличить штрафные санкции за употребление наркотических веществ в общественных местах (статья 20.20). Для более четкой индивидуализации наказания необходимо расширить минимальный и максимальный размер взыскиваемого штрафа, поскольку только 5 минимальных размеров оплаты труда не могут гарантировать дифференцированное применение этого вида наказания.

В случае же применения в качестве наказания ареста наркопотребитель попадет в сложную психотравмирующую ситуацию. Можно с большой долей вероятности сказать, что результатом такого наказания может быть повторное употребление наркотических веществ. Кроме того, заключение под арест влечет за собой стигматизацию наркопотребителей. Между тем большинство молодых людей, которые экспериментируют с наркотиками, можно вернуть к здоровому образу жизни. Однако правовая система осуждает их на отбывание наказания. Эти люди в результате чрезмерно репрессивного социального контроля выпадают из нормальной среды, учебной или производственной деятельности и социальных контактов, затрудняется или становится невозможной их последующая ресоциализация и реабилитация.

Заметим, что в качестве альтернативы штрафным санкциям может выступать и административное предупреждение, но только в том случае, если речь идет о первых дегустациях наркотиков.

Отход от репрессивной антинаркотической практики особенно актуален в случае применения административного предупреждения в отношении несовершеннолетних. По полученным эмпирическим путем данным, пробы наркотиков подростками зачастую спровоцированы влиянием уличного окружения, нездоровым интересом к наркотикам, проблемной социализацией, моральными и социально-экономическими

трудностями переходного возраста, фактором неполной семьи с ущербным неформальным социальным контролем. Именно поэтому подростку, попавшему в сложную жизненную ситуацию, необходима поддержка со стороны общества и государства, а не стигматизация.¹

Частичная декриминализация наркопотребления должна сопровождаться развитием программ по минимизации вреда. Так, в некоторых случаях необходима сеть кабинетов для анонимного употребления наркотических веществ, замещающей терапии под медицинским контролем. Для наркопотребителя в этом случае практически исключается летальный исход в результате передозировки. Этот путь значительно более социально ориентирован. Он с очевидностью исключает неконтролируемое распространение таких опасных болезней, как СПИД и гепатит, передающихся парентеральным путем, высокую смертность среди наркоманов. Этот вариант социальной практики по минимизации вреда существенно вытесняет криминальную потребность в организации притонов для нелегального потребления наркотиков.

Российское общество еще не в полной мере осознало опасность употребления наркотических средств детьми. Между тем проведенные опросы показывают, что наркопотребители продолжают «молодеть»: опросы показывают факты наркотических дегустаций школьниками в возрасте от 10 до 12 лет. Этот тезис подтверждается тем, что до настоящего времени не существует федеральной целевой программы по профилактике и минимизации негативных последствий детского и подросткового наркопотребления. В программе «Дети России» наркотизм рассматривается лишь как следствие безнадзорности, а основным профилактическим мероприятием является уменьшение числа безнадзорных детей.

В России антинаркотическая практика строится на основе федеральных целевых программ. В недавнее время была принята программа «Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотикам и их незаконному обороту на 2002-2004 годы», в которой по-прежнему закреплена репрессивная стратегия реагирования на наркопотребление. Основным заказчиком и координатором выполнения данной программы было определено Министерство внутренних дел. С учетом изменений и дополнений от 15 июля 2003 года функции МВД в данной сфере переданы Государственному комитету Российской Федерации по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных

¹ См.: Комлев Ю.Ю., Садыкова Р.Г. Указ.соч.

веществ.¹ Создание нового ведомства, выполняющего основные задачи программы, существенно не изменило методы антинаркотической работы. В Положении о Госкомнаркоконтроле закреплены меры силового воздействия на граждан, употребляющих наркотики.

Для увеличения эффективности антинаркотической работы правоохранительных структур необходимо более детально разграничить их полномочия в этой сфере. Правоохранительные организации вполне успешно могут заниматься мероприятиями, направленными на уменьшение незаконного оборота наркотических средств. Это их дело. Антинаркотическую профилактику целесообразно возложить на социально ориентированные ведомства и общественные организации. Объединяющим началом в системе такой работы должен стать специальный государственный орган, занимающийся вопросами научно-методического обеспечения и координации усилий различных структур, участвующих в противодействии молодежной наркотизации.

По такому пути в решении проблемы антинаркотической профилактики пошли в Татарстане. В 2000 году был создан Республиканский центр профилактики наркотизации населения при кабинете министров Республики Татарстан для обеспечения межведомственного взаимодействия и координации деятельности государственных органов и общественных объединений.² К сожалению, в рамках приведения законодательства республики в соответствие с федеральным и создания Госкомнаркоконтроля этот Центр был упразднен, несмотря на существенные положительные результаты его деятельности по противодействию молодежной наркотизации в Татарстане. Однако опыт реализации республиканской комплексной программы профилактики наркотизации населения Республики Татарстан на 2002-2006 годы под эгидой Центра оказался весьма ценным. В ее рамках удалось на практике убедиться в эффективности рестриктивного подхода даже на уровне одного субъекта Российской Федерации.

¹ О внесении изменений и дополнений в федеральную целевую программу «Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту на 2002-2004 годы»: Постановление Правительства Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. – 2003. – №29. – С.3002.

² Постановление кабинета министров Республики Татарстан от 19.07.2000 г. №519.

Решение задач общесоциальной превенции молодежного наркотизма позволило существенно снизить уровень наркотизации молодежи всего за 2 года. Как показали данные опроса, проведенного в Татарстане (октябрь 2003 года), общий уровень молодежного наркопотребления (та или иная приобщенность к наркотикам в возрасте от 14 до 29 лет) понизился на 7 пунктов и составил 18,6%.

**МЕТОД «CASE-STUDY» (КЕЙС-СТАДИ) В ИЗУЧЕНИИ
МОДЕЛИ СТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-
ОБЩЕСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЕМ
(на примере г. Красноярска)**

Бутенко А.В.,
кандидат физико-математических
наук, доцент
Красноярский государственный
университет

Никитина О.Н.,
кандидат социологических наук,
доцент
Красноярский государственный
университет

Лыкова С.Н.,
кандидат социологических наук
Красноярский педагогический
колледж №1 им. А.М. Горького

Таскина Е.А.,
кандидат социологических наук
Красноярский педагогический
колледж №1 им. А.М. Горького
(г. Красноярск)

Современное общество характеризуется высоким темпом изменений в социальной, политической и экономической сферах жизни. В процессе социальной трансформации, происходящей в результате глобализации и информатизации, наблюдаются системные изменения, которые требуют использования новых управленческих технологий, среди которых значительное место уделяется проектному подходу. Проектный подход является сложной многофакторной и межпрофильной деятельностью,

требующей использования новых методов исследования для получения, сбора и анализа информации, что позволяет выделять и корректировать «пошаговое» продвижение участников проекта. Одним из таких типов исследования является case-study, направленный на глубокий, полный и комплексный анализ социального феномена на примере отдельного эмпирического объекта (случая).

В процессе проведения исследования обозначились следующие особенности case-study:

- case-study позволяет выявить, описать и предъявить особенности новой «выращенной» практики, обозначить проблемы, предложить сценарии развития не только с точки зрения исследователя, но и с точки зрения людей, непосредственно участвующих в данной практике;

- данный тип исследования позволил получить более глубокую информацию о латентных процессах и услышать «слабый» сигнал. Так, например, только с помощью такого качественного подхода можно реконструировать внутреннюю социальную реальность людей, задействованных в проектной деятельности";

- для ограничения влияния личных, психологических особенностей восприятия ситуации исследователями использовался принцип триангуляции как способ повышения надежности данных в качественном исследовании. Исследовательская триангуляция выражалась в том, что каждую ситуацию, каждый факт наблюдали и описывали несколько исследователей. Методологическая триангуляция означала использование различных методов в изучении каждой конкретной ситуации, чаще всего сочетание всех основных методов: наблюдения, интервью и анализа документов, что позволяет осветить ситуацию с разных сторон, оценить с разных точек зрения. Временная триангуляция была осуществлена благодаря тому, что процессы, происходившие в образовательных учреждениях, отслеживались в течение достаточно длительного времени. Это дало возможность возвращаться к прежним наблюдениям, интерпретируя их с привлечением новых фактов. Такой многопозиционный подход позволил оценить ситуацию системно и качественно.

При использовании case study одним из первых и немаловажных вопросов является выбор эмпирического объекта исследования. Это связано с фундаментальной проблемой определения того, что есть «случай». Объекты case study могут быть различны, однако основным требованием является

рассмотрение данного объекта как целостности, отделение собственно «случая» от того контекста, в котором он существует.

В качественном исследовании выбор объекта был полностью обусловлен обоснованием соответствия параметров объекта задачам исследования. Проблема обоснования выбора (есть она или нет) также зависит от задач исследования. Если задача ограничена исследованием проблем определенного учреждения или конкретного события, например мероприятия, проблемы обоснования выбора не существует. Та же ситуация – если исследуемый случай уникален или задача исследования ограничивается описанием. Таким образом, проблема выбора объекта и обоснования этого выбора встает лишь в случае предполагаемого обобщения.

Логика выбора объекта в case study, естественно, отлична от логики выборки. Безусловно, все выбранные случаи должны быть теоретически обоснованы. В зависимости от задачи исследования либо обосновывается типичность данного случая, либо объясняется необходимость рассмотрения именно данного случая с точки зрения целей и задач исследования.

Таким образом, данная методика исследования позволяет с помощью наборов отдельных случаев оценивать процесс системных изменений, которые запускаются как в сфере образования, так и в социальной сфере в целом.

Исследование case-study использовалось в процессе реализации Мегапроекта «Развитие образования в России» на территории Красноярского края. Организация и проведение исследования осуществлялись в несколько этапов.

На первом этапе была создана команда, в которой важно было выработать общий язык понимания нового типа исследования, который изучает только **зарождающуюся новую практику**.

В результате серии обсуждений командой была разработана программа исследования.

Цель исследования – изучить складывающуюся практику государственно-общественного управления (ГОУ) на школьном и муниципальном уровнях региональной системы образования.

Задачи исследования:

1. Изучить существующую практику государственно-общественного управления.
2. Выделить наиболее существенные проблемы, тормозящие развитие практики государственно-общественного управления.
3. Получить новый учебный материал для слушателей курсов переподготовки, подготовки и повышения квалификации.

Согласно поставленным целевым установкам команда выстроила общую конструкцию (дизайн исследования), выделив следующие институциональные субъекты, имеющие и не имеющие опыт работы в ГОУ (таблица 1).

Таблица 1

**Институциональные, общественные субъекты
и организационные формы**

	Муниципальные образовательные учреждения		Посредники (территория совместного действия)	Общественные организации и средства массовой информации*	
Субъекты	РУО (кейс 1)	Школы (кейс 2)	Попечительские советы (кейс 3)	Общественные организации (кейс 4)	СМИ (кейс 5)
Имеют опыт государственно-общественного управления	РУО Советского района	Школа-комплекс №71	В школе-комплексе №71	Центр «Сотрудничество»	ТРК «Афонтово»
Не имеют достаточного опыта государственно-общественного управления	РУО Центрального района	Гимназия №3 (школа №15)	В гимназии №3	Ассоциация «Открытый музей»	ОАО Вещательная корпорация «Телесфера –7 канал»

**Данные субъекты исследовались независимо от опыта работы государственно-общественного управления.*

Гипотезы:

1. Социальные субъекты, имеющие организационно – управленческий опыт в области государственно-общественного управления (ГОУ), активно нарабатывают новую практику становления и развития модели ГОУ по сравнению с начинающими.

2. Эффективная деятельность социальных субъектов, вовлеченных в Мегапроект, в большей степени зависит от внутренних факторов (самоопределения, подбора команды), чем от внешних (социального окружения, поддержки государственно-муниципальных органов власти, финансовых возможностей и т.д.).

3. Становление развития практики ГОУ связывается в основном с привлечением дополнительных финансовых средств.

В ходе социологического исследования были проанализированы следующие **содержательные блоки**:

1. Общие представления участников проекта и реальная практика в области государственно-общественного управления (ГОУ).

2. Проблемы, тормозящие создание и реализацию модели ГОУ.

3. Предложения, намерения (ближайшие планы) респондентов по изменению практики ГОУ.

В ходе исследования определены *проблемы* системы общего образования г.Красноярска, оказывающие существенное влияние на практику становления и развития попечительских советов. Становление практики государственно-общественного управления образованием сталкивается со множеством трудностей: несовершенством бюджетного финансирования муниципальной системы образования, традиционным стилем управления руководителей образования, закрытостью муниципальной системы образования и др. В основе этих трудностей, на наш взгляд, лежит *проблема перехода от ведомственного подхода в практике управления образованием к государственно-общественному*, имеющего в своей основе создание новой инфраструктуры, обеспечивающей участие общественности в решении проблем образования.

В ходе анализа поставленной проблемы учитывались социально-экономические особенности г.Красноярска. Прежде чем проанализировать становление модели государственно-общественного управления образованием, команда изучила основные направления социально-экономического развития города, сферу малого и среднего бизнеса с точки зрения реального участия предпринимателей в образовательной жизни учреждений системы образования и муниципальных структур управления. Чрезвычайно важно было понять количество школ, педагогических работников, участвующих в инновационном движении в городе. Особый интерес представляла деятельность СМИ (телекомпаний), в частности их отношение к проблемам образования, а также сложившаяся практика работы общественных организаций как в системе образования, так и социальной сфере в целом.

Основными методами, использованными в исследовании, являлись классические качественные методы case study: полуформализованное интервью, включенное наблюдение и анализ документов (локальные нормативные акты учреждений).

Методом полуформализованного интервью, с фиксацией текста с помощью диктофона, были опрошены руководители учреждений, их заместители, руководители общественных организаций, СМИ.

В рамках отдельного кейса, согласно схеме путеводаителя, каждое интервью брали два человека (ведущий и наблюдатель).

Для интервью командой были разработаны инструкция и список вопросов для полуструктурированного интервью. Интервью предполагало несколько блоков:

1. Ознакомительный блок (название, структура, цель создания организации, виды ее деятельности, источники финансирования, достижения, биографические данные руководителей).

2. Содержательный блок (основные вопросы содержательного блока группировались согласно представленным тематическим блокам ведущих направлений Мегапроекта).

3. Заключительный блок включал в себя предложения респондентов к органам управления образованием по более эффективному разворачиванию Мегапроекта, планов учреждений и организаций на будущее и договоренность участвовать в дальнейшем.

На втором этапе команда собирала и обрабатывала информацию. Интервью расшифровывались с диктофона и переносились на бумажные носители. Полученные материалы структурировались согласно выделенным единицам анализа: ***существующая практика, выделенные проблемы субъектами образовательного процесса, их предложения по разворачиванию проекта и обобщенные выводы.*** Особое внимание уделялось сопоставлению полученных аналитических материалов между субъектами, имеющими опыт ГОУ и не имеющими такового.

Полученные материалы представлены в таблице 2.

Данная схема применялась для каждого кейса (субъекта исследования: РУО, школы, ПС, общественные организации, СМИ).

Полученные результаты по **всем кейсам** вновь анализировались и сопоставлялись по каждому **направлению модели ГОУ** (таблица 2) с выделением:

- существенных наработок субъектов в области практики;
- значимых проблем, тормозящих становление ГОУ;
- предложений.

Таблица 2

Схема структурирования материала по отдельному кейсу

Направления				
Нормативно-правовая база ГОУ образования	Практика	А	Имеющие опыт работы в ГОУ	Общие выводы по направлению
		Б	Не имеющие опыт работы в ГОУ	
	Проблемы	А		
		Б		
	Предложения	А		
		Б		
Выводы		А		
		Б		
		А		
		Б		
		А		
		Б		
Финансирование образовательных программ	Практика	А	Имеющие опыт работы в ГОУ	Общие выводы по направлению
		Б	Не имеющие опыт работы в ГОУ	
	Проблемы	А		
		Б		
	Предложения	А		
		Б		
Выводы		А		
		Б		
		А		
		Б		
		А		
		Б		
Открытое информационное пространство (информирование населения о результатах образования)	Практика	А	Имеющие опыт работы в ГОУ	Общие выводы по направлению
		Б	Не имеющие опыт работы в ГОУ	
	Проблемы	А		
		Б		
	Предложения	А		
		Б		
Выводы		А		
		Б		
		А		
		Б		
		А		
		Б		
Аттестация руковод. кадров на основе механизмов ГОУ образования	Практика	А	Имеющие опыт работы в ГОУ	Общие выводы по направлению
		Б	Не имеющие опыт работы в ГОУ	
	Проблемы	А		
		Б		
	Предложения	А		
		Б		
Выводы		А		
		Б		
		А		
		Б		
		А		
		Б		
Коллективное стратегическое планирование деятельности образовательных учреждений и системы	Практика	А	Имеющие опыт работы в ГОУ	Общие выводы по направлению
		Б	Не имеющие опыт работы в ГОУ	
	Проблемы	А		
		Б		
	Предложения	А		
		Б		
Выводы		А		
		Б		

Таблица 3

Схема структурирования материала по отдельному направлению

Направление*	Практика	Кейс1		Выводы
		Кейс2		
		Кейс3		
		Кейс4		
		Кейс5		
	Проблемы	Кейс1		
		Кейс2		
		Кейс3		
		Кейс4		
		Кейс5		
	Предложения	Кейс1		
		Кейс2		
		Кейс3		
		Кейс4		
		Кейс5		

На третьем этапе были обобщены и получены следующие результаты:

- в принятии управленческих решений у работников сферы образования, имеющих опыт ГОУ, начинает формироваться новый тип практики, ориентированный на участие общественности в решении образовательных проблем;

- у институциональных субъектов, недавно приступивших к созданию практики государственно-общественного управления, сохраняются устойчивые стереотипы мышления советского времени. Они пытаются перенести старые способы и методы работы в новые изменившиеся условия и по-прежнему надеются

* 5 направлений модели ГОУ: нормативно-правовая база ГОУ образования, финансирование образовательных программ, открытое информационное пространство, аттестация руководящих кадров, коллективное стратегическое планирование.

на государственную поддержку, демонстрируя образцы бюджетного мышления;

– освещение проблем и достижений системы образования в средствах массовой информации носит пока эпизодический характер. Процессы, происходящие в образовании, освещаются, в основном, по собственной инициативе телерадиокомпаний. Во многом это связано с тем, что образовательная тематика является привлекательной для телезрителей и способствует поднятию рейтинга телеканалов.

Муниципальные учреждения (ГОРОНО, РУО) разных уровней занимают пассивную позицию в анализе тех проблем, которые освещают телерадиокомпания. В результате чего, последние фактически берут на себя функции посредника между населением и ведомственными структурами;

– от управленческих позиций и стиля руководителя, его компетентности существенно зависит становление модели государственно-общественного управления образованием. Образцы наработки новых «выращенных» практик предъявляют те руководители, которые используют в своей деятельности общественные ресурсы.

Данные выводы были представлены для рассмотрения и обсуждения в Главное управление образования администрации Красноярского края и другим заинтересованным субъектам образовательной сферы для принятия управленческих решений.

НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ И ТЕЛЕВИДЕНИЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Бутенко А.В.,
кандидат физико-математических
наук, доцент
Красноярский государственный
университет

Никитина О.Н.,
кандидат социологических наук,
доцент
Красноярский государственный
университет

Лыкова С.Н.,
кандидат социологических наук
Красноярский педагогический
колледж №1 им. А.М. Горького

Таскина Е.А.,
кандидат социологических наук
Красноярский педагогический
колледж №1 им. А.М. Горького
(г.Красноярск)

Средства массовой информации (СМИ) стали не только неотъемлемой частью массовой культуры современного общества, но и важным институтом социализации личности. Самым мощным средством информации по воздействию на сознание людей становится телевидение, обеспечивающее возможность наглядно-образного восприятия, а значит, и более сильного эмоционального влияния на человека. Телевидение мощно вторгается в мышление и подсознание учащихся, вносит существенный вклад в характер их общения с миром, оказывается стимулом для действий, которые не нужно изобретать самому, поскольку они даны в готовом виде. Пропагандируя определенные ценности, оно способно формировать у людей соответствующие установки. СМИ задают характерные для современной массовой культуры идеальные личностные образцы и нормы поведения, которые проецируются на молодежную субкультуру и тем самым присваиваются подростками, формируя их ценностные ориентации и реальное поведение. В этой связи особый интерес представляет влияние СМИ (телевидения) на модели социального поведения, поскольку

это имеет прямое отношение к пониманию содержательного контекста и механизмов социализации подростков.

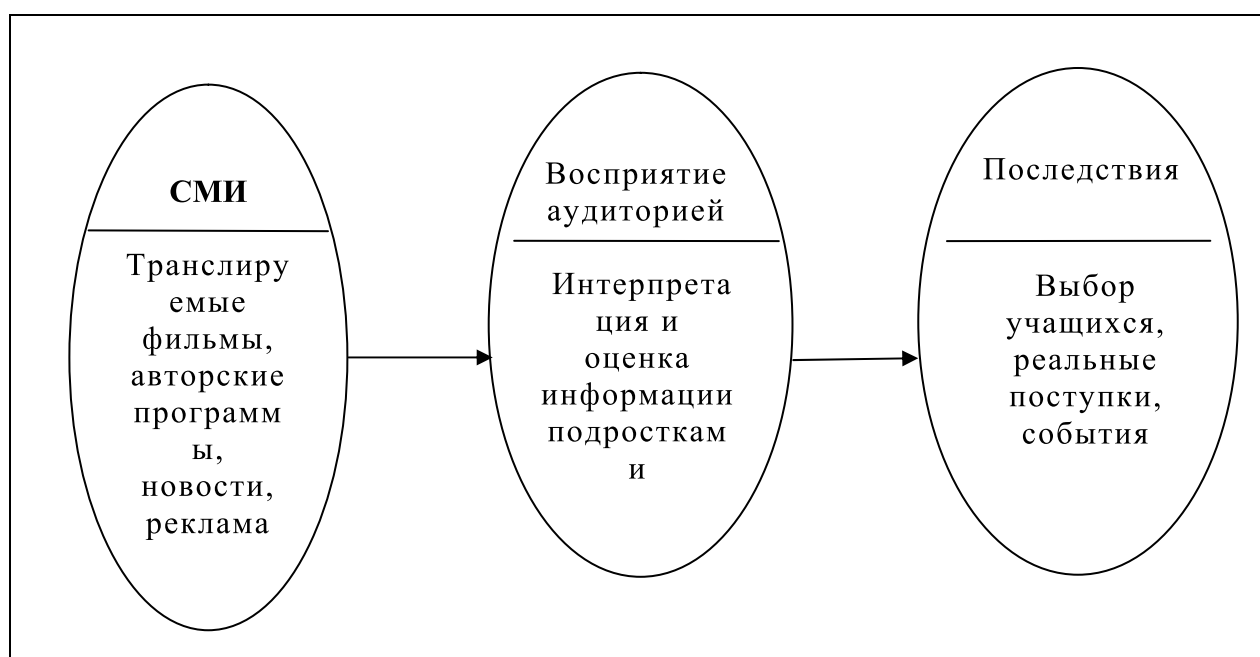
В 2003 году в Красноярском крае краевой социологической лабораторией было проведено пилотажное социологическое исследование.

Цель исследования: изучение содержания телепередач, транслируемых центральными и местными телевизионными каналами, и определение особенностей их влияния на жизненные перспективы учащейся молодёжи.

В исследовании выделены три основных направления:

- анализ программ и анонсов основных телевизионных каналов;
- интерпретация и оценка телевизионной информации подростками;
- анализ возможного профессионального самоопределения учащимися, представление образа своего будущего.

Следует отметить, что данные направления взаимосвязаны и зависят друг от друга.

Предмет исследования: процесс влияния телевидения на становление личности учащихся подросткового и юношеского возраста.

Методы исследования:

- контент-анализ сетки программ следующих телеканалов (ОРТ, Россия, ТВК, Афонтово-9, MTV) за март – май 2003г;
- контент-анализ телевизионных анонсов по ключевым словам за март-май 2003г;

- анкетный опрос;
- проведение фокус-групп.

Выборка исследования комбинированная, многоступенчатая, включающая принцип районирования. В ходе исследования опрошены 664 учащихся 11 классов общеобразовательных школ и учащихся учреждений начального профессионального образования, проживающих в краевом центре, малом городе и сельском районе края.

В рамках первого направления исследования проводился анализ программ и анонсов за март – апрель - май 2003г. на следующих телеканалах: ОРТ, Россия, ТВК, Афонтово-9, MTV. В результате определено *соотношение фильмов и передач на каналах ТВ.*

Распределение эфирного времени на показ фильмов и различного вида передач на центральных и местных каналах существенно различается. Если центральные телеканалы основное время отводят телепередачам различной тематической направленности, то местные телеканалы больше транслируют художественные фильмы.

Из всех видов *передач*, транслируемых на исследуемых каналах ТВ, преимущество отдаётся информационным передачам, за исключением канала Афонтово-9, на котором больше времени отводится развлекательным шоу-программам. Образовательные передачи занимают незначительное время на всех телеканалах, кроме ОРТ.

Среди *художественных фильмов* на всех исследуемых телеканалах (кроме MTV) доминирующую долю эфирного времени занимают сериалы. Среди фильмов других жанров лидируют комедии и боевики.

Распределение фильмов по телеканалам следующее. Наибольшую долю времени трансляции занимают фильмы американского производства (примерно 2/3 эфирного времени канала Афонтово-9 отдано показу этих фильмов, канала ТВК – почти половина). Кинематограф других стран (Великобритания, Австрия и др.) представлен на местных телеканалах значительно реже (ТВК – 21%, Афонтово-9 – 16%, ОРТ – 2%, Россия – 13%).

Относительно показа *отечественного кинематографа* получены следующие результаты. Чаше других телеканалов российские фильмы транслирует канал ОРТ. На данном канале в два с половиной раза больше отечественных, чем зарубежных фильмов (71,5% и 28,5% соответственно). На канале Россия в равной степени представлены как отечественные, так и

зарубежные фильмы. Местные телеканалы, особенно Афонтово-9, предпочитают отдавать эфирное время зарубежным фильмам.

Таким образом, телевидение транслирует в основном развлекательные программы и художественные фильмы зарубежного производства. Образовательные программы и фильмы отечественного производства занимают незначительное место.

С целью выяснения характера информации, с помощью которой можно привлечь людей к телепросмотру, было проведено исследование анонсов за март-май каналов ОРТ, Россия, ТВК, Афонтово-9 одной из популярных газет г. Красноярска – «Телевизор».

Для оценки информации изучалась используемая в анонсах лексика, несущая смысловую нагрузку текстов. В ходе контент-анализа все ключевые слова были объединены в три основных блока: позитивная лексика, негативная и интригующая. Всего в анонсах были зафиксированы 1736 ключевых слов. Большинство выделенных слов несут негативную смысловую нагрузку – 44%. Далее следует позитивная лексика, что составляет 33% от общего количества ключевых слов. И, наконец, интригующая лексика – 23%.

Анализ представленных анонсов показывает, что их авторы для привлечения внимания телезрителей ориентируются прежде всего на использование слов с отрицательной эмоциональной окраской. Составители анонсов навязывают читателям асоциальный тип отношений, в большей степени ориентированный на преступный мир, и продвигают ее в общественном сознании. Значительно меньше авторы анонсов используют позитивную лексику, опирающуюся на базовые человеческие ценности (семья, дети, добро, справедливость и т.д.). Интенсивно используется в анонсах ресурс интриги.

Второе направление исследования включает интерпретацию и оценку телевизионной информации молодёжью. В данном разделе анализировалось отношение учащейся молодёжи к телепередачам по материалам, полученным методами анкетного опроса и фокус-групп.

Результаты исследования показали, что просмотр телевизионных передач занимает весьма значимое место в структуре досуга молодых людей, уступая лишь общению с друзьями. Следует отметить, что с переходом из подросткового возраста в юношеский популярность просмотра телепередач заметно снижается (как у мальчиков, так и у девочек). Молодые люди начинают проявлять себя в других видах деятельности.

Анализ основных мотивов просмотра фильмов и передач показал, что телевидение для молодых людей является источником целенаправленного получения информации и способом эмоциональной разрядки. С переходом из подросткового возраста в юношеский у учащихся существенно падает значимость развлекательного мотива и увеличиваются потребность обращения к телевидению для получения информации о событиях общественной жизни и стремление использовать телепередачи для повышения своего культурного и образовательного уровня.

Анализ внимания к телепередачам показал, что пик просмотра передач приходится на вечернее время с 19 до 22 часов (в данный момент телевизор смотрит каждый второй респондент). Следует отметить, что именно в этот период существенно возрастает частота изображения сцен насилия, агрессии и эротики. В среднем учащийся, проживающий в Красноярском крае, ежедневно видит не менее 10 сцен насилия. Большинство респондентов (80% опрошенных) указали, что они относятся к подобным сценам равнодушно либо их отвергают. Среди респондентов, специально выбирающих передачи с большим количеством насилия и жестокости, преобладают юноши и учащиеся ПТУ.

Учащиеся менее болезненно воспринимают насилие и агрессию, увиденные в художественных фильмах (осознавая, что это вымысел). Репортажи, связанные с криминальными событиями (новости, вести (дежурная часть), криминал и т.п.), значительно чаще вызывают появление страха, который может преследовать учащихся в течение нескольких часов, а то и дней. Далеко не все молодые люди испытывают страх от увиденного по ТВ. В большей степени эти эмоции присущи девушкам, учащимся школ и учащимся, проживающим в сельской местности. Можно предположить, что учащиеся системы начального профессионального образования, юноши и горожане, которые значительно чаще обращаются к сценам насилия на ТВ, имеют уже некоторый сложившийся «иммунитет» к подобным сценам.

Родители и дети редко вместе смотрят телепередачи. В ходе исследования зафиксирована незначительная роль родителей в обсуждении и осмыслении молодыми людьми предлагаемых телевидением программ и фильмов. Небольшое исключение составляют семьи, где родители имеют высокий образовательный уровень и пытаются влиять на формирование картины мира у своих собственных детей. С педагогами учащиеся также не обсуждают заинтересовавшие их телепередачи. Все перечисленные выше обстоятельства ведут к появлению

молодежной субкультуры, практически не связанной с жизненным опытом и ценностями старших поколений.

В третьем направлении исследования анализировался возможный выбор учащимися на основе просмотренных телепередач образа своего будущего.

Для молодых людей, стоящих на пороге выхода из учебного заведения и готовящихся вступить в самостоятельную жизнь, важным является выбор будущей профессии. В связи с этим респондентам был задан вопрос: «Представителей каких профессий, на ваш взгляд, чаще всего можно увидеть по телевидению?».

Анализ представленности сфер деятельности и профессий показал, что, по мнению молодёжи, телевизионный эфир в основном занимают представители профессий, связанных с публичной деятельностью: представители СМИ (телеведущие), сферы искусства (певцы и актеры), политики (депутаты). Все остальные профессии и сферы деятельности, в том числе связанные с интеллектуальной деятельностью, военной службой и рабочие специальности, практически не выделяются молодёжью. Некоторая часть учащихся выделила в качестве профессии сферы деятельности, связанные с криминальным миром. Данный факт свидетельствует о том, что криминальная сфера в глазах учащихся городских школ институализируется и воспринимается как профессиональная сфера.

Относительно любимых учащимися телепередач получены следующие данные. Анализ показал, что телевизионные предпочтения зависят от половой принадлежности респондентов. Так девушки отдают предпочтение следующим развлекательным программам: «Фабрика звёзд», «Девичьи слёзы», «Моя семья», «Бремя денег», «Большая стирка». Мальчики существенно меньше времени, чем девочки, тратят на просмотр ТВ и в основном смотрят художественные фильмы и следующие развлекательные передачи: «Городок», «Дог-шоу», «Осторожно: модерн», «Пока все дома».

Особо следует сказать про ток-шоу «Окна», которое пользуется популярностью как у юношей, так и у девушек.

Также учащиеся назвали фамилии любимых актеров и ведущих российского и зарубежного ТВ. Следует отметить, что среди российских актеров и ведущих, отмеченных учащимися, лидирует Д.Нагиев (34,5% опрошенных), тогда как других – С.Безрукова, М.Галкина, А.Комолова, С.Бодрова, Ф.Бондарчука – назвали менее 6% респондентов. Среди зарубежных актеров и ведущих учащиеся назвали в основном Джеки Чана (4,4%

опрошенных), Ж.К.Ван-Дамма и А.Шварценеггера (по 2,7% опрошенных соответственно).

Следует отметить, что у большинства опрошенных нет любимого телевизионного героя, что свидетельствует о том, что телевидение не задает образец для подражания (героя) безусловно принимаемый большинством молодежи.

В исследовании зафиксировано существенное противоречие в ценностных установках молодых людей: с одной стороны, на уровне сознания декларируется стремление к личной независимости, хорошим и стабильным межличностным отношениям, к созданию семьи и получению достойной работы; с другой стороны, по результатам факторного анализа просматривается четкая ориентация на западные стандарты красивой жизни. Телевидение в данном контексте играет существенную роль в формировании ценностных установок молодых людей. Поскольку молодежь достаточно обособлена в культурном плане от старшего поколения, то телевидение, использующее в своих трансляциях западные передачи и фильмы, успешно продвигает западный образ жизни и восприятие мира.

На основе результатов проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. В настоящее время телевизионная индустрия ориентирована на западные образцы и стандарты: значительная доля эфирного времени на всех исследуемых телеканалах уделяется показу зарубежных фильмов, музыке и развлекательным шоу-программам. Основными каналами, на которых транслируются фильмы отечественного производства, являются ОРТ и Россия. Исследуемые региональные телеканалы, в основном, транслируют программы, представляющие западный тип культуры и образ жизни.

2. По сравнению с предыдущими годами изменились акценты молодежных предпочтений просмотра ТВ. Если ранее предпочтение молодыми людьми отдавалось передачам познавательного характера, то в настоящее время молодежь ориентируется на развлекательные передачи. Молодым людям особенно интересен канал MTV, специально выстроенный в соответствии с западной подростковой субкультурой. Другим примером передачи, завладевшей вниманием молодежной аудитории и базирующейся на использовании шокирующей и интригующей информации, являются «Окна».

3. В структуре организации свободного времени учащихся просмотр фильмов и телепередач занимает ведущее место и

является важнейшим институтом массовой культуры, выступает в роли творца картины мира, создателя мифологической реальности.

Родители и дети редко вместе смотрят телепередачи. Педагоги также не рассматриваются учащимися как референтные лица, с которыми они могли бы обсуждать заинтересовавшие их телепередачи.

Таким образом, результаты социологических исследований показывают, что в настоящее время складывается относительно обособленная молодежная субкультура, слабо связанная с жизненным опытом и ценностями старших поколений.

ПРОБЛЕМА ЗАНЯТОСТИ НА РЫНКЕ ТРУДА ЗАКРЫТОГО ГОРОДА

Савочкин Д.В.,
кандидат социологических наук
отдел общественных связей
администрации ЗАТО
(г.Железногорск)

Вопросы трудоустройства всегда были актуальны, однако особенно они обострились перед жителями закрытых городов в течение последних 10-15 лет. Ценность получения работы по специальности стала доминирующей среди молодежи. Вместе с тем получение высшего образования само по себе уже не гарантирует выпускнику учебного заведения того, что он будет работать по той специальности, которой обучался. Не случайно выпускники вузов все чаще стремятся найти работу за пределами родного города. Для того, чтобы определить перспективы развития рынка труда, а также выявить основные направления обучения и переобучения кадров в г.Железногорске, летом-осенью 2003 г. было проведено комплексное социологическое исследование по теме: «Рынок труда в ЗАТО г.Железногорск».

Основными методами исследования были выборочное анкетирование горожан по независимым параметрам, а также интервьюированный опрос экспертов, в состав которых вошли руководители предприятий и работники кадровых служб. Всего в ходе исследования были опрошены свыше 500 горожан и проинтервьюированы более 100 экспертов.

Согласно проведенному опросу вопросы поиска работы не актуальны лишь для пятой части горожан (18%). В составе этой категории горожан преимущественно мужчины – руководители и

специалисты, работающие на крупных госпредприятиях, таких как ГХК и НПОПМ, а также частично представители частного бизнеса. Они довольны своей работой и не стремятся к подработке.

Еще четверть респондентов (23%) ответили, что поиск работы для них актуален лишь в части приработка. В большинстве своем это работники НПОПМ, муниципальных предприятий и, частично, студенты вузов.

Свыше половины опрошенных (56%) отметили, что поиск работы для них очень актуален, поскольку их не устраивают оплата, содержание или условия труда. Из них 10% отметили, что в настоящее время находятся без постоянной работы (имеют лишь временный заработок).

Среди тех, для кого поиск работы является актуальным, большинство составляют женщины в возрасте от 18 до 34 лет (по данным ДЗН, именно эта категория горожан составляет 2/3 от общего числа официально зарегистрированных безработных). Наиболее значимым поиск работы является для горожан со средним и средним специальным образованием (свыше 60%).

Жизнь быстро меняется и выдвигает новые требования к работникам, поэтому почти две трети опрошенных (60%) связывают успех в поисках работы с получением специальных знаний в рамках различных программ обучения и переобучения кадров.

Свыше четверти опрошенных (28%) считают, что успех в поиске работы зависит от других обстоятельств, например, знакомств или просто счастливого стечения обстоятельств. Большую часть этой группы составляют мужчины (35%) преимущественно старших возрастных групп (45-55 лет). Менее всего доверяют преимуществам получения специальных знаний работники частных фирм (37%).

По мнению большей части опрошенных, получение специальных знаний будет способствовать успеху в поисках работы, если обучение соответствует потребностям практики или проводится «под конкретные рабочие места».

Опрос показал, что каждый второй из опрошенных ранее обучался на каких-либо курсах переподготовки. Большая часть из них (28%) совершенствовали себя в рамках уже ранее избранной профессии, остальные (20%) закончили различные учебные курсы по делопроизводству, бухгалтерии и т.п., но вынуждены работать по другой специальности. Поэтому лишь около трети от общего числа опрошенных (30%) считают, что переобучение реально помогло им в поисках новой работы или же позволило сделать

карьеру на прежнем месте работы. Характерно, что подавляющее большинство респондентов этой группы составляют мужчины-специалисты и руководители, работающие на государственных или муниципальных предприятиях.

Пятая часть опрошенных считают, что обучение им не помогло. Среди причин следующие: «не было стажа работы», «отсутствовали свободные рабочие места», «успех зависел от личных связей», «очень низкий уровень обучения» и, наконец, «обучилась и попала под сокращение». Среди респондентов этой группы большинство составляют женщины в возрасте **от 20 до 44 лет.**

Таким образом, для большинства мужчин вопросы трудоустройства связаны преимущественно с получением приработка или улучшением условий труда (карьерой) на прежнем месте работы. Кроме того, мужчины чаще совершенствуют себя в рамках избранной специальности и поэтому связывают успех в работе с получением специальных знаний в рамках обучающих программ (исключение составляют люди старшего и преклонного возраста).

Наиболее болезненным вопрос поиска новой работы является для женщин и молодежи в возрасте **от 20 до 34 лет.** Чаще всего это лица со средним и средним специальным образованием. Женщины, так же как и мужчины, проходят обучение на различных курсах, однако достигают меньших результатов на рынке труда. Думается, это объясняется тем, что женский труд в системе закрытого города связан преимущественно со сферой услуг, которая, в отличие от крупного города, развивается медленными темпами и не соответствует тому количеству специалистов, которые выпускаются после обучения в рамках специальных программ.

Вопросы кадрового обеспечения актуальны для большинства предприятий города, особенно государственных (ГХК и НПОПМ) и частных. Причем актуальность просматривается как с точки зрения укомплектованности, так и с точки зрения уровня квалификации кадров.

Меньше всего проблем с кадрами у предприятий с муниципальной собственностью.

Как показал проведенный опрос, больше всего предприятия нуждаются в специалистах, имеющих опыт работы по своей специальности (59%). Поэтому наличие диплома у молодого специалиста вовсе не гарантирует ему работу по специальности. А получить соответствующий опыт ему бывает нелегко.

Пожалуй, наиболее актуален кадровый «голод» для частных предприятий. Они заинтересованы во всех категориях работников:

в рабочих, специалистах и даже управленцах. Однако одно из главных требований – наличие опыта работы по специальности, который ценится выше диплома.

На госпредприятиях потребность в кадрах связана преимущественно с квалифицированными рабочими и специалистами технического профиля.

По мнению экспертов, такая ситуация сохранится в течение ближайших лет. При этом каждый третий из экспертов отметил, что в ближайшие годы существенно повысится потребность в квалифицированных управленцах.

Среди специалистов для закрытого города наиболее перспективными являются профессии экономиста, специалиста по производству поликристаллического кремния, большой перечень строительных специальностей, а также радиоинженеры и специалисты по электронике.

Таким образом, анализ ситуации на рынке труда г. Железнодорожска показывает, что в ближайшие годы сохранится высокая потребность в квалифицированных специалистах, особенно в области строительства и электроники, а также существенно вырастет спрос на квалифицированных управленцев.

Вместе с тем для рынка труда закрытого города характерен ярко выраженный дисбаланс между женским и мужским трудом. При существующем избытке вакансий для мужчин присутствует явный дефицит вакансий для женщин. Существующее положение вряд ли кардинально изменится в ближайшие годы, поскольку сфера услуг в городе растет очень медленно.

Другой проблемой трудоустройства «болеет» молодежь закрытого города, закончившая специальные и высшие учебные заведения. Отсутствие опыта работы по специальности делает ее неконкурентноспособной на рынке труда Железнодорожска. Можно предположить, что в ближайшем будущем выезд выпускников вузов за пределы города в поисках работы будет приобретать все большие масштабы, исключение могут составить лишь те выпускники, которые обучались по узким техническим специальностям, сориентированным на нужды градообразующих предприятий.

ИНФОРМАТИКА В СОЦИОЛОГИИ: ОТ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА ДО ВНЕДРЕНИЯ В ПРАКТИКУ

Клейменов В.Ф.,
кандидат физико-математических
наук, доцент

Иркутский государственный
университет

Гольцова Е.В.
Иркутский государственный
университет
(г.Иркутск)

В последние десятилетия наблюдается тенденция ухудшения состояния социальной среды, которая отражается на снижении качества жизни населения и на перспективах развития всего общества. Результатом этого ухудшения являются изменения социального статуса, перестройка личностно-жизненного пространства, рост имущественного расслоения и бедности, выражающиеся в увеличении масштабов маргинализации общества. Большинство этих проблем связаны с трудностью или невозможностью удовлетворения каких-либо потребностей, значимых для семьи в целом и для отдельных ее членов. Наиболее часто граждане сталкиваются с экономическими проблемами, т.е. проблемами обеспечения семьи средствами к существованию и жильем, проблемами обеспечения безопасности, сохранения здоровья и возможностью получения образования. Многие обеспокоены проблемами, стоящими перед всем обществом: распространение асоциальных явлений, отсутствие снижения числа лиц, оказавшихся в бедственном положении.¹

Неустойчивость социального положения деструктивно влияет на сознание населения. Современное состояние социальной среды характеризуется большой социальной напряженностью, чувством неуверенности, присущим значительной части россиян и серьезным ухудшением социального самочувствия всего общества, выражающимися в росте самых разнообразных групп, группировок и прослоек социального риска.²

Представители данных прослоек, к которым относятся в первую очередь многодетные семьи, наиболее подвержены различным видам социальной депривации. Именно среди этих семей велика доля малообеспеченных, бедных и нищих. Сегодня социологи говорят о необходимости отслеживания «многомерной» депривации, на основании которой можно было бы давать оценку жизненным стандартам и степени нуждаемости, которые

¹ Гуревич А.М., Радиловская Т.Ю. Опыт социального мониторинга в городе // Социол. исследования. – 2001. – №8.

² Воронин Г.Д. Социальное самочувствие россиян // Социол. исследования. – 2001. – №5.

чрезвычайно важны при планировании и проведении социальной работы с населением.¹

Кумулятивный характер социальных процессов способствует углублению в «воронку депривации», что не способствует выживанию индивидов (семей).² Принимая во внимание данные обстоятельства, социальный работник, оказывающий помощь клиентам, должен учитывать все многообразие факторов, способствующих углублению депривации группировок социального риска. В связи с этим очень важно знать, каково же сегодня общество, в условиях которого нужно осуществлять помощь человеку, нуждающемуся в поддержке, имеющему те или иные проблемы.³

Исследования качественных изменений условий жизни данных группировок давно являются предметом деятельности социологов. Следует отметить, что в российском обществе в настоящий момент нет единого целостного метода оценки социального положения граждан, а большинство исследований проводятся на локальном уровне и носят прикладной характер. Социальная ситуация оценивается с различных точек зрения: демографической, биологической, медицинской или же культурной. Вопросы эффективного управления в современных условиях требуют от властей научно обоснованных подходов, которые позволяли бы с минимальными затратами получать оперативную и достаточно объективную информацию о состоянии социума. Существует объективная необходимость разработки комплексных мониторинговых исследований социальных групп и слоев, которые должны включать, прежде всего, оценку материального благосостояния населения, оценку состояния и изменений социально-экономической сферы, качества жизни населения.

Одной из попыток разработки социального мониторинга является информационная система «Мониторинг многодетных семей» (ИС ММС), созданная группой преподавателей и студентов факультета социальных наук и института математики и экономики Иркутского государственного университета.

¹ Давыдова Н.М. Депривационный подход в оценках бедности // Социол. исследования . – 2003. – №6.

² Балабанов А.С., Балабанова Е.С. Социальное неравенство: факторы углубления депривации // Социол. исследования. – 2003. – №1.

³ Гуслякова Л.Г. Теория и практика социальной работы: Избранные труды 1990-х гг. – Барнаул, 1999.

Вначале была построена математическая модель, включающая структуру базы данных, затем были определены компоненты программного проекта и, наконец, сделан сам программный проект.

Основой ИС ММС является социальный паспорт семьи. Он был разработан с участием пользователей этой системы (*отдел материнства и детства мэрии г. Иркутска*). Форма социального паспорта включает в себя следующие вкладки: сведения о родителях или лицах, их замещающих; сведения о лицах, проживающих совместно с семьёй; сведения о детях; сведения о семье; потребности в различных видах социальной помощи и информация о получении помощи.

Каждая вкладка содержит достаточно полную информацию по любой компоненте социального паспорта. Например, в сведениях о родителях содержатся поля «место работы» и «потребность в трудоустройстве»; во вкладке «потребность в помощи» есть поля: «бесплатный проезд в муниципальном транспорте», «30% льготы за коммунальные услуги», «льгота за электроэнергию», «материальная помощь к школе», «молочная кухня детям до трёх лет» и так далее, всего более десяти полей.

В системе организован поиск по различным критериям. Созданная в ИС ММС база данных позволяет оперативно отслеживать динамику изменения ситуации по многодетным семьям г. Иркутска, понимать проблемы семьи и находить верные и оперативные решения этих проблем.

Отметим, что научно-учебный проект ИС ММС носит некоммерческий характер и был создан при участии студентов на СУБД Visual Fox Pro 7.0 (VFP 7.0). Поясним, почему мы остановили свой выбор на этой системе, являющейся интерпретатором.

Частью курса «Информатика в социологии» является создание студентами системы обработки анкет, включающей в себя создание меню, формы и вычислительного блока. Для задач такого рода, учитывая, что это всего лишь семестровый курс, представляется удобным использование СУБД VFP 7.0 со встроенным в систему языком. Изучение его занимает меньше времени, чем использование для таких же задач языков-компиляторов. То, что студенты освоили в процессе учебы систему СУБД VFP 7.0, во многом определило выбор ее для создания ИС ММС. Компоненты системы ИС ММС были включены в курсовые работы некоторых студентов. В дальнейшем предполагается конвертирование системы ИС ММС в один из языков-компиляторов с использованием SQL. В настоящее время

проект проходит апробацию в отделе материнства и детства Департамента социальной защиты администрации города Иркутска.

МЕДИКО-СОЦИАЛЬНЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СТУДЕНТОВ: ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Горбач Н.А.,
доктор медицинских наук, доцент
Сибирский юридический институт
МВД России

Гончарова Г.Н.,
доктор медицинских наук, профессор
Красноярская государственная
медицинская академия

Жарова А.В.
Красноярская государственная
медицинская академия

Большакова И.А.
Красноярская государственная
медицинская академия
(г.Красноярск)

Укрепление здоровья здоровых и практически здоровых лиц становится приоритетной задачей отечественного здравоохранения, что диктует необходимость системного решения проблемы.¹ Для сохранения здоровья молодежи является высокоактуальной идентификация социальных факторов и условий, оказывающих повреждающее воздействие на здоровье, и на этой основе разработка мер по его сохранению. Это возможно осуществить именно в рамках науки об общественном здоровье и здравоохранении при интеграции с социологией, позволяющей обозначить то или иное явление, и психологией, а именно психодиагностическими исследованиями, которые позволяют объективизировать полученные данные, ответить на вопросы: почему происходит данное явление, с какими обстоятельствами это может быть связано и т.п.

Нами было проведено комплексное исследование медико-социальных и психологических характеристик студентов вузов

¹ Концепция охраны здоровья здоровых в Российской Федерации // Вопр. экономики и управления для руководителей здравоохранения. – 2002. – № 4 (28). – С.8-15.

г.Красноярска. Осуществлялись опрос студентов с помощью специально разработанной анкеты, включающей 107 вопросов, выкопировка данных из первичных медицинских и статистических документов. Применялись метод экспертных оценок, корреляционный анализ. Обработка полученной информации производилась с помощью стандартного пакета обработки данных SPSS и компьютерной программы и базы данных «Профессионально-психологическое обследование абитуриентов и социопсихологическое сопровождение обучаемых и специалистов»¹.

Возрастно-половая структура обучаемых определялась в основном профилем вуза. В медицинском вузе преобладали лица женского пола (75,6%), в вузе МВД России – мужского (76,2%). В коммерческом вузе статистически значимых различий по полу не наблюдалось. Возраст при поступлении в вуз у большинства составлял 17-19 лет.

По социальному происхождению студенты медицинского вуза имеют отличия за счет обратного соотношения лиц, происходящих из семей служащих (75,4%) и рабочих (24,6%), $p < 0,05$. Однако следует особо отметить, что доля выходцев из семьи медицинских работников среди студентов медицинского вуза (19,7%) практически равна доле выходцев из милицейской семьи в вузе МВД России (22,1%), что указывает на реальную роль семьи в выборе профессии, хотя молодежь в основном декларирует самостоятельный выбор.

В материальном положении большинство обучаемых медицинского и юридического вузов относят себя к среднему слою населения (соответственно 64,8% и 82,6%), однако у 31,2% в медицинском и у 13,5% в юридическом вузе материальное положение сложное: они составляют нижнюю границу среднего слоя, а 4,9% и 3,6% соответственно – бедные и крайне бедные семьи.

Значительная часть молодежи отмечает несоответствие избранной профессии и собственных интересов, причем это характерно и для милицейской молодежи (от 23,9% до 30,4%), и для студентов коммерческого вуза (29,9%), и особенно для студентов медицинского вуза (65,2%). При этом установлена высокая степень стремления работать именно по избранной

¹ Горбач Н.А., Гуляева М.В. Разработка базы данных профессионально-психологического обследования абитуриентов образовательных учреждений МВД России: Научно-методическое пособие. – Красноярск, 1999.

специальности (соответственно от 40,4% до 81,1% – обучаемые вузов МВД России и 65,8% – студенты медицинского вуза) ($p < 0,05$), что указывает на их психоэмоциональное напряжение.

Молодежь реалистически оценивает выбранную профессию, причем это характерно и при выборе профессии врача, и при выборе профессии сотрудника ОВД, однако среди студентов медицинского вуза доля лиц, полностью уверенных в престижности профессии, выше (28,3%), чем среди будущих сотрудников ОВД (20,0%), $p < 0,05$. При этом молодые люди обоих вузов не имеют четкого представления о предъявляемых к ним требованиях и особенностях обучения, в связи с чем имеются расхождения между их ожиданиями и реальным положением дел. Представления об обучении в вузе у большинства из них совпали лишь частично (соответственно 72,1% и 68,3%), а у каждого десятого в обоих вузах они не имели ничего общего с окружающей их реальностью.

Об адекватности профессионального самоопределения молодежи можно судить по соответствию их требованиям обучения. Как показывает анализ данных профессионально-психологического отбора за 1997-2003 г., полностью или в основном соответствуют требованиям обучения (1 и 2 категория пригодности к обучению) лишь около половины абитуриентов вуза МВД России. Как среди абитуриентов, так и среди обучаемых доля лиц 3 группы (условно рекомендованных к обучению) относительно велика (до 60% в отдельные годы). Нами было доказано, что успешность учебной и служебной деятельности этих лиц значительно хуже, чем лиц, рекомендованных к обучению. Нарушений дисциплины, которые чаще всего проявляются в употреблении спиртных напитков, у них в 1,5-2,0 раза больше. Аналогичная ситуация с отчисляемостью. Доля лиц со средним баллом ниже 3,9 среди них стабильно высока (до 88,9%), при этом более чем у половины из них средний балл ниже 3,5. Лишь к третьему курсу положение несколько улучшается, что, возможно, обусловлено отсевом наиболее проблемных представителей в процессе обучения. Для всех наборов установлена прямая корреляционная связь между успешностью обучения (коэффициенты корреляции от 0,51% до 0,94), дисциплинированностью (соответственно от 0,33% до 0,89%) и группой профессиональной пригодности. Обратная связь установлена между отчисляемостью и группой профессиональной пригодности (соответственно от -0,39 до -0,75). При этом следует подчеркнуть, что в ведомственные учреждения существует многоступенчатая система отбора. В условиях отсутствия ее

можно предположить, что доля условно рекомендованных лиц в образовательных учреждениях иного профиля будет существенно выше.

Анализ самооценок своих данных различными категориями обследованных выявил осознанные проблемы в плане общесоматического и нервно-психического здоровья, а также развития познавательных процессов. Относительно велика доля лиц, оценивающих свои данные ниже среднего уровня: общее здоровье – каждый третий студент медицинского вуза (36,8%) и каждый девятый в вузе МВД России (10,6%), нервно-психическое – практически каждый пятый-шестой (соответственно 22,1% и 15,2%), познавательные процессы (мышление, память, внимание) – каждый четвертый – пятый (соответственно 27,9% и 18,3%), $p < 0,05$.

Были выявлены характерные особенности социальной ответственности у обучаемых вузов различной ведомственной принадлежности, которая исследовалась с помощью методики «Уровень субъективного контроля»¹. У обучаемых вуза МВД России она выше, чем у студентов других вузов. Наиболее высокий ее уровень выявлен в области достижений, межличностных и производственных отношений. Для студентов коммерческого вуза характерен низкий уровень ответственности практически во всех областях. Следует подчеркнуть выявленную характерную особенность студенческой молодежи: относительно велика доля лиц с низким уровнем ответственности в области здоровья. Лишь около половины студентов берут ответственность на себя за собственное здоровье (50,5% – в медицинском вузе, 51,7% – в коммерческом вузе, 54,9% – в вузе МВД России), а остальные возлагают ее на других людей, случай, судьбу и т.д. Лица с низким уровнем ответственности, как правило, слабо адаптируются к системе обучения. Отсюда особое значение приобретает исследование их адаптационного потенциала.

Исследование адаптационных способностей студентов с помощью методики «МЛО-адаптивность»² выявило также характерные особенности, которые выразились в сниженном уровне адаптационного потенциала и его компонентов у значительной доли обследованных. При этом если у обучаемых

¹ Бажин Е.Ф. Метод исследования уровня субъективного контроля / Е.Ф.Бажин, С.А.Голынкина, А.М.Эткинд // Психологический журнал. – Т.5. – 1984. – №3. – С.12-15.

² Практика оказания психологической помощи курсантам военно-учебных заведений: Методические рекомендации. – М., 1996.

ведомственного вуза адаптационный потенциал снижен в 19,7% случаев, то у студентов медицинского и коммерческого вузов – в 70-80%.

При изучении с помощью опросника «ИТО»¹ индивидуально-типологических особенностей были выявлены различия в реакциях студентов на стрессовые ситуации. У обучаемых вуза МВД они могут быть избыточными, однако со стремлением к самоутверждению в стрессе, а у студентов коммерческого и медицинского вузов они могут быть тревожно-депрессивными. Акцентуированные черты и дезадаптирующие свойства более выражены у обучаемых коммерческого и медицинского вузов, особенно по таким параметрам, как тревожность и интроверсия (разница более чем в два раза), сензитивность, ригидность и агрессивность, $p < 0,05$. Для ведомственного вуза характерна акцентуация и дезадаптация у лиц третьей группы на первом и втором курсах по таким параметрам, как спонтанность и агрессивность. К выпускному курсу эти различия несколько сглаживаются. Наличие этих акцентуаций и дезадаптирующих свойств означает повышенную конфликтность, склонность к асоциальному поведению и алкоголизации. Как у обучаемых ведомственного вуза, так и у студентов других вузов заостренные до уровня акцентуации и дезадаптации черты личности отчасти компенсируются противоположными тенденциями, что позволяет сохранять социально-психологическую адаптацию на необходимом уровне, однако это свидетельствует также о наличии определенной эмоциональной напряженности и психосоматической predisпозиции за счет повышенных показателей полярных по значению типологических свойств, в данном случае лабильности и ригидности, сензитивности и спонтанности, а у студентов коммерческого и медицинского вузов еще и тревожности и агрессивности.

Полученные данные свидетельствует о необходимости оценки здоровья студентов не только по показателям заболеваемости, но и о включении в число критериев показателей ответственности за состояние собственного здоровья и адаптационного потенциала. Психологическая работа должна проводиться со всеми обучаемыми и особенно со студентами медицинских и коммерческих вузов как на индивидуальном уровне, так и на уровне коллективов, и показывать, в каких направлениях должны работать практические психологи службы

¹ Собчик Л.Н. Введение в психологию индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. – М., 1998.

социопсихологического обеспечения, которую, на наш взгляд, следует предусмотреть во всех образовательных учреждениях независимо от ведомственной принадлежности за счет перераспределения штатов. Необходимы внедрение системы оценки состояния здоровья и качества жизни студентов и разработка комплексных мер по их улучшению (формирование здорового образа жизни, разработка здоровьесберегающих технологий, оптимизация социально-психологической сферы, организация среды обучения, организация медицинской помощи, направленной на первичную профилактику заболеваний учащейся молодежи).

**МЕДИКО-СОЦИАЛЬНЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ – ОРГАНИЗАТОРОВ
ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: ПО МАТЕРИАЛАМ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Гончарова Г.Н.,
доктор медицинских наук, профессор
Красноярская государственная
медицинская академия
(г.Красноярск)

Горбач Н.А.,
доктор медицинских наук, доцент
Сибирский юридический институт
МВД России
(г.Красноярск)

В Концепции кадровой политики в здравоохранении Российской Федерации обозначены нерешенные проблемы в области управления кадровыми ресурсами и определена необходимость разработки критериев оценки кадрового потенциала, совершенствования системы самообучения, развития и мотивации персонала к эффективному выполнению работы, сохранения здоровья медицинских кадров, создания многоуровневой системы мониторинга развития персонала.¹ Качеством медицинских кадров, в первую очередь управленческого звена, во многом определяется результативность

¹ Концепция кадровой политики в здравоохранении Российской Федерации // Вопр. экономики и управления для руководителей здравоохранения. – 2002. – №3 (27). – С.79-86.

и эффективность деятельности всей системы здравоохранения, направленной на решение задач повышения уровня здоровья населения России. До настоящего времени пока еще отсутствуют достоверные количественные и структурные данные об организаторах здравоохранения страны и отдельных ее регионов. Медико-социальные, экономические, управленческие аспекты деятельности руководителей организаторов здравоохранения, их личностные особенности недостаточно изучены.^{1,2} Лишь недавно была разработана квалификационная характеристика специалиста по общественному здоровью и управлению здравоохранением³, в которой обозначены требования к его личности (высокий уровень интеллекта, стремление к лидерству, четкие личностные ценности и цели, коммуникативные способности, ответственность за принятие решений, компетентность и другие). Появились публикации о некоторых психологических характеристиках руководителей медицинских учреждений.⁴ Однако не определены единые валидные стандартизированные методики, позволяющие диагностировать личностные качества специалиста по общественному здоровью и управлению здравоохранением, систематизированная работа в этом направлении практически не ведется.

Нами было проведено комплексное исследование медико-социальных и психологических характеристик 210 руководителей медицинских учреждений, проходящих обучение на кафедре общественного здоровья и здравоохранения КрасГМА.

При анализе социально-гигиенического статуса обученных специалистов было установлено, что во всей совокупности

¹ Мальцева О.А., Горохов Н.Г. Руководитель здравоохранения: подготовка, личность и успех. – Киров, 1997.

² Гончарова Г.Н., Горбач Н.А. Организатор здравоохранения (руководитель, личность, взаимоотношения с коллективом, успешность деятельности). – Красноярск, 2000.

³ Вялков А.И. О квалификационной характеристике специалиста по общественному здоровью и управлению здравоохранением / А.И.Вялков, В.З.Кучеренко, Л.Е.Сырцева // Проблемы управления здравоохранением. – 2003. – №1. – С.48-51.

⁴ Бадаев Ф.И. Руководители среднего звена различных медицинских учреждений: сравнительная психологическая характеристика / Ф.И.Бадаев, В.Л.Громова, В.А.Серебренников // Проблемы управления здравоохранением. – 2003. – № 5. – С.19-23; Гончарова Г.Н. Медико-социальный и психологический портрет организатора здравоохранения / Г.Н.Гончарова, Н.А.Горбач, В.В.Упатов // Здравоохранение Российской Федерации. – 2002. – №6. – С. 27-31

курсантов преобладали женщины - 57,8%. Средний возраст обучавшихся составил $42,5 \pm 1,7$ года ($p < 0,01$). Наибольший удельный вес приходился на лиц возрастной категории 41-50 лет (42,7%). Большинство курсантов имели семьи (86,8%), в основном с одним (38,3%) и двумя детьми (58,5%).

В контингенте обучаемых превалировали главные врачи ЛПУ (38,5%) и их заместители (24,2%), что обусловлено, с одной стороны, осознанием руководителями необходимости повышения своего профессионального уровня в период незавершенных реформ в здравоохранении, с другой – их большими возможностями в этом плане. Общий стаж работы у курсантов составил в среднем $18,1 \pm 1,7$ лет ($p < 0,01$). При детальном анализе было выявлено преобладание среди обучаемых курсантов со стажем в 11-20 лет (43,6%) и 21-30 лет (34,9%). Доля лиц со стажем до 10 лет составила 17,3%. Совершенно иная картина наблюдалась по их стажу работы по организации здравоохранения, среднее значение которого было практически в два раза ниже общего стажа и составило $9,0 \pm 1,7$ лет ($p < 0,01$), при этом большинство курсантов были со стажем до 10 лет (63,6%), причем более половины из них имели стаж до 5 лет (64,7%). Стаж в 11-20 лет имели лишь 28,3% курсантов, а свыше 21 года – 8,1%. Еще более интересные данные получены при анализе длительности работы в последней должности. Среднее значение ее составило $4,9 \pm 1,0$ года ($p < 0,01$). Наибольший удельный вес приходился на срок до 5 лет – 67,6%, от 6 до 10 лет – 20,0%, от 11 до 20 лет – 11,5% и свыше 20 лет – 0,9%. Менее половины курсантов проходили предыдущие повышения квалификации по организации здравоохранения (43,1%), причем 1 раз – 23,7%, 2 раза – 12,8%, 3 раза – 3,8%, 4 и 5 раз – 2,8%. Следовательно, несмотря на значительный общий стаж работы у курсантов, опыт работы по организации здравоохранения и особенно в должности руководителя недостаточен. Такая ситуация, вероятнее всего, обусловлена ротацией кадров, наблюдаемой не только в здравоохранении.

Анализ данных, полученных нами при помощи индивидуально-типологического опросника (ИТО)¹, показал, что трети руководителей (30,1%) присуща социальная желательность, или, иными словами, выраженное стремление соответствовать общепринятым нормам. Подчеркивание своих проблем для них не характерно (2,1%). Состояние дезадаптации выявлено у каждого

¹ Собчик Л.Н. Введение в психологию индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. – М., 1998.

четвертого руководителя по параметрам сензитивности (25,9%), тревожности (25,9%), экстравертированности (29,5%). По остальным параметрам наблюдались акцентуации той или иной степени выраженности. Усредненный психологический профиль организатора здравоохранения можно представить следующим образом: превалирующий стиль мышления абстрактно-аналитический (вербальный), что указывает на освоение материала через словесную информацию; индивидуальный стиль межличностного поведения характеризуется потребностью в теплых отношениях с небольшим, но особо значимым окружением в сочетании со стремлением занять значимую позицию; реакции на стресс могут быть тревожно-депрессивными. Возможен неврастенический вариант личности. Социально-психологическая адаптация сохранена на необходимом уровне (акцентуированные черты компенсируются противоположными тенденциями), вместе с тем это свидетельствует о наличии эмоциональной напряженности в связи с разнонаправленными индивидуально-личностными тенденциями.

С этих позиций, изучая личность, необходимо оценить ее способность к адаптации в новых условиях. Как известно, нарушение процессов адаптации сопровождается повышенной конфликтностью с окружающими, понижением работоспособности, ухудшением состояния здоровья. При глубоких нарушениях процессов адаптации возможно развитие заболеваний (язвенной болезни, гипертонической болезни, невротозов и тому подобное), срыв профессиональной деятельности, асоциальные поступки и т.д. С помощью многоуровневого личностного опросника «МЛО-Адаптивность»¹ были изучены особенности адаптации руководителей-организаторов здравоохранения и выявлено, что у большинства из них отмечался в основном средний уровень поведенческой регуляции ($59,9 \pm 3,4\%$). Однако практически у каждого четвертого уровень ее был низкий ($26,2 \pm 3,1\%$), что свидетельствует о нервно-психической неустойчивости, высокой ситуативной тревожности, неуверенности в своих силах, склонности к нервно-психическим срывам. При анализе коммуникативного потенциала было выявлено также превалирование лиц со средним уровнем ($82,7 \pm 2,7\%$). Однако в $12,9 \pm 2,4\%$ случаев отмечен низкий уровень, что указывает на нарушения адаптации из-за проблем в сфере межличностного общения и неадекватных взаимоотношений с

¹ Практика оказания психологической помощи курсантам военно-учебных заведений: Методические рекомендации. – М., 1996.

окружающими, затруднение в построении контактов с ними, проявление агрессивности, повышенную конфликтность. Анализ моральной нормативности выявил у $10,9 \pm 2,3\%$ лиц низкий уровень, что указывает на проблемы в социализации личности, неспособность адекватно оценить свое место и роль в коллективе, отсутствие стремления к соблюдению общепринятых норм поведения, возможные проблемы в плане восприятия требований, предъявляемых спецификой профессиональной деятельности. Поведенческая регуляция, коммуникативный потенциал и моральная нормативность определяют личностный адаптационный потенциал, который у большинства организаторов здравоохранения был снижен ($80,2 \pm 2,7\%$), что отражает нарушение адаптационных процессов. Исследование адаптационного потенциала и его компонентов у организаторов здравоохранения подтверждает данные ИТО и свидетельствует о том, что они нуждаются в психологической помощи в процессе профессиональной деятельности для предупреждения возможных соматических нарушений.

Особое значение при изучении личности организатора здравоохранения имеет определение уровня субъективного контроля, социальной ответственности личности. Изучение уровня субъективного контроля с помощью метода «УСК»¹ у организаторов здравоохранения показало, что социальная ответственность личности организатора здравоохранения высока в области достижений – $68,4 \pm 3,2\%$, производственных отношений – $66,2 \pm 3,2\%$ и межличностных отношений – $76,2 \pm 3,2\%$; в области здоровья – $45,0 \pm 4,7\%$. За эти отношения организаторы здравоохранения берут на себя ответственность и уверены, что они, благодаря собственным усилиям, достигли всего в своей жизни, считают свои действия важным фактором организации собственной профессиональной деятельности, в своем продвижении по служебной лестнице, в складывающихся отношениях в коллективе. Исключение составляют интернальность в области семейных отношений и в области здоровья, где превалирует низкий уровень (соответственно $70,5 \pm 3,2\%$ и $59,5 \pm 3,4\%$) ($p < 0,01$), что указывает на то, что человек не берет на себя ответственность за эти сферы. Интерпретацию полученных данных следует проводить с учетом предыдущих исследований. Столь высокий уровень ответственности в

¹ Бажин Е.Ф. Метод исследования уровня субъективного контроля / Е.Ф.Бажин, С.А.Голынкина, А.М.Эткинд // Психологический журнал. Т.5. – 1984. – № 3. – С.12-15.

профессиональной деятельности у руководителей в сочетании с низкими показателями в отношении здоровья и заниженным адаптационным потенциалом, по нашему мнению, может способствовать переходу акцентуированных личностных особенностей в соматические расстройства.

Изучение и углубленный анализ мотивационной сферы и ценностных ориентаций позволяет найти ответ на вопрос: что лежит в основе устремлений человека и побуждает его к деятельности. С помощью методики «Мотивационный профиль личности (МПЛ)»¹ выявлено, что у большинства руководителей в рабочей сфере наблюдается креативный мотивационный профиль ($71,1 \pm 3,6\%$); Это свидетельствует о заметном превышении общего уровня производительных мотивов (самоактуализации) над потребительскими. Обратная картина выявлена в житейской сфере, где превалирует блокирующий мотивационный профиль ($71,1 \pm 3,6\%$), который характеризует потребительские мотивы. Возможно, это обусловлено социально-экономическими проблемами российского общества, когда у большинства населения жизненный уровень низкий, не позволяющий реализовать творческие мотивы в житейской сфере.

В современных условиях все организации предъявляют все более высокие требования к управленческим способностям руководителей. Дать систематизированную их оценку и выявить особенности у организаторов здравоохранения позволил тест «Анализ своих ограничений»². Было установлено, что среди сильных сторон руководителей первое место, по их мнению, занимает умение влиять на окружающих ($53,8 \pm 3,5\%$), на втором месте находятся четкость личных целей ($41,2 \pm 3,5\%$) и умение обучать ($40,0 \pm 3,5\%$). Однако было выявлено, что значительная доля организаторов здравоохранения испытывают те или иные проблемы в управлении: недостаток творческого подхода отмечен у $61,9 \pm 3,5\%$ руководителей, неумение управлять собой – у $43,6 \pm 3,5\%$, ограничения навыков решения проблем делового характера испытывали $31,8 \pm 3,5\%$, ограничения в плане возможности руководить людьми наблюдались у $26,2 \pm 3,5\%$. Следует подчеркнуть, что эти факторы являются управляемыми.

¹ Мильман В.Э. Мотивационный профиль личности // Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции. – М., 1990.

² Вудкок М., Фрэнсис Д. Раскрепощенный менеджер. Для руководителя-практика. – М., 1991.

Именно на эти стороны деятельности организатора здравоохранения следует обратить внимание как им самим, так и всем субъектам, обеспечивающим кадровую политику, в плане формирования и развития этих качеств.

Детализировать особенности управленческого поведения организаторов здравоохранения позволил метод диагностики межличностных отношений ДМО, представляющий собой модифицированный вариант интерперсональной диагностики Тимоти Лири¹. Характерными особенностями организаторов здравоохранения являются, с одной стороны, наличие у каждого третьего акцентуации по властно-лидирующему стилю ($32,4 \pm 3,5\%$), что свидетельствует о нетерпимости к критике, переоценке собственных возможностей, императивной потребности командовать другими, а в $5,8 \pm 1,9\%$ случаев выявлены выраженные черты деспотизма. С другой стороны, почти у половины руководителей ($48,2 \pm 3,5\%$) наблюдалась акцентуация по параметру «ответственно-великодушный», что проявляется в мягкосердечии, сверхобязательности, гиперсоциальности установок, подчеркнутым альтруизме, что можно объяснить в какой-то мере социальным статусом обследованных, их принадлежностью к врачебной профессии. Из анализа профилей следует, что у значительной доли руководителей ($59,7 \pm 3,5\%$) в представлениях о себе реальном и идеальном существуют зоны рассогласования (разница в 4 балла). Это зоны потенциальной конфликтности. Речь идет о конфликте внутри личности. Идеальный организатор здравоохранения представлен как властолюбивый человек со склонностью к деспотизму. Вместе с тем наблюдается склонность к сверхобязательности и гиперсоциальным установкам.

Таким образом, исследование личности руководителя организатора здравоохранения позволило выявить проблемы, которые следует учитывать как всем субъектам, обеспечивающим кадровую политику, так и самим руководителям: акцентуации личностных качеств, сниженный адаптационный потенциал, ограничения в управленческой деятельности, нетерпимость к критике в сочетании со сверхобязательностью и гиперсоциальными установками, в плане контроля этих качеств, так как, с одной стороны, возможен переход акцентуированных личностных особенностей в соматические расстройства, с другой

¹ Собчик Л.Н. Введение в психологию индивидуальности. Теория и практика психодиагностики.

стороны – негативное их влияние на управленческую деятельность. Исследование подтверждает необходимость детальной оценки кадрового потенциала и резервов руководящего звена медицинской службы в регионе.

ОСОБЕННОСТИ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Соколова Е.В.
Красноярский государственный
университет
(г.Красноярск)

Массовое сознание молодежи очень быстро реагирует на всевозможные социально-экономические конфликты и противоречия, возникающие в обществе. В нем в единое целое переплавляются разнообразные духовные комплексы, психологические феномены, идеологические системы, специализированные теоретические взгляды и разработанные на их основе конкретные политические доктрины, программы, политические учения, а также все основные характеристики массового сознания в целом.

Формирование массового сознания в наши дни совершается во многом стихийно, под влиянием малоизученных факторов. В связи с этим мы считаем целесообразным при рассмотрении этого феномена опираться на принцип минимального универсума, согласно которому массовое сознание включает в себя рациональные и эмоциональные элементы. Поэтому массовое сознание молодежи мы будем рассматривать через призму его рациональных и эмоциональных подсистем. Связано это с тем, что традиционные представления о массовом сознании концентрируются только вокруг социально-политических проблем и их отражений в массовом сознании. В этих теориях не анализируются эмоциональные и базовые ценности, являющиеся, на наш взгляд, основными составляющими массового сознания молодых людей.

Под базовыми ценностями понимаются основные жизненные смыслы, которыми индивиды, включенные в различные формы активности, руководствуются в своей повседневной жизни, смыслы, которые в значительной степени определяют отношение индивидов к окружающей их действительности и детерминируют основные модели социального поведения.

Так, Л.М.Смирнов под базовыми ценностями справедливо подразумевает либо достаточно абстрактно выраженные представления о том, что наиболее желательно и эмоционально привлекательно, то есть способно соответствовать идеальному состоянию бытия людей, либо столь же эмоционально привлекательный – и как раз в силу этого предпочитаемый – модус поведения или способ действий.¹

Базисные ценности, по определению А.В.Попова и Л.А.Зуевой, – это фундаментальные представления индивидов о принципах построения мира. Они выступают в качестве основы ориентации человека во всех сферах общественной жизни.² Таким образом, мы можем сделать вывод, что базисные ценности – это некие устойчивые представления индивида о социально приемлемых способах и конечных целях своей деятельности.

Наиболее фундаментальным основанием для типологии ценностей является, на наш взгляд, их разделение на терминальные, которые обобщенно выражают важнейшие цели, идеалы, смыслы жизни людей, такие как ценность человеческой жизни, семьи, свободы и инструментальные ценности, в которых запечатлены одобряемые в данном обществе средства достижения целей.

Другим критерием классификации ценностей служит их отнесение к соответствующим потребностям индивидов: витальным, интеракционистским, социализационным и смысложизненным – высшим потребностям в наполнении своей деятельности общим смыслом, значимым для всей жизни.

Интегральным показателем системы ценностных ориентаций личности, наиболее ярким выражением ее направленности выступает смысл жизни.

Так, В.Франкл, характеризуя понятие «жизненный смысл», использует его как синоним понятию «ценность» и утверждает значимость не двух разных начал бытия, а лишь одного – его ценностно-смыслового начала. Для него смыслы – это те же ценности, но только единичные, и, соответственно, ценности – это те же смыслы, только обобщенные.³

¹ Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / Отв. ред. А.В.Рябов, Е.Ш.Курбангалеева. – М., 2003

² Попов А.В., Зуева Л.А. Ценности в политике // Вестник Московского университета. Сер.12. Политические науки. – 2000. – №1.

³ Пископфель А.А. От традиционных ценностей к уникальным смыслам // Вопросы психологии. – 2001. – №6.

В современной социологии и психологии существуют различные толкования такого феномена массового сознания, как смысл жизни.

Мы будем понимать смысл жизни, опираясь на утверждение В.Г.Немировского, как устойчивую, преобладающую направленность индивидуального или группового сознания, непосредственно проявляющуюся в социальной жизни человека.

Вообще вопросы, связанные со смыслом жизни, особенно актуальны для студенческой молодежи, поскольку происходящее сейчас наложение социального кризиса на возрастной обостряет отношение человека к своему прошлому, настоящему и будущему, поэтому и требует, на наш взгляд, наиболее глубокого понимания и изучения.

Как мы уже отмечали выше, классические теории изучения массового сознания носят преимущественно рационалистический характер, что имеет, по нашему предположению, ряд недостатков, поскольку упускаются два важных момента: наличие у человека сферы неосознанных побуждений и существование эмоций и чувств, а принцип минимального универсума предполагает рассмотрение массового сознания в единстве рациональных и эмоциональных подсистем.

Смысл жизни также не может выражаться только рационально. Нередко он проявляется в эмоциональных формах и имеет различную степень осознанности: от неясных колебаний настроения до четких жизненных принципов и программ.

Ориентации на эмоциональные ценности опираются на определенные потребности, поэтому их индикатором может служить описание состояния удовлетворения этой потребности. Соответственно, специфика ценностных переживаний во многом зависит от того, какая из потребностей лежит в его основе.

Так, например, К.Хорни описывает десять потребностей человека: в любви и одобрении, в руководящем партнере, в четких ограничениях, во власти, в эксплуатировании других, в общественном признании, в восхищении собой, в честолюбии, в самодостаточности и независимости, в безупречности и неопровержимости. Все эти потребности выступают основой поведения человека.¹

Чем больше человеку нравится испытывать то или иное переживание, тем сильнее у него развита соответствующая потребность. Стремления к тем или иным переживаниям существуют в сознании людей не изолированно друг от друга, а

¹ Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. – СПб., 2001.

образуют определенные комплексы. Мы в соответствии с концепцией, предложенной В.Г.Немировским, будем выделять пять таких комплексов:

1. «Созидание», включающее в себя стремления к переживаниям, в основе которых лежат потребности в труде, в смысле жизни, в любви.

2. «Властвование» охватывает стремление к переживаниям, которые базируются на потребностях в самоуважении, престиже, славе, свободе, самостоятельности, доминировании.

3. «Потребление» характеризуется ориентациями на переживание потребностей в приобретении вещей.

4. «Игра» связана с ориентациями на переживание потребности в романтике, опасности, риске.

5. «Конформизм» проявляется в переживаниях потребности в поиске покровителя.¹

Изучая феномен смысла жизни, мы считаем необходимым обратиться к характеристике его структуры. Так, В.Франкл, И.С.Кон отмечают, что человеку присуще наличие ряда жизненных смыслов. Например, В.Франкл, характеризуя смысл жизни, отмечал, что в своем предельном выражении это смысл жизни как таковой, в элементарном же – смысл любого момента жизни, любой жизненной ситуации вполне определенного человека. Смысл есть для каждого, и для каждого существует свой особый смысл. Смысл для него – это всякий раз также и конкретный смысл конкретной ситуации.²

Однако основным недостатком их концепций, на наш взгляд, является то, что отдельные жизненные смыслы выступают у этих психологов как рядоположенные, то есть не уделяется внимания их иерархии.

Более адекватный в данном случае подход мы видим у В.Э.Чудновского, который считая, что наряду с множеством «малых», отдельных жизненных смыслов существует «большой», особый жизненный смысл. В основе структуры смысла жизни лежит иерархия смыслов, соотношение «больших» и «малых» смыслов, поэтому становление и функционирование смысла жизни определяется не только содержанием «главного смысла», но и характером его соотношения с другими жизненными смыслами. С

¹ Немировский В.Г. Современная социология: Курс лекций. – Красноярск, 2002.

² Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник / Пер. с англ. и нем.; общ. ред. Л.Я.Гозмана и Д.А.Леонтьева; вст. ст. Д.А.Леонтьева. – М., 1990.

изменением структурной иерархии изменяется и содержательная сторона смысла жизни.¹

Так, по данным социологических исследований, наиболее значимыми для страны в целом, чем для себя лично, рассматриваются молодежью права и свободы, выступающие в качестве атрибутов демократически организованного общества (где должны проходить выборы, существовать многопартийность, права на протестные действия). И наоборот, для себя лично важны те ценности, которые выступают в качестве атрибутов индивидуальной пользы (свобода выбора профессии, передвижение по стране и за ее пределами).

Итак, смысл жизни – устойчивая доминирующая направленность массового сознания. В соответствии с принципом минимального универсума можно выделить следующие элементы его направленности, через которые и проявляются концепции смысла жизни: мировоззренческая, социальная и эмоциональная направленность.

Мировоззренческая направленность личности - это высший уровень, который наиболее полно воплощает представления личности о смысле жизни, включая представления о мире и о своем месте в нем, отношение к себе и другим людям, отношения к жизни и смерти.

Социальная направленность характеризует, в каких сферах социальной деятельности человек реализует свои представления о смысле жизни и каковы эти представления.

Эмоциональная направленность представлена прежде всего ориентациями на смысложизненные переживания, то есть особые комплексы эмоций, имеющие ценностный характер и выступающие проявлением той или иной потребности человека.

В связи с этим мы считаем необходимым отметить, что в массовом сознании молодежи огромное место занимают фантастические представления, то есть разного рода верования, мифы, идеологические стереотипы, оторванные от реальной действительности, существующие благодаря действию эмоционального механизма веры, то есть иррациональной убежденности в реальности того или иного явления. В их основе лежат прежде всего социальные противоречия, которые на уровне массового сознания молодежи вызывают неудовлетворенность социально-политической и экономической ситуацией в стране,

¹ Психологические, философские и религиозные аспекты смысла жизни: Материалы 3-5 симпозиумов / Редкол. В.Э.Чудновский и др. – М., 2001.

материально-бытовыми условиями жизни, состоянием здоровья. Воспринимая их как непреодолимые препятствия на пути реализации смысложизненных ориентаций, человек ищет компенсации в мире ирреального.

Одним из таких компенсаторных средств являются мифы.

Мифы – это устойчивые и ментальные структуры, которые влияют на поведение человека и общества.

С.Кара-Мурза характеризует миф как обобщенное представление о действительности, соединяющее реальность с мистикой. Действительно, миф это всегда иллюзорное представление, оказывающее воздействие на массовое сознание. Иногда миф является способом замещения в сознании образа реальной действительности, которую люди не могут принять из-за ее страшной достоверности и заменяют условным образом, который воспринимается намного легче. В связи с этим мы можем утверждать, что миф достигает своего апогея, когда человек лицом к лицу сталкивается с неожиданной и опасной ситуацией. В критических ситуациях человек всегда обращается к отчаянным средствам.

Миф коренится в коллективном бессознательном, с чем и связана, на наш взгляд, его устойчивость.

Исходя из русской исторической и культурной традиции можно выделить следующие мифы, которые, по мнению многих исследователей, и мы с ними солидарны, находят отражение в массовом сознании молодежи: это миф о правде, миф о «золотом веке», миф о государстве и миф о героях.

В сознании молодежи утвердилось также множество либеральных мифов, и причина их, согласно справедливому предположению Т.Д.Соловей, в том, что, освободившись от государственного контроля, общество впало в противоположную крайность: на смену коллективизму пришел агрессивный индивидуализм. Соответствующая мифология инфильтровалась в сознание практически всех групп, и особенно молодежи.¹

В настоящее время Президент РФ персонифицирует еще один русский национальный миф – «о хорошем царе и плохих боярах». Так, по данным социологических исследований, в высоком рейтинге В.В.Путина присутствует и заметная мифологическая составляющая.

¹ Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы.

Современные мифы рождаются и распространяются с помощью СМИ, специфика которых и заключается во всестороннем воздействии на глубинные пласты сознания.

В целом же можно констатировать, что молодые люди не получают всесторонне полной и объективной информации, а только ту, которую СМИ, находящиеся в руках государства, хотят им дать, преследуя личные цели.

Итак, проблема исследования смысла жизни является одной из важных задач при анализе массового сознания современной молодежи, поскольку это связано с тенденцией осуществления целостного подхода к исследованию этого феномена, что и обуславливает использование нами принципа минимального универсума.

Универсумный подход к анализу смысла жизни предполагает его изучение в единстве как духовных, так и социальных сторон. Духовная сторона проявляется в ценностных ориентациях личности, в ее эмоциях и чувствах. Проявляется смысл жизни в разного рода смысложизненных ориентациях, которые и образуют смысложизненную структуру личности.

Сформировавшаяся и видоизменяющаяся система социальных ценностей молодых людей базируется не только на осознанных, рациональных основаниях, но и на фундаменте доминирующих потребностей, архетипах коллективного бессознательного, системе верований, мифов, входящих в содержательную структуру молодежного менталитета.

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СТОРОНА ПРОЦЕССА ВОЗДЕЙСТВИЯ РЕКЛАМЫ НА МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

Афанасьева Е.Н.
Красноярский государственный
университет
(г.Красноярск)

С широким развитием современных коммуникационных технологий особую актуальность обретает вопрос о способах, результатах и последствиях их воздействия на массовое сознание. В частности, представляет интерес изучение влияния современных технологий рекламы и паблик рилейшнз на формирование системы ценностных ориентаций аудитории. Ввиду того, что данные технологии не просто транслируют информационные сообщения, но носят выраженный суггестивный характер, создают новые потребительские стереотипы и при этом не ограничиваются использованием рациональных доводов, а воздействуют на эмоции, апеллируя к бессознательным, предсознательным слоям психики, нам представляется перспективным переосмысление в данном контексте теории архетипов коллективного бессознательного.

В современной науке архетипы определяются как устойчивые психические структуры коллективного бессознательного, которые организуют психический материал, служа своего рода первичными схемами мировосприятия и социального поведения. Архетипы не входят в сознание «в чистом виде», а всегда соединяются с представлениями опыта и, подвергаясь сознательной обработке, проявляются в сознании уже в рамках той или иной культурной среды в качестве архетипических символов. Находя выражение не только в снах и фантазиях индивидуумов, но и в продуктах творческой деятельности – как типичные персонажи и мотивы мифов, сказок, легенд, в религиозных учениях и ритуалах, в национальных идеалах, в символах массовых движений, архетипические символы культурно встроены в коллективное сознание. К.Юнг фактически отождествляет культурные символы и духовные ценности, полагая, что моральная и духовная традиции в обществе закрепляются посредством культурных символов. Социальная символика создается в недрах социального мышления, воспроизводящего в идеях, мнениях, ценностях актуальные для массового сознания мотивационно-смысловые тенденции и потребности.

С точки зрения универсального социологического подхода, изучающего социум в единстве его природных, социальных, духовных связей и проявлений и выступающего квинтэссенцией современных тенденций взаимодействия естественнонаучного и социогуманитарного знания, исследование структур коллективного бессознательного представляет особый интерес. Как отмечает В.Г.Немировский, изучение архетипов с помощью соответствующей методологии имеет большое значение для понимания многих проблем социального, человека как элемента единого универсума.¹

Являясь, по выражению К.Юнга, «источниками для канализации психических энергий во все время жизни»², архетипы образуют некую схему, в соответствии с которой формируется основная психологическая структура человека. Их можно считать естественными «чертежами», которые диктуют форму внутренней умственной структуры, или базовыми формами, определяющими роль, ценности, поведение, творческие способности и тип восприятия, ощущения и мышления индивидов. Следовательно, архетипы можно рассматривать как существующие в подсознании и частично присутствующие в сознании (как архетипические символы) модели, в соответствии с которыми индивид интерпретирует окружающую его действительность и строит собственную жизнь.

В соответствии с принципом минимального универсума архетипы образуют семь уровней, которым соответствуют концепции смысла жизни, существующие в массовом сознании. Низший уровень аллегорически обозначен как архетипы бактерий, вирусов и прочих микроскопических паразитирующих сущностей; преобладающее влияние данного архетипа обуславливает «паразитическую» позицию существования за счет окружающих. Архетипам растений соответствует преобладание бездумного времяпровождения, существование «одним днем», без определенных целей и стремлений. Группу жизненных позиций, ограниченных стремлениями к потреблению, накоплению богатства как самоцели, а также стремлением к удовольствиям, наслаждениям, можно обозначить как находящуюся под

¹ Немировский В.Г. Социология: Классические и постнеклассические подходы к анализу социальной реальности / В.Г.Немировский, Д.Д.Невирко, С.В.Гришаев. – М., 2003. – С.309.

² Фейдимен Дж, Фрейгер Р. Карл Юнг и аналитическая психология // Личность и личностный рост. Вып. 1. – М., 1994. – С.57.

воздействиями архетипов насекомых. Архетипы животных объединяют стремления «жить как все», «быть не хуже других», продолжить свой род в детях (в основе которых лежат инстинкты – продолжения рода, «стадный» инстинкт). Присутствие архетипов социального уровня определяет наличие у носителей различных моделей реализации стремления к власти, престижу и повышению своего социального статуса. Преобладание в смысложизненных концепциях поиска себя в работе, в познании нового, в созидании, стремления к самореализации и творчеству, а также стремления к духовному развитию и нравственному самосовершенствованию соответствуют группе высших, или духовных, архетипов. Можно подразделить описанные выше архетипы соответствующих смысложизненных концепций на две основные группы, или архетипа, – восхождение, развитие и нисхождение, деградация, которые соответствуют двум базовым смысложизненным ориентациям, определяющим основной ценностный модус человеческого существования, выделенным Э. Фроммом как стремление к бытию и стремление к обладанию. Архетип «восхождение», которому соответствуют высшие архетипы, проявляется в стремлении к бытию как потребность в духовном и нравственном самосовершенствовании, в самореализации и творчестве, в интересной работе, познании нового, созидании. Архетип «нисхождение» проявляется в стремлении к обладанию как ориентация на материальный достаток, возможности для отдыха и развлечений, престижное положение в обществе.

На современном этапе развития технологий массовых коммуникаций изучение воздействия архетипического материала на сознание и деятельность индивидуумов приобретает особую актуальность. Ведь «актуализация» архетипа посредством распознавания в поступающей информации соответствующих образов или сюжетов вызывает резонанс в коллективном бессознательном, усиливая у воспринимающего все соответствующие данному архетипу эмоциональные реакции и бессознательные ожидания и индуцируя определенные поведенческие акты. Активизацию архетипа может провоцировать множество фигур и ситуаций, которые несут в себе архетипические символы, при этом оставаясь, как правило, совершенно вне осознания у субъекта относительно данной проекции. Сильные эмоциональные реакции после политического убийства или смерти общественного деятеля – президента или короля, кинозвезды или религиозного деятеля – показывают, насколько для многих людей конкретная фигура наполнена архетипической проекцией.

Возможное предъявление архетипических символов аудитории в рекламном сообщении оказывает сильное эмоциональное воздействие, актуализируя память предков, вытягивает из сферы подсознательного на уровень сознания совокупность ассоциативных связей. Впрочем, на уровень сознания процесс восприятия символов может и не выходить. В этих случаях интерес, вызванный у реципиента символическим обращением, может реализоваться в его длительном запоминании или в импульсивном поведенческом акте. В целом присутствие в рекламе архетипической символики дает некоторое устойчивое ощущение «правильности» всего изображения, его соответствия некоторой внутренней реальности воспринимающего. При этом к собственной эмоциональной энергии сообщения присоединяется внутренняя психическая энергия архетипа, что придает рекламе дополнительную убедительность и силу. Так как содержание сообщения соединяется с особым узнаваемым состоянием, присущим человеку, после восприятия рекламы остается «след», увеличивая длительность ее воздействия.

Кроме того, архетипы коллективного бессознательного являются источником построения иллюзорных конструкций в психике индивидов. З.Фрейд писал: «Иллюзии – реализация самых древних, самых настойчивых, самых сильных желаний человечества. Тайна их силы кроется в силе этих желаний»¹. Иллюзия формируется во внутреннем мире человека, мобилизуя резервы воображения, «подогревая» эмоциональное состояние личности. Феномен иллюзии как переживание некоторых возможностей, средоточие надежд и фантазий личности или сообщества относительно усовершенствования окружающего мира или самих себя возникает, в частности, в момент соприкосновения рекламного сообщения с восприятием реципиентов. Как пишет французский философ Ж.Бодрийяр, «реклама фиксирует потенциал воображаемого и дает ему выход»². В рекламе факт появления на рынке нового продукта и его действительные характеристики (равно как и характеристики появляющихся на политической арене лидеров и движений в имиджевой рекламе) обрамляются совокупностью тех возможностей, часто именно иллюзорных, которые принесет покупателям приобретение этого товара (выбор кандидата).

¹ Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Вопросы философии. – 1989. – №8. – С.146.

² Бодрийяр Ж. Система вещей. – М., 1995. – С.143.

Важную сторону процесса символизации в рекламе характеризуют американские исследователи (Р.Батра, Дж.Майерс): «В рекламном обращении могут соединяться в единое целое собственно товар и некий всем известный символ конкретной культурной ценности, причем подобное соединение может быть осуществлено таким образом, что зритель будет ощущать существенное сходство между товаром и символом, вследствие чего данная культурная ценность отныне станет частью данного товара»¹. Именно апелляция к ведущим ценностям, характерным для различных сегментов аудитории, составляет притягательность той иллюзорной ауры, которая облекает фактологическую основу рекламного текста. В.Паккард писал в своем труде «Тайные искусители»: «Люди покупают не ланолин, а надежду, не апельсины, а жизненную силу, не автомобили, а престиж». Рекламируемый объект возносится здесь на определенный уровень ценностной иерархии.

Вопрос о том, какого типа ценности по преимуществу создает и распространяет реклама, является одним из основных в дискуссии о соотношении позитивных и негативных воздействий рекламы на общество. По итогам социологических опросов населения разных стран первые места в списках предпочтений занимают такие всеобщие ценности, как сохранение жизни, молодости, здоровья. Данные ценности соответствуют потребностям базового уровня – тем, которые обеспечивают само выживание человека (по классификации, предложенной А. Маслоу).

С точки зрения универсального подхода данная группа ценностей соотносится с низшими уровнями архетипических групп (бактерий, растений, насекомых). Анализ популярных телевизионных рекламных роликов приводит к выводу, что реклама большинства потребительских продуктов создает соблазняющую «оболочку» вокруг фактологического информационного ядра, апеллируя к удовлетворению именно этого уровня потребностей и ценностей аудитории. Обращение к идее сохранения молодости, красоты и здоровья – атрибут рекламы косметических средств (яркий пример – слоган ролика о креме для лица: «Морщины?! Нет, это не для меня!»), рекламы зубной пасты как средства защиты от «угрожающего» кариеса, а также о «необходимых для здоровья», дающих «бодрость и силу» соках и йогуртах.

¹ Барта Р., Майерс Дж. Рекламный менеджмент. – М., 1998. – С.358.

Довольно часто встречается реклама, культивирующая веселое, беззаботное времяпрепровождение, получение удовольствия, наслаждение текущим моментом. Это характерно в основном для роликов, знакомящих потенциального потребителя с кондитерской и алкогольной продукцией. В них используются не только характерные слоганы (например, «Райское наслаждение», «И пускай весь мир подождет», «Мы веселимся – или как?!»), но и присутствуют атрибуты бездумных развлечений, отдыха – бары, ночные клубы, дискотеки, легкое поверхностное общение. Такие установки соответствуют гедонистическим концепциям смысла жизни, характерным для архетипов растений, бездумной жизни «одним днем», свойственной представителям архетипов насекомых, а также склонности к пассивному убиванию времени, что, особенно в сочетании с установкой, выраженной популярным рекламным слоганом «Бери от жизни все!», характерно для «паразитических» архетипов бактерий, вирусов.

В отдельную группу направлений рекламного воздействия следует выделить апелляции к семейным ценностям. В универсумном подходе «жизнь ради семьи» рассматривается как одна из основных смысложизненных ориентаций следующего, третьего архетипического уровня. В той или иной форме наличие атрибутов семейной жизни наблюдается в большинстве современной рекламной продукции. Они варьируются от непосредственного изображения картин семейной идиллии – за обедом, на пикнике, на детском празднике (например, в рекламном ролике сока «Любимый сад», вафельного торта «Чудо» и многих подобных) до фоновое использование соответствующей символики: присутствие обручальных колец, семейной фотографии. Интересный пример использования апелляции к семейным ценностям в предвыборной рекламе можно привести из опыта деятельности французского специалиста в области рекламы Ж.Сегелы, который следующим образом описывает процесс поиска символического воплощения главной идеи предвыборного состязания для кандидата социалистов Ф.Миттерана, баллотировавшегося на президентский пост в 1988 г.: «Я ... задал себе кардинальный вопрос: «Будь у меня к кандидату в президенты всего одно требование, каким бы оно было?». Ответ пришел сам собой: «Чтобы твоя дочь, Лола, которой сейчас один год, прожила в третьем тысячелетии более счастливо, чем ты в твоём незадавшемся двадцатом веке»... Так родилась идея: рука мужчины, протянутая к ребенку... – образ, единый и

многозначный, способный охарактеризовать будущего Президента, но в котором каждый избиратель мог узнать себя»¹.

Другая группа смысложизненных концепций данного архетипического уровня – конформистских, выражаемых в установке «жить как все», быть «не хуже других», – служит «мишенью» для механизмов подражания и идентификации, которые являются важными стимулами продуктивности рекламных сообщений. Опора на фактор идентификации – важный резерв ценностных апелляций рекламы, определяющей приметы достойного образа жизни, к которому призвано стремиться большинство. Фактор подражания, выступающий как желание приобщиться к облику и образу жизни звезд шоу-бизнеса или других выдающихся персонажей современности, стремление возвыситься до их окружения, можно рассматривать и как незрелую форму проявления стремления к престижу, власти, повышению своего социального статуса, лежащих в основе ценностей уровня социальных архетипов. В силу сравнительной удаленности большинства таких образцов от масс поклонников подражание им ограничивается чисто внешними атрибутами: идентификация заменяется ощущением общности с избранным объектом, которое дают похожие одежда и прическа, повторение высказываний кумира, что используется современной рекламой.

Распространена реклама, ориентированная на ценности социального престижа, жизненного успеха. Ценности уровня социальных архетипов лежат в основе так называемого «престижного, демонстративного потребления», которое Х.Шрадер определяет как публичную выставку дорогостоящих предметов либо использование ценных услуг с целью продемонстрировать статус. В контексте престижного потребления такие прагматические характеристики товара, как необходимость и полезность, уходят на второй план, уступая место престижной ценности, демонстративному превосходству, которые становятся определяющими.

Применение в сфере рекламы и паблик рилейшнз теории коллективного бессознательного представляется перспективным, так как использование и распознавание при передаче информации архетипических мотивов повышает эффективность коммуникации. Однако общий результат и последствия такой «эффективности» могут быть расценены неоднозначно. Отечественные и зарубежные социологи справедливо полагают, что апелляция

¹ Сегела Ж. Национальные особенности охоты за голосами. – М., 1999. – С.85.

рекламы к ценностям потенциального потребителя неизбежно воздействует на массовое сознание, внедряя очередные стереотипы, затрагивая формирование целей и идеалов, особенно у подрастающего поколения. Тот факт, что большинство современной рекламной продукции апеллирует к приземленным, узкопрагматическим интересам, таким как секс, престиж, бездумное комфортное времяпрепровождение, позволяет говорить в первую очередь о насаждении ценностей потребительства, за счет чего уходят на периферию массовых интересов ценности более высокого, духовного уровня.

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ШТРАФА: ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Лемперт И.Н.
Хакасский государственный
университет им. Н.Ф.Катанова
(г.Абакан)

Поскольку наказание применяется для восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений и в основу его положены принципы законности, справедливости, гуманности и индивидуализации, ч.3 ст.60 УК РФ устанавливает обязанность суда при назначении наказания учитывать помимо характера и степени общественной опасности совершенного преступления, обстоятельств дела, смягчающих и отягчающих ответственность, личность виновного, то есть все то, что характеризует личность в целом и объясняет причины совершения общественно опасного деяния.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 1999 г. №40 «О практике назначения судами уголовного наказания»¹ в п.1 также указывает на то, что в приговоре должны быть отражены помимо смягчающих и отягчающих вину лица обстоятельств также и иные обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, доказанные при разбирательстве уголовного дела.

А.Р. Ратипов, проведя социально-правовые исследования, считает, что одним из условий, при котором уголовно-правовая ответственность станет более эффективной, является убеждение субъекта, насколько запрещенное действие для него приемлемо, желаемо и обязательно.² Таким образом, для того чтобы наказание достигло целей, поставленных перед ним законом, необходимо при его назначении выяснять социально-криминологический и уголовно-правовой аспекты личности преступника.

Степень общественной опасности содеянного задает континуум санкции, в рамках которого определяется мера

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1999. – № 9.

² См.: Ратипов А.Р. Социально-психологические аспекты юридической теории и практики // Прикладные проблемы социальной психологии. – М., 1983. – С. 230.

наказания с учетом личностных особенностей преступника и обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность.¹

Из анализа уголовно-правовых норм, предусматривающих в своих санкциях штраф как меру ответственности, можно сделать вывод, что данный вид наказания законодатель считает эффективным для лиц, совершивших корыстные преступления или преступления, связанные с материальным ущербом или моральным вредом.

Для обоснования вывода о целесообразности назначения штрафа определенным категориям правонарушителей были изучены уголовные дела в отношении 330 осужденных к этому виду наказания судами Республики Хакасия.

Рассмотрим некоторые черты, прежде всего социально-демографические, криминологической и уголовно-правовой характеристик личностей преступников, которым назначался в качестве меры ответственности штраф.

Штраф назначался мужчинам чаще (79,7% от общего количества осужденных по изученным делам), чем женщинам. Эта тенденция характерна для всей преступности в целом – среди мужчин преступников значительно больше, чем женщин.² 25% осужденных к штрафу совершили преступления против собственности; 20,6% – преступления, связанные с умышленным причинением легкого вреда здоровью и побоями; 16,9 % – преступления против порядка управления (ст.ст.319 и 327 УК РФ).

Возрастная характеристика преступников, которым был назначен в качестве наказания штраф, а также данные о роде занятия и социальном положении осужденных позволяют сделать вывод о возможности исполнения штрафа. В анализируемых уголовных делах штраф назначался в 90% случаях лицам в возрасте от 20 до 60 лет (причем 55,5% – лицам от 20 до 40 лет; в 3,6% случаях штраф был назначен людям пенсионного возраста).

Из 330 осужденных 54,2% на момент вынесения наказания в виде штрафа работали; 4,2% осужденных обучались в различных учебных заведениях; 32,6% – нигде не работали, из них 1,2% имели инвалидность.

На поведение личности, сферу интересов, круг общения, выбор способов реализации жизненных целей, уровень правосознания оказывает образование. Как следует из материалов

¹ Бурлаков В.Н. Личность преступника и назначение наказания: Учебное пособие. – Л., 1986. – С.35.

² Криминология: Учебник / Под ред. И.И.Карпеца, В.Е.Эминова. – М., 1992. – С.176.

изученных уголовных дел, 45,8% осужденных к штрафу имели среднее образование; 25,2% – средне-специальное; 11,5% – неполное среднее образование; 7,8% – высшее.

Таким образом, можно сделать вывод, что штраф назначается судами лицам, уже достигшим в жизни определенного материального благополучия, обладающим профессиональными навыками, способным к общественно полезному труду.

Из всех осужденных, заплативших штраф в добровольном или принудительном порядке, 64,2% имели доход в виде заработной платы, стипендии или пенсии. Это говорит о том, что целесообразно назначать штраф лицам, получающим заработную плату или иной постоянный доход.

Еще большее значение, чем направленность личности, имеет характер виновного, его психологический портрет. Он вырисовывается из образа жизни правонарушителя, его поведения в семье, в коллективе, его отношений с окружающими и т.п.

Оценивая личность преступника, суды учитывают бытовые и производственные характеристики виновного, которые в ходе расследования дела собираются следователями и дознавателями. Часто эти характеристики трафаретны и не содержат объективного анализа производственной и общественной деятельности человека.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в 29,4% случаев характеристики на подсудимых в уголовных делах отсутствовали.

Для психологической характеристики личности, которая отражает направленность лица на совершение противоправных действий, о его повышенной опасности, требуется выяснять в ходе производства по делу наличие судимостей, а также привлечений к административной ответственности.

Из анализа изученных уголовных дел следует, что 25,5% осужденных раньше привлекались к уголовной ответственности, причем 16,7% – дважды и 2,4% – трижды; на 5,2% осужденных налагались административные взыскания. Таким образом, лица, которым за совершенные преступления назначен штраф, имеют низкую тенденцию к совершению общественно опасных деяний, и существует уверенность, что подобное наказание способно достичь цели исправления осужденного.

Из изложенного следует сделать вывод, который позволяет подтвердить ранее сделанные предположения¹, что наказание в виде штрафа в большей степени достигнет целей, поставленных перед ним законом, если будет назначаться двум категориям лиц.

¹ Бурлаков В.Н. Указ. соч. – С. 37-41.

К первой категории относятся лица, которым не свойственна в прошлом противоправная деятельность; мотивы, цели преступления и другие показатели общественной опасности личности преступника не имеют ярко выраженного антиобщественного характера; в то же время эти лица характеризуются повышенной положительной направленностью и значительной ретроспективной ценностью, то есть это граждане, как правило, добросовестно выполняющие свои профессиональные функции, общественные обязанности, имеющие определенные заслуги перед обществом, положительно характеризующиеся по месту жительства. В целом можно сказать, что преступное деяние для них явилось в некотором смысле эксцессом неблагоприятной жизненной ситуации, то есть антиобщественная направленность у таких лиц находится в «эмбриональном состоянии» и может быть преодолена за счет положительных свойств личности.

Ко второй категории относятся лица, личность которых характеризуется парциальной социальной направленностью. Общественная опасность таких лиц не исчерпывается оценкой только преступного деяния, а также включает прошлое антиобщественное поведение, определенную зрелость отрицательной мотивации и целей совершенного преступления. Вместе с тем эти лица не утратили своих социально полезных свойств и качеств. Положительная направленность их личности имеет в основном среднюю величину, о чем свидетельствуют их общественно полезный труд, выполнение социальных ролей, вытекающих из занимаемых ими жизненных позиций. Преступные действия, совершенные лицами этой группы, являются, как правило, следствием взаимодействия неблагоприятной криминогенной ситуации и неустойчивых свойств самой личности. Наказание в виде штрафа способно оказать нейтрализующее действие и последующую ликвидацию этих детерминант преступного поведения осужденного.

Для того чтобы избрать справедливое наказание, суд должен принимать во внимание как те черты личности преступника, которые обусловили совершение им преступления, так и все другие стороны его личности.¹ Это имеет значение также и для предупреждения совершения преступлений другими гражданами, так как только наказание, избранное судом с учетом всех

¹ См.: Лейкина Н.С. Личность преступника и уголовная ответственность. – Л., 1968. – С.114; Татарников В.Г. Личность виновного и ее влияние на назначение уголовного наказания: Методические рекомендации. – Иркутск, 1981. – С.10-11.

обстоятельств, воспринимается ими как справедливое и
заслуженное.

СОДЕРЖАНИЕ БАЗОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИМВОЛОВ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ СТУДЕНЧЕСТВА: ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО И ПРАКТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Зуев Д.Н.

Красноярский государственный
университет
(г.Красноярск)

В обществе переходного периода при неизбежном пересмотре идеологических ориентиров и отказе от старых символических форм возникает потребность в разработке жизнестойкой идеологии. Идеологии, интегрирующей общество в целом и различные его социальные группы. Разработка такого рода идеологии невозможна без учёта символов, которые послужат олицетворением целей движения и развития общества в будущем. На данный момент дискуссии о такой идеологии исходят лишь из ценностей, потребностей и интересов, а содержание символов как основных элементов, структурирующих идеологию, не учитывается и недооценивается.

В современных российских условиях реформирования основ социального устройства поиск новых подходов к изучению основных жизненных позиций населения становится целесообразным и закономерным.

В связи с этим особенно актуальным становится изучение содержания социально-политических символов в массовом сознании в определенных социально-демографических группах. Изучение содержания символов, сформировавшихся в сознании студенческой молодежи, представляет особую значимость.

Студенчество – это одна из самых динамичных составляющих общества, своеобразный индикатор происходящих в обществе процессов.

Кроме того, содержание символов в массовом сознании современного студенчества представляет ее устремления и ориентации. А знание доминирующих символов студенческой молодёжи актуально и крайне необходимо для понимания общей направленности развития российского общества.

Социологическое исследование, проведённое на кафедре социологии КГУ в 2003 г., позволило изучить содержание

базовых социально-политических символов в массовом сознании студентов.¹

В основу исследования была положена гипотеза о том, что выявление доминирующих ценностей студенчества возможно на основе анализа актуального содержания базовых политических символов, в частности понятийных политических символов. Социологический анализ значимых для социальной группы ценностей невозможен без изучения значимых для социальной группы символов.

Зачастую в социологии *символы* и *ценности* отождествляются, особенно тогда, когда выявление ценностей делается безотносительно к символам. Ценность выступает в качестве проективной реальности, которая складывается на знаковом основании. Кодификация культуры возможна на том основании, что в код вкладываются ценности пользователей этого культурного кода. Знаки создаются для обозначения тех сущностей и вещей, которые представляют особую важность для пользователей. Таким образом, ценности оказываются включёнными в знаковую систему культуры, а приверженность тем или иным ценностям предполагает и иногда обязывает использование соответствующих символов. Определённый символ может стать показателем принадлежности к разным субкультурам и приверженности разным системам ценностей.

Ценность не имеет социальной значимости до тех пор, пока она не приобрела значение на идеологическом уровне, т.е. не прошла кодификацию согласно доминирующей в обществе идеологии. Именно за счёт идеологической кодификации ценности придаётся та или иная степень значимости в конкретном обществе. Анализ содержания идеологии и социальных практик означивания (которые, по сути, и составляют механизм функционирования идеологии), таким образом, предстаёт весьма продуктивным методом интерпретации целого общества и феноменов его духовной жизни.

Политический символ — это ценностное символическое представление о политической и социальной реальности. Преобладание той или иной социально-значимой для социальной группы ценности проявляется в содержании символов в массовом сознании студенчества.

¹ Анкетный опрос проводился в пяти крупных вузах г. Красноярска (N=840). Основными параметрами выборки были: представленность респондентов по полу, возрасту и специальности (естественные, технические и гуманитарные науки).

Методологически полезными оказались положения, разрабатываемые в рамках *универсумной социологии*. В частности, на основе принципа минимального универсума была построена модель символа как динамически развивающейся системы. Это позволило выделить коммуникативную структуру символа, которая была использована в качестве практического инструмента в ходе социологического анализа полученных данных.

Исследование также опиралось на положения, разработанные в русле *символического интеракционизма, феноменологической социологии (в основном этнометодологии Гарфинкеля)*, и положения, касающиеся понятия «символический капитал и символическая власть» в социологии политики П.Бурдьё.

Также в качестве методологически значимых необходимо признать социологические теории ценностей, в частности теорию трансформации ценностей в постматериалистическом обществе Р.Инглхарта и теоретико-методологические разработки в рамках исследования ценностей в реформируемой России (Б.Г.Капустин, И.М.Клямкин, Н.И.Лапин, В.С.Магун, В.Г.Немировский).

Символическое содержание массового сознания постоянно изменяется, это связано с внутренней динамикой структуры самого символа, которая характеризуется изменениями на когнитивном уровне (изменяется концепт), это вызывает изменения на эмоциональном уровне (меняются образы), но сдвигов на архетипическом уровне не происходит. Архетип в структуре символа можно выделить при проведении более тщательного анализа (который будет заключаться в проведении, прежде всего, мифологических параллелей).

Массовое сознание постперестроечной России как общества переходного периода можно охарактеризовать как сознание, где символическая компонента подверглась существенной трансформации, имевшей, скорее, деструктивный характер. Впрочем, говоря о трансформации символического содержания массового сознания, мы не говорим о трансформации символов вообще, поскольку процесс изменений затрагивает в большей степени осознаваемые элементы (концепт, ценность, образ, но не архетип, который трансформировать в принципе невозможно).

Изучение содержания базовых социально-политических символов в динамике единственно дает возможность воссоздать глубинные структуры менталитета как системы представлений. При изучении особенностей массового сознания именно изучение содержания символов позволяет проводить диагностику современного общества и массового сознания в этом обществе.

Немногочисленные еще пока исследования символического пространства российского социума [З.В.Сикевич, Л.В.Степнова] показали, что в целом оно состоит из следующих структурных слоев: 1) **государственная символика** (флаг, герб, гимн); 2) **герои и личности-символы** прошлого, настоящего и будущего; 3) **событийная символика** (исторические события, явления, например «поворот» (Wende) в объединении Германии и крушение Берлинской стены, теракты 11 сентября в США); 4) **бытовая символика** в виде анекдотов, социальных стереотипов, адресованных на тот или иной элемент социальной действительности; 5) **языковая символика** – трансформации в языке и дискурсе, куда также можно отнести понятийную символику (понятия-концепты). Эти пять слоев, выделенные Л.В.Степновой, по сути, определяют «активную» типологию символов. Хотя теоретически возможно выделить до шестнадцати видов политической символики [типология Д.А.Мисюрова], выделенных слоев вполне достаточно для реконструирования и эмпирического исследования символического содержания базовых политических символов в массовом сознании.

Реконструирование содержания символов видится нами как выстраивание динамической иерархии символов. Анализ динамической символики включает в себя анализ значимых событий и явлений, оказавших влияние на судьбу России и в силу этого прочно связываемых с образом России в дальнейшем. Так, Л.В.Степнова указывает, что одним из смысловых векторов анализа такого рода является актуализация в массовом сознании чувства гордости за страну и чувства стыда.

Однако, на наш взгляд, актуализация целых комплексов эмоций в массовом сознании помогает воссоздать структуру содержания символов. Для этого необходимо обратиться к исследованиям эмоциональной сферы в социологии.

На основании исследования Л.В.Степновой, проведенного в 1997 году, логично предположение о том, что, анализируя событийную символику и вид символики, связанный с героями и личностями настоящего, прошлого, можно говорить о динамике развития символического содержания массового сознания. На примере развития этих двух видов символики можно попытаться увидеть закономерности и особенности развития структуры значений символов в российском социуме.

Проблема реконструирования содержания символов решается прежде всего путем восстановления ее структурных слоев. Поскольку сама структура символа инвариантна, нашей основной задачей становится изучение текущего их содержания в

современном российском обществе в двух ключевых направлениях – дискурсивном (вербальном, языковом) и недискурсивном (невербальном, телесном, визуальном) и в трех основных уровнях (блоках): понятийная символика, событийная символика и герои, личности-символы.

В ходе эмпирического исследования массовое сознание студенчества г.Красноярска было рассмотрено с позиции его символического содержания. Особенностью эмпирического исследования являлась стратегия комбинирования традиционных социологических методов исследования (анкетный опрос) и методов других гуманитарных наук.

Наряду с опросом мы прибегли к лингвистическому эксперименту, основанному на методе свободных ассоциаций, заимствованном из психоанализа. Суть эксперимента заключалась в выделении частотных слов к предложенным концептам и рассмотрении ассоциативного ряда в непосредственном образном контексте. Основу лингвистического эксперимента составил блок на ассоциации к ключевым концептам (ключевым словам) политического дискурса. Подобного рода эксперименты неоднократно использовались различными исследователями [в частности, С.Г.Тер-Минасовой].

Эмотивный слой символа является одной из тех составляющих символа, которые поддаются эмпирическому исследованию, а в изучении природы эмоций особая роль принадлежит речи. Поэтому мы считаем перспективным изучение выражения эмоций в языке с помощью семантического анализа, позволяющего проследить изменения в содержании понятий и терминов. В эксперименте не планировалась оценка или проверка вербальных знаний респондентов по поводу тех или иных понятийных политических символов, а предлагалось лишь указать три слова или выражения, с которыми у респондента *ассоциируется* предложенное слово. Затем полученные данные анализировались по трем параметрам: 1) частотности появления лексической единицы (выявление ключевой семы); 2) наличию образных ассоциатов; 3) наличию эмоционально-сниженной или эмоционально-возвышенной лексики.

Данные, полученные в ходе такого эксперимента, позволяют установить не только степень восприятия данных ключевых слов (политических понятийных символов) респондентами, но и увидеть непосредственный образный ряд, выстраивающийся вокруг них.

Содержание символов реконструировалось в двух аспектах: символическое восприятие студенчеством социально-

политических трансформаций в современном российском обществе и участие студентов в социально-политическом дискурсе. В ходе анализа содержания символов удалось зафиксировать бессознательно декларируемые ценности в массовом сознании студенчества.

Одной из задач исследования являлось определение доминантных понятийных политических символов. Символов, которые могут послужить стержнем для интеграции и мобилизации студенческой молодёжи как социальной группы.

Результаты исследования демонстрируют, что в массовом сознании студенчества официальная государственная символика не играет роли доминантного интегрирующего символа, хотя и артикулируется как довольно значимый вид символики. На основании сопоставления различных групп символов мы сделали вывод, что в массовом сознании студенческой молодёжи ценностную значимость имеет концепт «сила». Это можно связать с ощущением её недостатка как основного социально-политического качества, необходимого современной России. Концепт «сила» выступает в роли доминирующей бессознательно декларируемой значимой ценности в сознании студенчества.

Несмотря на то что в сознании студенческой молодёжи г.Красноярска отсутствуют доминантные понятийные политические символы, которые смогли бы значительно повысить интегрированность и мобилизационный потенциал студенческой молодёжи, важную роль играет фигура символической личности.

Политическое сознание студенчества в современной России характеризуется многослойной структурой смысловых значений политических символов, это связано с сосуществованием в массовом сознании различных политических ориентаций, а также символов старого и нового государственного порядка. На основе определения доминанты эмоционального отношения социальной группы к определённому явлению социальной действительности можно выявить, какая из этих ориентаций доминирует в данный момент в политическом сознании. Это имеет решающее значение для понимания того, какие ценности будут доминировать в социуме в тот или иной период и какие символы необходимы для фиксации этих ценностей в сознании социальной группы.

Такое исследование имеет особую практическую и теоретическую значимость. Изучение интегрирующих символов необходимо в целях снижения уровня социальной напряжённости между различными социальными группами. Интегрирующие на макроуровне символы способны значительно повысить уровень

организации социума, что является одним из важных условий достижения социальной стабильности в обществе.

За реконструированием содержания базовых социально-политических символов в массовом сознании студенчества стоит попытка представить одну из альтернативных позиций, с которой возможно изучение социума как универсума в единстве его духовных, социальных и природных взаимосвязей. Когнитивный потенциал символистского подхода в социологии далеко не исчерпан, вместе с тем очевидна прикладная его значимость в контексте изучения глубинных процессов трансформации массового сознания у студенчества и той духовной реальности, в которой кроются источники многих социальных противоречий и катаклизмов в жизни социума. Кроме того, в обществе, где наблюдается насущная потребность в выработке интегрирующей идеологии, необходимо учитывать не только актуальное содержание символов в сознании студенчества, но и уделять внимание тому, что конструируемые значения символов действительно корреспондируют с нынешними ценностями и актуальными потребностями этой социальной группы, способствуют её интеграции и становятся жизненно важными ориентирами в процессе проектирования будущего.

ПРИКЛАДНЫЕ, ТРАДИЦИОННЫЕ И СПОРТИВНЫЕ ЕДИНОБОРСТВА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ КАК ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЙ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МОЛОДЕЖИ

Труфанов Д.О.

Красноярский государственный
университет
(г.Красноярск)

В настоящее время в нашей стране существует огромное количество всевозможных федераций, школ, клубов, секций рукопашного боя – от традиционных до прикладных. Как показывают наблюдения, основной контингент занимающихся – молодежь (лица в возрасте от 14-16 до 25-30 лет). Практика единоборств определенным образом влияет на формирование духовного мира молодых людей, на их отношение к себе, к окружающим, к миру, составляя тем самым особенность процесса социализации данной категории граждан. Здесь нам видится задача оценить такое влияние единоборств на личность молодых

людей в современном обществе, рассмотреть их как фактор изменений ценностных ориентаций молодежи, т.к. ценностные ориентации являются одним из основных факторов, регулирующих мотивацию деятельности. Возникают следующие вопросы: Кого сегодня выпускают школы рукопашного боя в общество? Какой отпечаток накладывают единоборства на бытие человека в обществе? В конечном итоге следует ли признать современные школы единоборств институтом, формирующим гармоничного человека или средством развития жесткой агрессивной личности?

Одной из главных причин популярности единоборств в России сегодня остается проблема личной безопасности граждан, базирующаяся на соответствующей актуальной потребности человека. Боевые искусства – способ индивидуального решения данной проблемы.

С целью объяснения причин и характера изменений ценностных ориентаций молодежи в практике боевых искусств, на наш взгляд, следует выделить ряд факторов.

Одним из важных факторов являются цели и задачи, которые ставит перед собой практик. По характеру мотивации выделяют два уровня целей.¹

Первый уровень – задачи узкопрактические, преследующие исключительно прикладные цели. Здесь боевое искусство – только метод самозащиты или нападения (решения конфликтов, ведения боевых действий и т.д.). Такой характер мотиваций и взглядов на боевое искусство можно назвать стереотипным. Он связан с реализацией одной из базовых потребностей человека – с потребностью в безопасности, с одной стороны, и с желанием достичь более высокого социального статуса путем развития себя как воина – с другой (в наличии воинов заинтересовано общество).

Второй уровень – понимание боевого искусства как системы развития человека, имеющей свою специфику. Специфика системы отражается в метафизических целях, способах их достижения и способах обучения. Здесь человек соприкасается с системой метафизических воззрений, образующих мотивацию совершенно иного рода.

Существуют примеры, когда практик, изначально ориентировавшийся на цели первого уровня, в процессе занятий изменял приоритеты и восходил к пониманию единоборств как

¹ Моисеев Д. Философско-психологическое рассмотрение воинских искусств как деятельности. [http: /www.infoline.ru/g23/4249/SoftSchool/SS/Articles/fond/htm](http://www.infoline.ru/g23/4249/SoftSchool/SS/Articles/fond/htm), 2000.

пути самосовершенствования. Однако существуют и обратные примеры, эмпирически фиксируемые в гораздо меньшем количестве.

Второй фактор – специфика боевых искусств как деятельности. Известно, что характер деятельности во многом обуславливает изменения, происходящие в личности. Следует выделить ряд особенностей, присущих, на наш взгляд, боевым искусствам как деятельности.

1. Практика единоборств включает в себя три компонента: скоростно-силовой, технический и психологический. Скоростно-силовой компонент содержит весь комплекс средств и сведений о необходимом физическом развитии воина, технический компонент включает конкретную технику, психологический компонент связан с подготовкой соответствующего состояния сознания для выполнения поставленных задач.

С точки зрения психологического аспекта боевые искусства следует отнести к деятельности в экстремальных условиях. Деятельность в экстремальных условиях связана с возникновением специфической стрессовой реакции человека, требующей мобилизации резервов организма. Однако деятельность человека в экстремальных условиях по специфике реакций может носить субъективный характер: для одних людей экстремальная ситуация вызывает реакции, характерные для стрессовых ситуаций, а для других в аналогичной ситуации стрессовой реакции может не быть. Наличие специфической стрессовой реакции в экстремальных условиях зависит от подготовки человека к предстоящей деятельности.

Таким образом, одна из целей внутренней подготовки в боевых искусствах состоит в том, чтобы деятельность, квалифицируемая обычными людьми как экстремальная, носила вполне обыденный характер для воина, что сказывалось бы на его отношении к ней. Это обязательное условие, позволяющее бойцу действовать адекватно ситуации. Наличие же стрессовой реакции будет вносить в его действия существенные искажения, последствия которых могут быть фатальны. Известен научный факт, установленный американскими психологами, наблюдавшими за поведением военнослужащих на полях сражений в годы второй мировой войны: в настоящем, а не учебном бою правильно действуют только четверть бойцов. Три четверти отчаянно боятся погибнуть и как следствие – совершают одну ошибку за другой.¹

¹ Тарас А.Е. Боевая машина. – Мн., 1995.

Одна из важнейших задач в практике боевых искусств – преодоление страха. Страх – это эмоция, переживание, возникающее при угрозе как биологическому, так и социальному благополучию человека. Страх и стрессовые реакции вносят в действия человека существенные искажения, не позволяя действовать эффективно в возникающих экстремальных ситуациях. В зависимости от ситуации и особенностей личности человека переживание страха варьируется в широком диапазоне реакций: неуверенность, опасение, тревога, испуг, паника, отчаяние, ужас.

У подготовленного бойца любая угроза, опасность или агрессия должна вызывать не страх, а положительные (стенические) эмоции. Чтобы это стало возможным, необходимо решить в процессе внутренней подготовки две основные задачи:

- 1) устранить из психики страх перед смертью;
- 2) научиться сражаться в бою без участия сознания.

Тогда в любой ситуации, даже перед лицом реальной гибели, человек сможет действовать раскованно, без лишнего напряжения, наиболее эффективным для его возможностей способом.

Для решения первой задачи необходимо изменение личной шкалы ценностей человека, в которой жизнь не является первой и основной ценностью; вторая задача решается посредством медитации и самовнушения.

2. На основе анализа боевых действий как наиболее характерного проявления деятельности в особых условиях Д.Моисеев совершенно справедливо разделяет деятельность на простую и сложную.¹ Главным критерием для такого разделения служит состояние сознания на момент выполнения деятельности. Ключевым отличием сложной деятельности от простой является необходимость изменения текущего состояния сознания для адекватного выполнения поставленной задачи.

Характеристики сложной деятельности:

- требует скоростных действий, высокой интеллектуальной и физической подвижности, быстрой генерации решений, способности быстро оценивать обстановку, перерабатывать и воспринимать большое количество вербальной и невербальной информации, быстро реагировать на различные воздействия;
- для сложной деятельности не существует общего алгоритма действий;

¹ Моисеев Д. Философско-психологическое рассмотрение воинских искусств как деятельности. <http://www.infoline.ru/g23/4249/SoftSchool/SS/Articles/fond/htm>, 2000

- цели сложной деятельности, обстоятельства и начальные условия постоянно меняются;
- может существовать угроза жизни и здоровью;
- требует измененного состояния сознания.

Примеры сложной деятельности: поединок в воинских искусствах, управление людьми в условиях паники, ремонт сложного механизма или системы в условиях дефицита времени и опасности для жизни, управление подвижными средствами в тяжелых условиях, предпринимательская деятельность в условиях резко меняющейся конъюнктуры, инфляции, неопределенности и т.п.

Простая деятельность – деятельность, не требующая изменения текущего состояния сознания и может выполняться в обычном состоянии.

Характеристики простой деятельности:

- суть простой деятельности – монотонное исполнение однотипных простейших операций;
- начальные установки, конечные цели, сопутствующие условия всегда неизменны и четко определены;
- не требует высоких скоростей;
- оперирует малым числом объектов.

Примеры простой деятельности: отработка технических приемов в боевых искусствах, сборка несложного приспособления, вводить текст в компьютер и т.п.

Введение понятий простой и сложной деятельности позволило выявить ряд эмпирических закономерностей¹:

– чем более деятельность изменяется от простой к сложной, тем все более она начинает приобретать черты непрерывной деятельности и требует от человека соответствующего мышления для ее выполнения;

– при увеличении сложности деятельности мышление человека начинает приобретать более интуитивный характер, самоосознавание своего Я и деятельности утрачивается, снимается разделенность между субъектом и объектом деятельности.

Сложная деятельность требует максимально возможного диапазона адаптивности человека, с одной стороны, и способности быстро расширять этот диапазон – с другой. При этом сама сложная деятельность есть совокупность факторов, воздействующих на человека в очень широком диапазоне,

¹ Моисеев Д. Философско-психологическое рассмотрение воинских искусств как деятельности.

имеющем тенденцию расширяться в случайные моменты времени непредсказуемым образом.

Здесь наблюдается любопытный феномен. Уровень мастерства в боевых искусствах проявляется в психической реакции на ситуацию, в способности сконцентрироваться или расслабиться, в способности оценивать ситуацию, в способности принимать решение, творчески «проходить» ситуацию, адекватно реагировать на быстрое изменение условий, выдерживать моральный прессинг угрозы для жизни и т.д. Субъективное мастерство предполагает наличие способности расширять свой диапазон адаптивности в зависимости от изменяющихся обстоятельств. Практически субъективное мастерство в конечном итоге определяет вероятность прохождения человеком сложной ситуации.

На этом этапе выявляется существенная деталь: те психологические свойства и процессы, высокий уровень развития которых обуславливается субъективным мастерством, никоим образом не связаны ни с какой предметной или профессиональной деятельностью человека. Мастерство затрагивает глубинные процессы и при этом определяет способность к психофизической адаптации в конкретной ситуации. Реализация мастерского уровня отражается на деятельности человека во многих профессиональных аспектах, причем не только в своей профессиональной сфере, но и во всех других областях деятельности, с которыми он сталкивается.

Феномен заключается в следующем: человек развивается некоторым специфическим путем, характерным для определенной предметной деятельности. С достижением определенного уровня внутренней трансформации человека, качества его мастерства начинают проявляться во всех остальных сферах деятельности, с которыми он соприкасается.

3. Третий фактор, определяющий специфику изменений личности, – вид единоборств, выбранный практикующим для изучения. На наш взгляд, следует выделить три основных вида единоборств¹:

Прикладные единоборства (первый уровень целей). К этому уровню следует отнести направления боевых искусств, связанные с обучением войск, телохранителей или специальных

¹ Труфанов Д.О. Боевые искусства в современном обществе: способ самозащиты или средство культивации агрессии? // Духовно-исторические чтения: Материалы межвузовской научно-практической конференции / Отв. ред. М.Д.Северьянов. – Красноярск, 2003.

подразделений силовых структур. Эти стили используются сотрудниками органов правопорядка, государственной безопасности и охраны. Главная цель в таких школах – наиболее быстрое, эффективное и надежное выведение противника из строя. К ним относятся боевое самбо и дзюдо, рукопашный бой, джиу-джитсу (дзю-дзюцу), хапкидо и т.д.

Спортивные единоборства (первый уровень целей). К ним следует отнести «бои без правил», контактное и полуконтактное каратэ, спортивные дзюдо и самбо, таэквон-до, кик-боксинг и т.д. Главная цель здесь – победить соперника в рамках строго определённых правил. Отличительной чертой спортивных единоборств является проведение соревнований. В связи с этим вызывают интерес исследования В.А.Хо-шу-де, который изучал динамику мотивации и ценностных ориентаций занимающихся карате-до.¹ Он выявил зависимость характера изменений мотивации и ценностных ориентаций от стажа занятий.

Традиционные единоборства (второй уровень целей). Сюда следует отнести традиционные восточные боевые искусства – ушу, традиционное каратэ-до, вьет во дао и т.д. В основе этих направлений лежит фундаментальная философия.

Таким образом, перед нами различные виды деятельности, имеющие свою специфику. Очевидно, что в рамках этих видов деятельности изменения, происходящие в личности человека, будут различны.

4. В качестве еще одного фактора следует выделить личность инструктора (тренера, учителя). Как показывает практика, степень доверия инструктору, а следовательно, и результат занятий во многом зависят от уровня, на котором находится его личность.

Таким образом, боевые искусства являются специфическим видом деятельности, который накладывает отпечаток на личность практикующего, изменяя определенным образом ценностные ориентации и поведение человека в обществе.

В настоящее время нами проводится исследование, результатом которого станет определение специфики изменений ценностных ориентаций молодых людей, практикующих различные виды единоборств, на основании чего будет сделан вывод о роли школ боевых искусств в формировании личности современных молодых людей.

¹ Хо-шу-де В.А. Динамика мотивации спортсменов-каратэков. <http://private.peterlink.ru/philo/stez/s24.html>. 2001.

Вне плана издания

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ
В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**

Материалы межрегиональной научно-практической конференции

Отв. ред. В.Г.Немировский, Д.Д.Невирко.

Редактор Т.Ю. Яковлева
Технический редактор Е.Н. Банщикова

ИД № 02390 от 17.07.2000
ПД № 16-017 от 10.07.2000
СЭЗ № 24.49.1.953 П 000313.07.03 от 21.07.2003 г.

Подписано в печать _____
Формат Р 60х84. Бумага типографская. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. листов 17,1.
Тираж _____ экз. Заказ _____.

Организационно-научный и редакционно-издательский отдел.
Сибирский юридический институт МВД России.
660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.

